

ISSN 2409-4102

ВЕСТНИК

ЧЕЛЯБИНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

MONT'BVSEL.SIN
LO-IACT'BAT'CORI
CRVDELIS'ALEX'NI
CARM'NLNOS TRI
RFM'RI'M'FN.VN
MONT'BVSEL.SIN
LO-IACT'BAT'CORI
CRVDELIS'ALEX'NI
CARM'NLNOS TRI

ОБРАЗОВАНИЕ
И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

№ 4(24) 2023

ВЕСТНИК

ЧЕЛЯБИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБРАЗОВАНИЕ И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

ISSN 2409-4102
doi 10.47475/2409-4102

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 2014 году

2023 № 4 (24)

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. Важенин, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор
(Южно-Уральский государственный медицинский университет, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. В. Майоров, доктор юридических наук, доцент, член АНРИ
(Челябинский государственный университет, Россия)

А. А. Миасова, кандидат биологических наук
(Южно-Уральский государственный медицинский университет, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С. А. Белоусова, доктор психологических наук (кандидат педагогических наук), профессор (Челябинский государственный университет, Россия); *В. В. Базельюк*, доктор педагогических наук, профессор (Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Россия); *В. Г. Дегтярь*, академик РАН, доктор технических наук, профессор (Государственный ракетный центр им. академика В. П. Макеева, Россия); *О. С. Дейнека*, доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия); *А. И. Долгушина*, доктор медицинских наук (Челябинск, Россия); *А. С. Доможирова*, доктор медицинских наук (Челябинск, Россия); *А. В. Привалов*, доктор медицинских наук, профессор (Челябинск, Россия); *А. Ю. Савочкина*, доктор медицинских наук, председатель редакционной коллегии (Челябинск, Россия); *В. А. Тупиков*, кандидат медицинских наук (Челябинский государственный университет, Россия); *Н. А. Шаназаров*, доктор медицинских наук, профессор (Больница медицинского центра управления делами президента Республики Казахстан, Казахстан); *Е. А. Шумилова*, доктор педагогических наук, профессор (Кубанский государственный университет, Россия); *О. Б. Цейликман*, доктор медицинских наук, доцент (Челябинский государственный университет, Россия); *В. Э. Цейликман*, доктор биологических наук, профессор (Южно-Уральский государственный университет, Россия); *Ямини Неги*, PhD, (School of Liberal Studies, UPES, India), ORCID: 0000-0003-0300-4069; *Айвана Педович*, PhD, Assistant Professor (University of Niš, Serbia); ORCID: 0000-0001-6547-909X; Scopus Author ID 35782224000

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

О. Н. Егоров, кандидат медицинских наук (Челябинский государственный университет, Россия); *А. А. Данилова*, ответственный секретарь, кандидат педагогических наук (Челябинский государственный университет, Россия); ORCID: 0000-0001-6701-1941; Web of Science ResearcherID IAQ-3990-2023; *Д. В. Деккерт*, кандидат педагогических наук (Челябинский государственный университет, Россия); *Н. В. Держинский*, кандидат медицинских наук (Челябинский государственный университет, Россия); *Е. В. Забелина*, доктор психологических наук, доцент (Челябинский государственный университет, Россия); ORCID: 0000-0002-2365-6016; Scopus Author ID 633966; Web of Science Researcher ID V-1905-2018; *С. А. Курносова*, кандидат педагогических наук, доцент (Челябинский государственный университет, Россия); ORCID: 0000-0002-1458-6597; Scopus Author ID 57210634327; Web of Science ResearcherID W-7235-2018; *В. С. Полковникова*, ответственный секретарь (Челябинский государственный университет, Россия); *Е. В. Шереметьева*, кандидат педагогических наук (Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Россия); *Н. М. Эрлихман*, кандидат медицинских наук (Челябинский государственный университет, Россия)

Редакция журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.

Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций
несут авторы публикаций.

Цель журнала — представить российской и зарубежной научной и научно-педагогической обществу, а также докторантам, аспирантам, магистрантам и другим обучающимся учреждений высшего образования новые научные результаты, имеющие значение в различных областях фундаментальной и прикладной науки по педагогике, психологии, биологии и медицине.

Журнал выходит
четыре раза в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 57а,
аудитория 213
Тел. +7 (351) 799-71-58

С требованиями
к оформлению статей можно
ознакомиться на сайте журнала
http://journals.csu.ru/index.php/vcsu_eh/index

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство
ПИ № ФС77-58492

Журнал включен
в Реферативный журнал
и Базы данных ВИНИТИ РАН

Корректра *М. В. Трифонова*
Верстка *М. В. Трифоновой*

Подписано в печать 06.12.23.
Выход в свет 13.12.23.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 10,5.
Уч.-изд. л. 9,0.
Тираж 100 экз. Заказ 554.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 57б

BULLETIN

OF CHELYABINSK
STATE
UNIVERSITY

EDUCATION
AND HEALTHCARE

ISSN 2409-4102
doi 10.47475/2409-4102
ACADEMIC PERIODICAL

Founded in 2014

2023 № 4 (24)

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

EDITOR-IN-CHIEF

A. V. Vazhenin, RAS Academician, Dr. Sci. (Medicine),
Prof. (South Ural State Medical University, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

A. V. Mayorov, Dr. Sci. (Law), Prof. (Assoc.),
Member of ASEP (Chelyabinsk State University, Russia)

A. A. Minasova, Cand. Sci. (Biology)
(South Ural State Medical University, Russia)

EDITORIAL BOARD

S. A. Belousova, Dr. Sci. (Psychology), Cand. Sci. (Pedagogy), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); *V. V. Bazelyuk*, Dr. Sci. (Pedagogical), Prof. (South Ural State University (NRU), Russia); *O.S. Deineka*, Dr. Sci. (Psychology), Professor (St. Petersburg State University, Russia); *V. G. Degtyar*, RAS Academician, Dr. Sci. (Technical), Prof. (Academician V. P. Makeev State Rocket Center, Russia); *A. I. Dolgushina*, Dr. Sci. (Medicine) (Chelyabinsk, Russia); *A. S. Domozhirova*, Dr. Sci. (Medicine) (Chelyabinsk, Russia); *A. V. Privalov*, Dr. Sci. (Medicine), Prof. (Chelyabinsk, Russia); *A. Yu. Savochkina*, Dr. Sci. (Medicine), Chair of the Editorial Board (Chelyabinsk, Russia); *V. A. Tupikov*, Cand. Sci. (Medicine) (Chelyabinsk State University, Russia); *N. A. Shanazarov*, Doctor of Medical Sciences, Professor (Hospital of the Medical Center for the Administration of the President of the Republic of Kazakhstan, Kazakhstan); *E. A. Shumilova*, Dr. Sci. (Pedagogical), Prof. (Kuban State University, Russia); *O. B. Tseilikman*, Dr. Sci. (Medicine), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk State University, Russia); *V. E. Tseilikman*, Dr. Sci. (Biological), Prof. (South Ural State University, Russia); *Yamini Negi*, PhD (School of Liberal Studies, UPES, India); ORCID: 0000-0003-0300-4069; *Ivana Pedović*, PhD, Assistant Professor (University of Niš, Serbia); ORCID: 0000-0001-6547-909X; Scopus Author ID 35782224000

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTIONS

O. N. Egorov, Cand. Sci. (Medicine) (Chelyabinsk State University, Russia); *A.A. Danilova*, Executive Secretary, Cand. Sci. (Pedagogical) (Chelyabinsk State University, Russia); ORCID: 0000-0001-6701-1941; Web of Science Researcher ID IAQ-3990-2023; *D. V. Dekkert*, Cand. Sci. (Pedagogical) (Chelyabinsk State University, Russia); *N. V. Derzhinskiy*, Cand. Sci. (Medicine) (Chelyabinsk State University, Russia); *E. V. Zabelina*, Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor (Chelyabinsk State University, Russia); ORCID: 0000-0002-2365-6016; Scopus Author ID 633966; Web of Science Researcher ID V-1905-2018; *S. A. Kurnosova*, Cand. Sci. (Pedagogical), Associate Professor (Chelyabinsk State University, Russia); ORCID: 0000-0002-1458-6597; Scopus Author ID 57210634327; Web of Science ResearcherID W-7235-2018; *V. S. Polkovnikova*, Executive Secretary (Chelyabinsk State University, Russia); *E. V. Sheremetieva*, Cand. Sci. (Pedagogical) (South Ural State University of Humanities and Education, Russia); *N. M. Erlichman*, Cand. Sci. (Medicine) (Chelyabinsk State University, Russia)

The journal is published
four times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirnykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office's address:
57a Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia, room 213
Telephone: + 7 (351) 799-71-58

All the requirements
are available on the web-site
[http://journals.csu.ru/index.php/
vcsu_eh/index](http://journals.csu.ru/index.php/vcsu_eh/index)

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies
and Communications
Certificate ПИ № ФС77-58492

Abstracting and indexing
in Referativny Zhurnal
and VINITI Database RAS

Proofreader *M. V. Trifonova*
Imposition by *M. V. Trifonova*

Passed for printing 06.12.23.
Date of publication 13.12.23.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 10,5.
Ac.-publ. sh. 9,0.
Circulation 100 copies. Order 554.
Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

The Editorial Board may not share the views of the authors.
Authors are responsible for the article content and quality of annotations' translation.

The purpose of the journal is to present to the Russian and foreign scientific and pedagogical community, as well as to doctoral students, postgraduate students, undergraduates and other students of higher education institutions new scientific results of importance in various fields of fundamental and applied science in pedagogy, psychology, biology and medicine.

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИКА

<i>Akhmirova E. R., Telitsyna A. Y.</i> Mentoring as a Modern Method of Building the Pedagogical Process	5
<i>Мазур М. А.</i> Аксиологический подход к нравственным традициям органов внутренних дел	10
<i>Андреев А. С.</i> Использование специализированной полосы препятствий в развитии скоростно-силовых качеств сотрудников вневедомственной охраны войск национальной гвардии	16
<i>Костюков А. В.</i> Некоторые аспекты обучения взаимодействию сотрудников полиции при применении физической силы	21

ПСИХОЛОГИЯ

<i>Артемьева Ж. Г., Артемьева В. А.</i> Психологические особенности подростков с противоправным поведением	25
<i>Кузнецова М. Н., Рычкова Л. С., Ивановский Е. В.</i> Психологические аспекты воспитательного процесса студентов как профилактика деструктивного поведения	31
<i>Абросимова Е. А.</i> Экзистенциальный взгляд на депрессию	36
<i>Васюра С. А.</i> Самопрезентация в общении: аспекты визуальной самоподачи образа Я	46
<i>Волосатова О. С., Забелина Е. В.</i> Взаимосвязь временного фокуса, субъективного возраста и субъективного благополучия у людей на пенсии	56
<i>Карташев И. В., Данилова А. А.</i> Особенности детско-родительской привязанности у лиц с проявленной наркотической аддикцией	67
<i>Корниенко А. В., Старченкова Е. С.</i> Структурная модель влияния личностных детерминант на профессиональное здоровье	73
<i>Кочкорбаева А. Э., Денисова Е. Г., Абакумова И. В.</i> Метакогнитивные корреляты субъективного благополучия преподавателей вузов приграничных регионов в современных условиях	81

CONTENTS

PEDAGOGY

- Akhmirova E. R., Telitsyna A. Y.* Mentoring as a Modern Method of Building the Pedagogical Process 5
- Mazur M. A.* Axiological Approach to the Moral Traditions Department of the Interior Ministry. 10
- Andreev A. S.* The Use of a Specialized Obstacle Course in the Development of Speed-Strength Qualities of Employees of the Private Security Forces of the National Guard Troops . . 16
- Kostyukov A. V.* Some Aspects of Training in the Interaction of Police Officers When Using Physical Force 21

PSYCHOLOGY

- Artemyeva Zh. G., Artemyeva V. A.* Psychological Characteristics of Adolescents With Illegal Behavior 25
- Kuznetsova M. N., Rychkova L. S., Ivanovsky E. V.* Psychological Aspects of the Educational Process of Students as a Prevention of Destructive Behavior 31
- Abrosimova E. A.* Existential View on Depression 36
- Vasyura S. A.* Self-presentation in Communication: Aspects of Visual Self-image of I 46
- Volosatova O. S., Zabelina E. V.* Interrelation of Temporal Focus, Subjective Age and Subjective Well-Being of People in Retirement 56
- Kartashev I. V., Danilova A. A.* Features of Child-Parent Attachment in Persons With Manifested Addiction. 67
- Kornienko A. V., Starchenkova E. S.* Structural Model of Influence of Personal Determinants on Professional Health 73
- Kochkorbaeva A. E., Denisova E. G., Abakumova I. V.* Metacognitive Correlates of Subjective Well-Being of University Teachers in Border Regions in Modern Conditions 81

ПЕДАГОГИКА PEDAGOGY

*Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 4 (24).
С. 5–9. ISSN 2409-4102 (print)*

Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare. 2023;(4(24):5-9. ISSN 2409-4102 (print)

Original article

doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-5-9

MENTORING AS A MODERN METHOD OF BUILDING THE PEDAGOGICAL PROCESS

Elvina R. Akhmirova¹, Alexandra Y. Telitsyna²

¹Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, elvina.ahmirova@mail.ru, ORCID 000-0002-7208-2215

²National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russia, atelitsyna@hse.ru, ORCID 0000-0002-0186-3989

Abstract. The article is devoted to the study and analysis of mentoring as a modern method of constructing the pedagogical process. It includes the disclosure of the main content aspects inherent in the definition of this concept, reveals current trends, as well as shows its historical base. The article outlines the main theoretical aspects of the concept of mentoring and raises very topical issues of our time. In foreign and domestic literature, many teachers have considered the concept in their research. But priority and special attention have earned it in our time. Various mentoring models are created, the peculiarities of the process are revealed from different sides and modern concepts of building productive activities are modeled. Thanks to mentoring, as a modern method of building the pedagogical process, we will be able to organize activities at a high level. All this will help the participants of the pedagogical process in their further professional development, as well as in the development of personal qualities that are necessary for every person. Despite the understanding of the significance of this process, there are a lot of unresolved issues: how to build the concept of building work with the help of mentoring, what are the ways and methods of productive interaction with teenagers and much more.

Keywords: mentoring, pedagogical process, mentoring in pedagogy

Funding. This work is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

For citation: Akhmirova ER, Telitsyna AY. Mentoring as a Modern Method of Building the Pedagogical Process. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare.* 2023;(4(24):5-9. doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-5-9. (In Russ.).

Научная статья
УДК 371.3

НАСТАВНИЧЕСТВО КАК СОВРЕМЕННЫЙ МЕТОД ПОСТРОЕНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Эльвина Рифатовна Ахмирова¹, Александра Юрьевна Телицина²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, elvina.ahmirova@mail.ru, ORCID 000-0002-7208-2215

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, atelitsyna@hse.ru, ORCID 0000-0002-0186-3989

Аннотация. Статья посвящена исследованию и анализу наставничества как современного метода построения педагогического процесса. Включает в себя раскрытие основных содержательных аспектов, заложённых в определении данного понятия, раскрывает современные тенденции развития, а также показывает его историческую базу. В статье изложены основные теоретические стороны понятия наставничества и поднимаются весьма актуальные вопросы современности. В зарубежной и отечественной литературе многие педагоги рассматривали наставничество в своих исследованиях, но приоритет и особое внимание

наставничество заслужило именно в наше время. Создаются различные модели наставничества, раскрываются особенности процесса с разных сторон и моделируются современные концепции построения продуктивной деятельности. Благодаря наставничеству, как современному методу построения педагогического процесса, мы сможем организовать педагогическую деятельность на высоком уровне. Всё это поможет участникам педагогического процесса в дальнейшем профессиональном становлении, а также в развитии личных качеств, необходимых каждому человеку. Несмотря на понимание значимости данного процесса, остается очень много нерешенных вопросов: как выстраивать концепцию построения работы при помощи наставничества, каковы способы и методы продуктивного взаимодействия с подростками и многие другие.

Ключевые слова: наставничество, педагогический процесс, педагогический метод

Финансирование. Настоящая работа является результатом исследовательского проекта, реализуемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Akhmirova E. R., Telitsyna A. Y. Mentoring as a Modern Method of Building the Pedagogical Process // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 4 (24). С. 5–9. doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-5-9.

Introduction

Mentoring is a way of transferring knowledge, skills and abilities to a young person from a more experienced and knowledgeable one, providing help and advice to young people, providing the necessary support in socialization and growing up [1]. In general, mentoring is one of the most ancient ways of teaching the younger generation various knowledge, necessary skills, value orientations and positive attitudes. Interaction usually takes place in informal communication and is not related to business relations.

Mentoring is a fairly modern method of interaction, carries a high level of effectiveness for personal development, as well as helps young people realize their potential, promotes self-improvement and helps determine the trajectory of further activities.

An analogue of the term mentoring is the foreign concept of “mentor” [7]. One of the main characteristics of a mentor is the combination in one person of a competent adult, an excellent interlocutor and a good friend of a peer [3]. Mentoring is associated with competence, experience and a clear definition of roles [9].

An effective mentor can be a person who has reached the age of majority, who has outstanding qualities [19]. He is distinguished by a high level of communication, has organizational skills, has time management skills, is purposeful, easy to learn and ready to share his experience with others, as well as with extensive experience in any field of activity and loves to share his knowledge with the younger generation [16]. A mentor is a person who has a desire to help others, is open and sincere, has a proper level of patience and a desire to listen to others [11].

Mentoring originates in the distant past, from ancient times. It is believed that the first professional mentor, the one who laid the foundation and originated the beginning of mentoring, as one of the main ways of transferring experience, was the character of ancient Greek mythology Mentor [18]. He was a wise

adviser who enjoyed everyone’s trust. The mentor was a vivid example of a wise and effective mentor [14; 21].

Many scientists and not only have been trying to figure out the goals and objectives of the mentor’s activity since ancient times. For example, the ancient Greek philosopher Socrates considered the main task of the mentor to be the awakening of the powerful spiritual forces of the student [12]. Socrates’ conversations were aimed at helping the “self-generation” of truth in the consciousness of the student [2]. His main didactic achievement is a dialectical dispute that leads to the truth through questions thought out by the mentor [17]. In the search for truth, the student and the mentor should be in an equal position, guided by the thesis “I only know that I don’t know anything” [1].

In his writings, the Athenian philosopher of the classical period of Ancient Greece Plato considered: “Education must begin at the early stages of human development, which will ensure the gradual formation of the student to the world of ideas” [4]. This education can be carried out primarily by an elderly mentor. The Franco-Swiss philosopher, writer and thinker of the Enlightenment, Jean-Jacques Rousseau, believed: “The main and most difficult art of a mentor is to be able to do nothing with a student” [5].

In the Russian pedagogy of the beginning of the twentieth century, the great teacher Konstantin Dmitrievich Ushinsky talked about mentoring in his works. He argued that human professional experience cannot completely replace theoretical training. Both theoretical and practical experience should complement each other, not exclude [8]. The professional development of a person depends on the level of pedagogical skill, experience and knowledge of the mentor.

The modern formation of the concept of “mentoring” originates from the middle of the twentieth century and is considered as one of the forms of personal education and professional training of young people [10]. Mentors of young people are mainly people with

rich life experience, authoritative personalities with certain professional and pronounced supra-professional skills.

In foreign literature and educational theory, mentoring plays a special role as one of the methods of adapting a young specialist to professional detail. Many foreign teachers and specialists, such as S. Fletcher [15], D. Meginson (D. Megginson) [20], D. Clutterbuck (D. Clutterbuck) [13] argue about the weighty significance of the concept not only in professional, but also in the supra-professional formation of personality.

Great interest in mentoring abroad appeared in the 80s of the twentieth century in the works of E. Parsloe (E. Parsloe) [13], D. Clutterbuck (D. Clutterbuck) [13], D. Meginson (D. Megginson) [20] and many others. Around the same time, there was a terminological confusion in the concepts related to mentoring. In this regard, the popular terms “mentoring”, “mentoring”, “coaching”, “on-the-job training” began to be used interchangeably.

Many domestic authors, such as Yu. V. Krichevsky, B. I. Zagvyazinsky, V. A. Slastenin, M. V. Clarin [4], T. N. Prishchepova [5] consider mentoring a productive way of interaction, talked about the importance of this process in working with people of different age categories and the importance of this method of building the pedagogical process.

In our article, we raised certain research questions, which we formulated in the tasks presented below.

Tasks:

1. To reveal the essence and content of the concepts of mentoring, principles, stages and structure of the process;
2. Experimentally test the productivity of mentoring in working with teenagers at the present time;
3. Develop a program and methodological recommendations necessary for mentoring in working with adolescents.

The purpose of the study is to study, theoretically substantiate and familiarize yourself with the psychological and pedagogical literature on mentoring as a modern method of constructing the pedagogical process, as well as to test the level of effectiveness of mentoring in an experimental way.

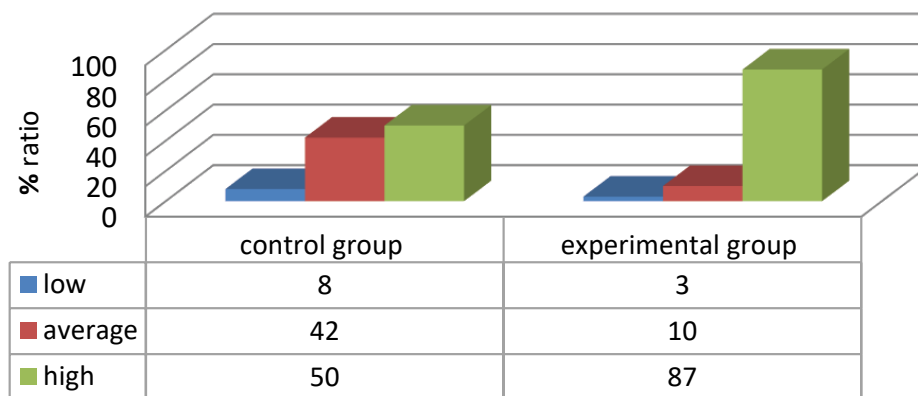
Materials and methods

Methodological explanations have been developed in accordance with the following regulatory documents:

- Decree of the President of the Russian Federation dated May 7, 2018 No. 204 “On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024”;
- Decree of the Government of the Russian Federation dated 31.12.2019 No. 3273-r “On approval of the basic principles of the national system of professional growth of teachers of the Russian Federation, including the national system of teacher growth”;
- Fundamentals of the State Youth Policy of the Russian Federation for the period up to 2025, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation dated November 29, 2014 No. 2403-R;
- The strategy for the development of education in the Russian Federation for the period up to 2025, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation dated May 29, 2015 No. 996-r;
- Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 “On Education in the Russian Federation” (with subsequent amendments);

Research methods:

1. Theoretical (analysis of scientific literature).
2. Empirical (observation, questionnaire, testing), psychological and pedagogical experiment.

Questionnaire of the level of satisfaction with the pedagogical process

Methods and diagnostics used when working on this topic: observation, questioning, Diagnostics of the level of creative activity of pupils (methodology of Mikhail Iosifovich Rozhkova, Y. S. Tyunnikova, B. S. Alisheva, L. A. Volovich), Methodology “What kind of team we have” (author Anatoly Nikolaevich Lutoshkin), KOS — 2 (V. V. Sinyavsky, V. A. Fedorishin).

Results. Sampling and control:

The full testing of the mentoring model was carried out on the basis of the Children’s Health Camp “Veterok” in Chelyabinsk, during the thematic shift. The experimental group consisted of 80 people of the adolescent group.

The control group included 80 people of the adolescent group. The respondents of the control group also rested in the Children’s Health camp “Breeze” in Chelyabinsk, in the process of a different thematic shift.

The introduction of the mentoring model was due to the following circumstances:

- interest in the development of a modern approach to the upbringing and development of the younger generation;
- readiness of teaching staff, parents and children for experimental work, availability of conditions for conducting experimental experiments;
- the active participation of all participants in the process in the free space of pedagogical interaction is necessary.

Based on the results of the psychological and pedagogical experiment, we have identified criteria for evaluating the productivity of experimental research. Thus, we identified the level of satisfaction with the

conducted experiment and were able to draw conclusions based on the results of the tests, questionnaires and surveys.

Conclusion

Summing up the above, we can quite say that mentoring is a modern method of building the pedagogical process. The literature of Russian and foreign researchers studied by us in this matter helped us to understand the features, basics and structure of building work with adolescents, relying on the basis in the theory of psychological and pedagogical literature.

In the modern world, there are a huge number of different types and types of interaction. A large number of mentoring models are currently used [6, 22]. The features and structure of mentoring are suitable for us for further work and will allow us to correctly build activities for the study of this process.

The conducted research structured our results, thereby combining the data that helped us to draw the appropriate conclusions. Questionnaires, testing and questioning of participants in the pedagogical process made it possible to draw appropriate conclusions about the significance and relevance of this topic. The aspects considered in the article highlighted the basis of our activities for us and contributed to the development of an appropriate model of pedagogical mentoring.

Mentoring, as a modern method of interaction, tells us about the significant importance of this process in working with the current generation. Its relevance and importance in the present time is not in doubt and is one of the main approaches in the Russian education system.

References

1. Blinov VI, Yesenina EYu, Sergeev IS. Mentoring in education: a good sharpened tool is needed. [Vocational education and the labor market]. 2019;(3):4-18. (In Russ.).
2. Bystrova NV, Tsyplakova SA, Presnova AK, Pasechnik AS. Mentoring as a pedagogical phenomenon: history and modernity. [Innovative economics: prospects for development and improvement]. 2019;3(37):18-24. (In Russ.).
3. Dudina EA. Mentoring as a special type of pedagogical activity: essential characteristics and structure. [Vestnik NGPU]. 2017; (5): 25–35. DOI: 10.15293/2226–3365.1705.02 (In Russ.).
4. Clarin MV. Modern mentoring: new features of traditional practice in organizations of the XXI century. [Economics and education]. 2016;(5):92-112. (In Russ.).
5. Prishchepova TN. The practice of mentoring in additional education. [Modern education: topical issues and innovations]. 2019;(5):237-241. (In Russ.).
6. Stashkevich IR, Afanasyeva SA. Modern forms of mentoring. [Innovative development of professional education]. 2021;(1(29):147-171. (In Russ.).
7. Tyumaseva ZI, Orekhova IL, Yakovleva NO. The adaptation stage of the process of professional socialization of pedagogical university students. [Education and Science]. 2018;20(1):75-95. (In Russ.).
8. Ushinsky KD. [Pedagogical essays: in 6 volumes]. Moscow, Pedagogy; 1988. (In Russ.).

9. Chelnokova EA, Tyumaseva ZI. Evolution of the mentoring system in pedagogical practice. [Bulletin of Mininsky University]. 2018;(4(25):11-15. (In Russ.).
10. Esaulova IA. New mentoring models in the practice of training and development of personnel of foreign companies. [Business Strategies]. 2017;(6(38):8-13. (In Russ.).
11. Allen TD, Poteet ML. Developing Effective Mentoring Relationships: Strategies From the Mentor's Viewpoint. *The Career Development Quarterly*. 1999;48(1):59-73.
12. Assael LA. Every Surgeon Needs Mentors: A Halsteadian/Socratic Model in the Modern Age. *Journal Oral Maxillofac Surg*. 2010;68(6):1217-1218. DOI:10.1016/j.joms.2010.04.005
13. Clutterbuck D. Everyone needs a Mentor. Everyone needs a mentor: fostering talent in your organization. London, Institute of Personnel and Development; 2004. 200 p.
14. Colley H. Righting rewritings of the myth of Mentor: A critical perspective on career guidance mentoring. *British Journal of Guidance and Counselling*. 2001;29(2):177-198.
15. Fletcher S. Mentoring in Schools: A Handbook of Good Practice. London, Kogan Page; 2000. 257 p.
16. Glenn WJ. Model Versus Mentor: Defining the Necessary Qualities of the Effective Cooperating Teacher. *Teacher Education Quarterly*. 2006;33(1):85-95.
17. Götz IL. On the Socratic Method. *Philosophy of education*. 1999. Pp. 84–92.
18. Healy NA, Cantillon P, Malone C, Kerin MJ. Role models and mentors in surgery. *The American Journal of Surgery*. 2012;204(2):256-261. DOI:10.1016/j.amjsurg.2011.09.031.
19. Keller TE. Youth Mentoring: Theoretical and Methodological Issues. *The Blackwell Handbook of Mentoring: A Multiple Perspectives Approach*. 2007. Pp. 23-47. DOI:10.1111/b.9781405133739.2007.00003.x
20. Megginson D. Techniques for Coaching and Mentoring. London, Butterworth-Heinemann; 2005.
21. Norhasni ZA. Mentoring and Coaching: The Roles and Practices. Available from: <https://ssrn.com/abstract=962231> [Accessed 20 October 2023].
22. Telitsyna A, Arakantseva T, Zavodilkina O. The Perception of Mentors and Mentorship among Youth at Risk in the Russian Federation. *Child welfare*. 2020;98(1):23-50.

Information about the authors

E. R. Akhmirova — Postgraduate Student, Lecturer, Department of General and Professional Pedagogy.

A. Y. Telitsyna — Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management in Non-Governmental Non-Commercial Organizations.

Информация об авторах

Э. Р. Ахмирова — аспирант, преподаватель кафедры общей и профессиональной педагогики.

А. Ю. Телицина — кандидат биологических наук, доцент кафедры экономики и управления в негосударственных некоммерческих организациях.

Статья поступила в редакцию 02.11.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 02.11.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 37.034

doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-10-15

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К НРАВСТВЕННЫМ ТРАДИЦИЯМ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Марина Анатольевна Мазур

Межмуниципальный отдел Министерства внутренних дел Российской Федерации «Ханты-Мансийский», Ханты-Мансийск, Россия, guzam86@rambler.ru, ORCID 0009-0004-6297-6890

Аннотация. Мы рассматриваем нравственные традиции с точки зрения аксиологического подхода, так как именно данный подход объединяет представление о ценностях в нашем сознании и обществе. Ценности человека — это основа внутреннего мира и поведения сотрудника, результат его профессиональной деятельности. На сегодняшний день в Российской Федерации происходят глобальные изменения в сфере политики, экономики, общества, что соответственно влияет на воспитание личного состава органов внутренних дел, на их мировоззрение, ценностные ориентации. Сейчас как никогда важны и необходимы такие качества, как отвага, мужество, смелость, стойкость, терпимость, сострадание, бескорыстие, профессиональный долг и честь, верность, взаимопомощь и др. На данный момент важно формировать и приумножать нравственные традиции в органах внутренних дел России. Оценивая значимость и актуальность данной проблемы в статье, мы рассматриваем исторический аспект ценностей, признаки и принципы нравственных ценностей, их особенности, этапы овладения ценностями, методологическую основу аксиологического подхода, основополагающие нравственные ценности: гражданственность, государственность, патриотизм. Применение аксиологического подхода является необходимым компонентом в воспитательном процессе сотрудников органов внутренних дел России. Данный подход помогает рассматривать нравственные ценности в профессиональной деятельности.

Ключевые слова: нравственность, нравственные традиции, нравственное воспитание, традиция, ценность, сотрудник органов внутренних дел, аксиологический подход

Для цитирования: Мазур М. А. Аксиологический подход к нравственным традициям органов внутренних дел // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 4 (24). С. 10–15. doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-10-15

Original article

AXIOLOGICAL APPROACH TO THE MORAL TRADITIONS DEPARTMENT OF THE INTERIOR MINISTRY

Marina A. Mazur

Inter-Municipal Department of the Interior Ministry of the Russian Federation “Khanty-Mansiysk”, Khanty-Mansiysk, Russia, ruzam86@rambler.ru, ORCID 0009-0004-6297-6890

Abstract. We consider moral traditions from the point of view of an axiological approach, since it is this approach that unites the idea of values in our consciousness and society. Human values are the basis of an employee's inner world and behavior, the result of his professional activity. To date, global changes are taking place in the Russian Federation in the sphere of politics, economy, and society, which accordingly affects the education of the personnel of the internal affairs bodies, their worldview, and value orientations. Now more than ever, such qualities as courage, courage, fortitude, tolerance, compassion, selflessness, professional duty and honor, loyalty, mutual assistance, etc. are important and necessary. At the moment, it is important to form and multiply moral traditions in the internal affairs bodies of Russia. Assessing the significance and relevance of this problem in the article, we consider the historical aspect of values, the signs and principles of moral values, their features, the stages of mastering values, the methodological basis of the axiological approach, the fundamental moral values: citizenship, statehood, patriotism. The application of the axiological approach is a necessary component in the educational process of employees of the internal affairs bodies of Russia. This approach helps to consider moral values in professional activity.

Keywords: morality, moral traditions, moral education, tradition, value, employee Department of the Interior Ministry, axiological approach

For citation: Mazur MA. Axiological Approach to the Moral Traditions Department of the Interior Ministry. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare*. 2023;(4(24):10-15. doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-10-15. (In Russ.).

Введение

Вопросы ценностей, значение и смысла жизни рассматриваются со всех сторон, во всех отраслях знаний (философия, социология, педагогика, психология, культурология) и являются предметом изучения многих ученых.

Основная часть

В XVIII в. И. Кант впервые применил понятие «ценность», под которым понимал значимость и требования, устремленные к воле человека. Основателем аксиологии принято считать Р. Г. Лотце, он также ввел в научный лексикон понятие «ценность» в конце XIX в. [7].

В современном обществе в качестве одной из значимых ценностей считаются нравственные традиции.

Словарь С. И. Ожегова под «ценностью» понимает «нечто важное, значимое» для человека [9]. При этом подчеркивается, что носителями значимости выступают предметы материальной и духовной культуры, нормы и образцы поведения, знаковые системы и язык.

Первым в истории педагогики проблематику ценностей изучил и объяснил В. П. Тугаринов, который понимал под ценностями как «средство удовлетворения потребностей и интересов, а также идей и побуждения в качестве нормы, цели или идеала» [15].

Исходя из функций ценностей ученые выделяют их классификации. Например, широко известна классификация М. Рокича, представленная двумя группами ценностей — терминальными и инструментальными [11]. Первая группа определяет цели личности, имеющие для нее жизненный смысл. Вторая группа связана с предпочтительными действиями, отражающими личную или общественную точку зрения.

При рассмотрении проблемы ценностей Э. Фромм отмечает, что каждый человек испытывает потребность в ценностных ориентациях, которые направляют его поступки и чувства [17]. Ученый выделяет две группы ценностей:

- 1) официально признанные, осознаваемые;
- 2) действительные, бессознательные.

По его мнению, вторая группа ценностей является непосредственным мотивом поведения человека.

Отечественные ученые разделяют ценности на две группы: ценности социальные и ценности личностные [12; 13].

Самоопределяясь в ценностях профессиональной деятельности, В. Франкл таковыми считает ценности жизни и ценности культур [16]. Эти группы ценностей многофункциональны, так как выступают внутренним стержнем личности, а в социуме — стержнем культуры. В. Франкл отмечает, что данные ценности, функционируя на уровне личности и общества, образуют единство, а именно: личностная система ценностей всегда формируется, основываясь на ценностях, которые являются доминирующими в конкретном обществе. Последние, в свою очередь, влияют на выбор индивидуальной цели каждого отдельного человека и на определение способов ее достижения. Среди аксиологических классификаций выделяется классификация ценностей М. Шеллера, который создал свою классификацию ценностей: ценности удовольствия — приятного и неприятного; ценности витального чувствования, связанные с биологической природой человека, его бытием как природного живого существа; духовно-нравственные ценности [18]. Среди духовно-нравственных ценностей выделяются в порядке их иерархической значимости: эстетические ценности; правовые и политические ценности, связанные со справедливостью и несправедливостью; гносеологические ценности; нравственные ценности; религиозные ценности, святыни.

Таким образом, ценность — это толкование и выражение своего выбора у человека, подчеркивание значимости для себя как личности, но и имеющий общественный смысл. Ценности формируют характер человека, его внутреннее «я». Именно в ценностях «выражается внутреннее духовное богатство личности, ее нравственное отношение к окружающему миру. О нравственности человека можно судить по его руководству высшими ценностями, следованию высшим образцам человеческой культуры, идеалам истины, добра и красоты» [14, с. 101]. Для воспитания имеют особую значимость материальные и духовные ценности, общезначимость ценностей, ценностные ориентации личности и их принятие для достижения определенного результата.

Изучив научную литературу [2; 6; 8], понятие «ценность» можно рассматривать с разных точек зрения:

- понятие ценность как норма своего поведения;
- полезности, нужности обществу;
- в ракурсе надобности либо необходимости человеку.

Л. М. Архангельский рассматривает нравственные ценности как синтез принципов, нравственных идеалов и моральных качеств [1].

А. И. Титаренко связывает нравственные ценности с отношением человека к действительности, которое выражается в поступке, действии, явлении, позволяющих человеку поступать в повседневных ситуациях положенным образом [10].

Е. Г. Гужва в своем исследовании под нравственными ценностями понимает «исторически сложившиеся формы осознанной значимости, проявляющиеся в нормах, качествах и оценках стандартов жизни человека, объединенные целью установления взаимопонимания и сотрудничества между людьми» [4, с. 80].

Таким образом, можно выделить основные признаки нравственных ценностей, которыми являются: общественная значимость, гуманистический статус, регулирование взаимоотношений, стремление к деятельности.

Рассмотрим особенности нравственных ценностей:

- первостепенное значение имеет общественная ценность своей деятельности;
- необходимость понимания собственного бытия, своего поведения;
- способность сотрудника к формированию высоконравственного поведения;
- собственное отношение к морали.

Формирование ценностей происходит на протяжении всей жизни человека как на работе, так и в повседневной жизнедеятельности. Нравственности ценности выражаются в словах, в действиях, в поведении, в отношении к окружающим и формируют стиль жизни человека в различных ситуациях.

При формировании у сотрудников гуманистической установки на приоритетную ценность человеческой личности — освоение нравственных знаний благодаря этому формируются представления о нравственном и безнравственном поведении, добре и зле, о понятиях «долг», «честь», «совесть», «достоинство» и др. В воспитательной деятельности, направленной на формирование у сотрудников мировоззрения на основе ценностного

отношения к человеку, реализуется аксиологическое отношение руководителя к подчиненным. В. Н. Сагатовский связывает аксиологическое отношение с реализацией ценностного подхода.

Рассматривая нравственное воспитание с позиции теории ценностей, можно выделить этапы овладения ценностями: предъявление ценности в реальных условиях воспитания; ее первичное оценивание, обеспечение эмоционально положительного отношения к данной ценности; выявление смысла ценности и ее значения; принятие осознанной ценности; включение принятого ценностного отношения в реальные общественные условия действий и общения; закрепление ценностного отношения в деятельности и поведении.

Ценностный (аксиологический) подход рассматривает систему формирования нравственных традиций. Человек с точки зрения данного подхода является высшей ценностью, может создавать деятельность, регулировать и устанавливать взаимоотношения в обществе.

Значимость аксиологического подхода при формировании нравственных традиций имеет огромное значение в общей системе ценностей человека, в результате целенаправленной работы развиваются ценностное отношение к себе и к окружающим, отношение к Родине, к служебной деятельности.

Процесс формирования нравственных традиций опирается на аксиологические основы и руководствуется принципами:

- научности (актуальность процесса формирования нравственных традиций требованиям науки);
- гуманизма (предполагает возможность сотрудника развиваться как личность);
- системности (взаимосвязь сведений и познаний, которые создают целостную систему);
- приоритетности (взаимосвязь исторического прошлого, ценностей и традиций органов внутренних дел);
- взаимодействия и передачи от старших к младшим традиций и нравственных ценностей;
- объединения и взаимосвязи интересов людей разных культур;
- комплексного подхода (согласованность действий государственных, общественных структур и культурных учреждений);
- активности и наступательности (настойчивость, требовательность, инициативность);
- дифференцированного подхода (предполагает использование индивидуальных форм и методов работы).

Методологической основой аксиологического подхода является формирование нравственного идеала в различных сферах жизнедеятельности: духовной, нравственной, политической, профессиональной; воспитание нравственных ценностей; уважение к истории органов внутренних дел; развитие доверия к настоящему России; реализацию потребностей личности: веры, верности, добра, терпимости, справедливости, добросовестности.

Итак, применение данного подхода при формировании нравственных традиций сотрудников правильно, обоснованно и мотивированно и будет залогом успешного становления мировоззрения.

Формирование нравственных традиций органов внутренних дел — необходимый компонент воспитательного воздействия на сотрудников органов внутренних дел. Целенаправленно, ежедневно и планомерно осуществляется работа с личным составом в данном направлении, что в свою очередь формирует моральный облик и имидж сотрудника, формирует нравственные и моральные качества, создает предпосылки для нравственных и героических поступков.

Специфичность деятельности сотрудника органов внутренних дел заключается в том, что она осуществляется всегда и везде, сотрудник постоянно находится под моральным воздействием окружающей среды.

Английские специалисты еще в 1920 г. не без оснований констатировали, что «...человек не может быть хорошим полицейским, если не обладает более чем средними умственными способностями, хорошей памятью и наблюдательностью, в нем должны сочетаться высокие моральные, умственные и физические качества, которые необязательны для людей иной профессии. Он всегда должен действовать тактично и благоразумно и проявлять инициативу в различных непредвиденных обстоятельствах. На полицейского возлагается гораздо больше ответственности, чем на должностных лиц другой специальности» [3, с. 164]. Это можно в полной мере отнести к сотрудникам, осуществляющим охрану общественного порядка и обеспечивающим безопасность граждан в соответствии с нормативно-правовыми актами.

Работа органов внутренних дел сопряжена со множеством нравственных проблем, порождаемых своеобразием задач, содержания, специальных форм, нестандартных методов и средств их деятельности.

Аксиологический подход позволяет готовить сотрудников, обладающих набором не только

необходимых профессиональных компетенций, но и духовно-нравственных качеств, позволяющих успешно выполнять должностные обязанности.

Высока здесь роль и морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности. Очень важно подбирать нужные, необходимые и полезные воспитательные мероприятия, которые в последующем помогут успешно освоить профессиональную служебную и морально-психологическую подготовку сотрудников.

Реализация мероприятий морально-психологического обеспечения обеспечивает соблюдение принципов деятельности полиции.

Нормативными документами Министерства внутренних дел России закреплена роль воспитательной работы как важного вида морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел, определены подходы к процессу целенаправленного формирования личности через отношение к определенным явлениям окружающего мира и выработку морально-ценностных ориентиров в поведении на службе и в быту. В МВД России постоянно совершенствуются подходы к организации морально-психологического обеспечения, предлагаются новые технологии работы по повышению авторитета ведомства в обществе и организации взаимодействия в интересах обеспечения правопорядка и законности.

Нравственные ценности сотрудников имеют свои особенности, которые выработались под воздействием профессиональной деятельности и ценностных установок сотрудников:

- сотрудник должен понимать свою роль в органах внутренних дел, ответственность, важность и принадлежность;
- профессионализм и компетентность сотрудника;
- правильность принятия управленческого решения для достижения цели.

Без организации и целенаправленного воспитательного процесса трудно ожидать заметного улучшения в работе с сотрудниками.

Следовательно, важными составляющими нравственного воспитания, имеющими традиционные корни, являются:

- патриотизм (преданность своей Родине, любовь к своему краю и стране, верность присяге, служебному долгу);
- долг (осмысление общественного долга);
- коллективизм (взаимопомощь, взаимовыручка, взаимоподдержка);

- гуманизм (доброе и проникновенное отношение к обществу);
- честность (правдивость, принципиальность перед окружающими людьми и перед собой) [5].

Также необходимо отметить, что к основополагающим нравственным ценностям можно отнести:

- гражданственность — преданность России, осознание единства прав, свобод и обязанностей человека гражданина;
- государственность — утверждение идеи правового, демократического, сильного, независимого Российского государства.

Заключение

Исторический и педагогический анализ проблемы позволил определить, что аксиологические основы личности — это система ценностных ориентиров, определяющих уровень развития нравственных качеств личности; это ценностные основы личности, которая принимает нравственные ценности в качестве основы профессиональной деятельности, ценит и соблюдает нравственные традиции прошлого поколения, действует на основе норм морали и нравственности, руководствуется этическими принципами поведения в социуме, отстаивает духовную и культурную самобытность и устои страны, законные интересы государства.

Список источников

1. Архангельский Л. М. Моральные ценности и современность // Вопросы философии. 1983. № 11. С. 88–93.
2. Бурцева И. В. Аксиологический подход к развитию духовности студентов вуза // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 2 (57). С. 11–13.
3. Губанов А. В. Полиция зарубежных стран. Организационно-правовые основы, стратегия и тактика деятельности. М. : МАЭП, 1999. 288 с..
4. Гужва Е. Г. Воспитание нравственных ценностей у офицеров воинской части : дис. ... канд. пед. наук. М., 2009. 294 с.
5. Дробницкий О. Г. Понятие морали. М. : Политиздат, 1989. 561 с.
6. Леонтьев Д. А. Методика изучения ценностных ориентаций. М. : Смысл, 1992. 18 с.
7. Лотце Р. Г. Основания практической философии. СПб., 1882. 87 с.
8. Набиулина Н. Г. Формирование духовно-нравственных ценностных ориентаций студентов учебных заведений СПО : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. Уфа, 2006. 205 с.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Русский язык, 1988. 713 с.
10. Падеро Н. В. Формирование нравственных ценностей будущих юристов в системе высшего образования : дис. ... канд. пед. наук. Новокузнецк, 2004.
11. Рокич М. Природа человеческих ценностей // Свободная пресса. 1973. № 5. С. 20–28.
12. Сагатовский В. Н. Системный подход к классификации ценностей // Научные исследования и человеческие потребности. М. : ВНИИСИ, 1979. 43 с.
13. Серый А. В., Яницкий М. С. Ценностно-смысловая сфера личности. Кемерово : КГУ, 1999. 92 с.
14. Степанова И. Н. Духовность личности как проблема философии образования // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 2. С. 99–107.
15. Тугаринов В. П. Теория ценностей в марксизме. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. 344 с.
16. Франкл В. Человек в поисках смысла. М. : Прогресс, 1990. 349 с.
17. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М. : Республика, 1994. 447 с.
18. Шелер М. Феноменология и теория познания. М. : Гнозис, 1994. 490 с.

References

1. Arkhangelsky LM. Moral values and modernity. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 1983;(11):88-93. (In Russ.).
2. Burtseva IV. Axiological approach to the development of spirituality of university students. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education]. 2016;(2(57)):11-13. (In Russ.).
3. Gubanov AV. *Politsiya zarubezhnykh stran. Organizatsionno-pravovyye osnovy, strategiya i taktika deyatel'nosti* [The police of foreign countries. Organizational and legal bases, strategy and tactics of activity]. Moscow; 1999. (In Russ.).

4. Guzhva EG. Vospitaniye npravstvennykh tsennostey u ofitserov voynskoy chasti [Education of moral values among military unit officers. Thesis]. Moscow; 2009. 294 p. (In Russ.).
5. Drobnitsky OG. Ponyatiye morali [The concept of morality]. Moscow, Politizdat; 1989. 561 p. (In Russ.).
6. Leontiev DA. *Metodika izucheniya tsennostnykh oriyentatsiy* [Methods of studying value orientations]. Moscow, Sense; 1992. 18 p. (In Russ.).
7. Lotze RG. *Osnovaniya prakticheskoy filosofii* [Foundations of practical philosophy]. St. Petersburg; 1882. 87 p. (In Russ.).
8. Nabiulina NG. Formirovaniye dukhovno-npravstvennykh tsennostnykh oriyentatsiy studentov uchebnykh zavedeniy SPO [Formation of spiritual and moral value orientations of students of educational institutions of secondary vocational education. Thesis]. Ufa; 2006. 205 p. (In Russ.).
9. Ozhegov SI. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Russian language; 1988. 713 p. (In Russ.).
10. Padero NV. Formirovaniye npravstvennykh tsennostey budushchikh yuristov v sisteme vysshego obrazovaniya [Formation of moral values of future lawyers in the system of higher education. Thesis]. Novokuznetsk; 2004. (In Russ.).
11. Rokich M. The nature of human values. *Svobodnaya pressa* [Free Press]. 1973;(5):20-28. (In Russ.).
12. Sagatovsky VN. A systematic approach to the classification of values. In: Nauchnyye issledovaniya i chelovecheskiye potrebnosti [Scientific research and human needs]. Moscow; 1979. 43 p. (In Russ.).
13. Gray AV, Yanitsky MS. Tsennostno-smyslovaya sfera lichnosti [The value-semantic sphere of personality]. Kemerovo; 1999. 92 p. (In Russ.).
14. Stepanova IN. Spirituality of personality as a problem of philosophy of education. *Vestnik Tyumenskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Bulletin of the Tyumen State University]. 2006;(2):99-107. (In Russ.).
15. Tugarinov VP. Teoriya tsennostey v marksizme [The theory of values in Marxism]. Leningrad, Leningrad University Publishing House; 1968. 344 p. (In Russ.).
16. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla [Man in search of meaning]. Moscow, Progress; 1990. 349 p. (In Russ.).
17. Fromm E. AnATOMiya chelovecheskoy destruktivnosti [Anatomy of human destructiveness]. Moscow, Republic; 1994. 447 p. (In Russ.).
18. Scheler M. Fenomenologiya i teoriya poznaniya [Phenomenology and theory of knowledge]. Moscow, Gnosis; 1994. 490 p. (In Russ.).

Информация об авторе

М. А. Мазур — кандидат педагогических наук, заместитель начальника.

Information about the author

M. A. Mazur — Candidate of Pedagogical Sciences, Deputy Head.

Статья поступила в редакцию 31.10.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 31.10.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 377

doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-16-20

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ПОЛОСЫ ПРЕПЯТСТВИЙ В РАЗВИТИИ СКОРОСТНО-СИЛОВЫХ КАЧЕСТВ СОТРУДНИКОВ ВНЕВЕДОМСТВЕННОЙ ОХРАНЫ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ

Александр Сергеевич Андреев

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюмень, Россия, suntala1986@list.ru,
ORCID 0000-0003-4436-3615

Аннотация. Статья посвящена вопросам совершенствования профессионально значимых физических качеств сотрудников вневедомственной охраны войск национальной гвардии Российской Федерации. В ходе проведенного анализа литературных источников выявлены возможности использования полосы препятствий в развитии и совершенствовании скоростно-силовых физических качеств сотрудников. В ходе исследования автор статьи экспериментально доказывает эффективность влияния полосы препятствий на развитие скоростно-силовых физических качеств слушателей, проходящих профессиональное обучение.

Ключевые слова: физическая подготовка, сотрудники вневедомственной охраны, полоса препятствий, физические качества, слушатели, профессиональное обучение

Для цитирования: Андреев А. С. Использование специализированной полосы препятствий в развитии скоростно-силовых качеств сотрудников вневедомственной охраны войск национальной гвардии // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 4 (24). С. 16–20. doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-16-20.

Original article

THE USE OF A SPECIALIZED OBSTACLE COURSE IN THE DEVELOPMENT OF SPEED-STRENGTH QUALITIES OF EMPLOYEES OF THE PRIVATE SECURITY FORCES OF THE NATIONAL GUARD TROOPS

Aleksandr S. Andreev

Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Tyumen, Russia, suntala1986@list.ru, ORCID 0000-0003-4436-3615

Abstract. The article is devoted to the issues of improving professionally significant physical qualities, employees of the private security forces of the National Guard of the Russian Federation. In the course of the analysis of literary sources, the possibilities of using an obstacle course in development and improving the speed-strength physical qualities of employees were revealed. In the course of the study, the author of the article experimentally proves the effectiveness of the influence of the obstacle course on the development of speed-strength physical qualities of students undergoing vocational training.

Keywords: physical training, employees of private security, obstacle course, physical qualities, students, vocational training

For citation: Andreev AS. The Use of a Specialized Obstacle Course in the Development of Speed-Strength Qualities of Employees of the Private Security Forces of the National Guard Troops. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare.* 2023;(4(24)):16-20. doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-16-20. (In Russ.).

Повседневная служебная деятельность сотрудников вневедомственной охраны войск нацио-

нальной гвардии Российской Федерации непосредственно связана с обеспечением общественного порядка и безопасности граждан, а также с охраной государственно важных объектов и гру-

зов. Нередко в ходе выполнения указанных оперативно-служебных задач сотрудникам вневедомственной охраны для задержания правонарушителей приходится применять физическую силу и боевые приемы. Гарантацией эффективного применения физической силы в ходе задержания правонарушителя является не только наличие сформированных навыков выполнения боевых приемов, но и высокий уровень физической подготовленности сотрудников вневедомственной охраны.

Целью физической подготовки сотрудников вневедомственной охраны войск национальной гвардии является обеспечение уровня их физической подготовленности, необходимого для выполнения оперативно-служебных задач. В свою очередь, одной из задач физической подготовки сотрудников является совершенствование и развитие базовых физических качеств с учетом выполняемых оперативно-служебных задач.

Стоит отметить, что в мгновенно меняющейся экстремальной ситуации, связанной с преследованием и задержанием правонарушителя, в ходе которого необходимо быстро преодолевать различные препятствия, важное значение приобретает скоростно-силовая подготовка сотрудников, то есть развитие скоростно-силовых физических качеств.

Скоростно-силовые качества — это синтез силовых и скоростных способностей человека, проявляемых во «взрывных» и динамических движениях [1, с. 23].

В научной литературе по воспитанию физических качеств все скоростно-силовые физические качества разделяют на две группы: общие и специальные. К общим относятся естественные двигательные действия, такие как бег, прыжки, метание. К специальным относятся двигательные действия, отражающие специфику конкретного вида спорта, например удары руками в боксе, броски в борьбе и т. д. Общие и специальные скоростно-силовые физические качества тесно связаны друг с другом; общие являются базой для развития специальных.

Известно, что основным средством развития скоростно-силовых физических качеств являются физические упражнения, характеризующиеся высокой скоростью двигательных действий с максимальным мышечным напряжением в минимальный отрезок времени.

В настоящее время в ведомственном образовании поиском оптимальных средств и методов развития и совершенствования скоростно-силовых физических качеств сотрудников занимают-

ся многие ученые и специалисты. Так, Н. Н. Нуцалов, А. Н. Самсонов, А. Б. Рутман, для тренировки «взрывной» силы предлагают использовать метание и толкание набивных мячей, ядер, гирь, камней, с необходимым ускорением в финальной части [2, с. 81]. Р. М. Черкесов считает необходимым при тренировке скоростно-силовых качеств единоборцев использование упражнений, схожих по структуре движений с конкретным видом единоборства [3, с. 224]. Е. Н. Григорьева и С. Ю. Махов при подготовке юных тяжелоатлетов также указывают на необходимость использования упражнений, структура которых схожа с соревновательными упражнениями [4, с. 121]. Некоторыми авторами выявлена высокая эффективность использования круговой тренировки для развития скоростно-силовых способностей на занятиях со слушателями, обучающимися по программам профессиональной подготовки [5, с. 94].

Учитывая характер деятельности и специфику выполняемых задач сотрудниками вневедомственной охраны, а также практико-ориентированную направленность профессионального обучения сотрудников, обучающихся по программе «Профессиональная подготовка сотрудников вневедомственной охраны, государственного контроля и лицензионно-разрешительной работы, впервые принимаемых на службу в войска национальной гвардии Российской Федерации», в качестве средства тренировки скоростно-силовых качеств целесообразно использовать специализированную полосу препятствий, также позволяющую моделировать ситуации преследования и задержания правонарушителя.

Исследование возможностей применения полосы препятствий в учебно-тренировочном процессе слушателей в настоящее время ведется достаточно активно. Так, Р. Г. Панферов в своей работе рассматривает методические особенности и возможности использования полосы препятствий на занятиях с сотрудниками ОВД, а также влияние полосы на развитие быстроты, силы и выносливости [6, с. 84]. В. А. Хромов, П. С. Ермолов, П. Б. Малинин приходят к выводу, о том что, в ходе модульных занятий на специализированной полосе препятствий повышается уровень специальной физической подготовки сотрудников [8, с. 260]. А. Н. Кулиничев, А. Н. Воротник, А. Н. Кандабар указывают на необходимость использования полосы препятствий для совершенствования профессионально-прикладной физической подготовки сотрудников [9, с. 22].

Однако, на наш взгляд, эффективность использования специальной полосы препятствий на занятиях со слушателями профессиональной подготовки отдельной должностной категории сотрудников вневедомственной охраны исследована недостаточно полно. Отсутствует теоретическое обоснование применения полосы препятствий или ее элементов для развития скоростно-силовых физических качеств сотрудников.

Цель исследования — выявить эффективность влияния специализированной полосы препятствий на совершенствование скоростно-силовых физических качеств сотрудников вневедомственной охраны.

Задачи исследования:

1. Анализ и обобщение учебной и научной литературы, описывающей методику развития и совершенствования скоростно-силовых физических качеств.

2. Определение уровня развития скоростно-силовых физических качеств в начале исследования.

3. Использование элементов полосы препятствий на занятиях со слушателями вневедомственной охраны.

4. Выявление уровня различий скоростно-силовых физических качеств слушателей в конце исследования.

Для достижения цели исследования и решения поставленных в исследовании задач использовались следующие методы: сбор, анализ и обобщение научной и учебной литературы по развитию скоростно-силовых физических качеств, тестирование, метод математической статистики t -критерия Стьюдента.

Исследование проводилось со слушателями профессиональной подготовки, обучающимися в Тюменском институте повышения квалификации, отдельной должностной категории сотрудников вневедомственной охраны. В исследовании принимали участие слушатели мужского пола первой возрастной категории (до 25 лет). Слушатели были поделены на две группы — контроль-

ную (КГ) и экспериментальную (ЭГ) по 10 человек в каждой. Эксперимент проводился с августа по ноябрь 2022 г.

С целью выявления достоверности исходного уровня развития скоростно-силовых физических качеств представители контрольной и экспериментальной группы были протестированы по трем упражнениям: «Челночный бег 10×10 м»; «Подтягивание на перекладине за 30 с»; «Прыжок в длину».

После математического анализа полученных результатов при помощи метода математической статистики t -критерия Стьюдента нами были выявлены следующие показатели: в тесте «Челночный бег 10×10 м» мы получили величину $t=0,57$, в тесте «Подтягивание на перекладине за 30 с» величина $t=1,26$, в тесте «Прыжок в длину» величина $t=0,89$. Сравнивая полученные значения с данным в таблице значением t для 5%-ного уровня значимости (2,22) при числе степенной свободы $f=10$, где $t<0,05$, мы выявили, что полученные различия недостоверны и на данном этапе исследования группы однородны по уровню развития скоростно-силовых физических качеств (табл. 1).

После выявления исходного уровня развития скоростно-силовых физических качеств в процессе практических занятий со слушателями экспериментальной группы в основной части занятия регулярно использовались элементы полосы препятствий, в свою очередь, представители контрольной группы тренировались по общепринятым методическим материалам.

В конце исследования с целью выявления различий в уровне развития скоростно-силовых физических качеств испытуемых нами было проведено повторное тестирование с использованием вышеуказанных тестов (табл. 2).

В тесте «Челночный бег 10×10 м» представители экспериментальной группы показали значение $t=2,47$; при сравнении выявленного значения с табличным значением t было выявлено,

Таблица 1
Table 1

Показатели значения t , полученные в начале исследования
Indicators of the t value obtained at the beginning of the study

Контрольные упражнения	Челночный бег 10×10 м		Подтягивание на перекладине за 30 с		Прыжок в длину с места	
	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ
t	0,57		1,26		0,89	
P_0	<0,05		<0,05		<0,05	

Показатели значения t , полученные в конце исследования
Indicators of the t value obtained at the end of the study

Контрольные упражнения	Челночный бег 10×10 м		Подтягивание на перекладине за 30 с		Прыжок в длину с места	
	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ
t	2,47		2,65		2,69	
P_0	<0,05		<0,05		<0,05	

что полученное значение превышает имеющееся табличное значение t -критерия Стьюдента для 5%-ного уровня значимости при числе степеней свободы $f = 10$, где $t < 0,05$. Таким образом, полученные в данном тесте результаты свидетельствуют о достоверности выявленных между среднеарифметическими значениями различий, соответственно, различия в уровне развития скоростно-силовых физических качеств достоверны.

В тесте «Подтягивание на перекладине за 30 с» представители экспериментальной группы показали значение $t = 2,65$; при сравнении выявленного значения с табличным значением t было выявлено, что полученное значение превышает имеющееся табличное значение t -критерия Стьюдента для 5%-ного уровня значимости при числе степеней свободы $f = 10$, где $t < 0,05$. Таким образом, полученные в данном тесте результаты свидетельствуют о достоверности выявленных между среднеарифметическими значениями различий, соответственно, различия в уровне развития скоростно-силовых физических качеств достоверны.

В тесте «Прыжок в длину» представители экспериментальной группы показали значение $t = 2,69$; при сравнении выявленного значения с табличным значением t было выявлено, что полученное значение превышает имеющееся табличное значение t -критерия Стьюдента для 5%-ного уровня значимости при числе степеней свободы $f = 10$, где $t < 0,05$. Таким образом, полученные в данном тесте результаты свидетельствуют о достоверности выявленных между среднеарифметическими значениями различий, соответственно, различия в уровне развития скоростно-силовых физических качеств достоверны.

Таким образом, в итоговом тестировании у слушателей экспериментальной группы был выявлен более высокий уровень развития скоростно-силовых физических качеств, чем у слушателей контрольной группы. Полученные данные свидетельствуют об эффективности влияния специализированной полосы препятствий на развитие и совершенствование профессионально важных скоростно-силовых физических качеств сотрудников.

Список источников

1. Зациорский В. М. Физические качества спортсмена. М. : Физкультура и спорт, 1970.
2. Нуцалов Н. Н., Самсонов А. Н., Рутман А. Б. Скоростно-силовая подготовка борцов // Проблемы педагогики. 2017. № 9 (32). С. 78–82.
3. Черкесов Р. М. Влияние спортивной тренировки на скоростно-силовые качества единоборцев // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 2. С. 223–225.
4. Григорьева Е. Н., Махов С. Ю. Особенности развития силы и скоростно-силовых качеств в молодом возрасте // Наука – 2020. 2018. № 1-1 (17). С. 118–123.
5. Колегов А. Л. Применение кроссфита в физической подготовке сотрудников органов внутренних дел // Гуманитарные науки. 2019. № 4 (48). С. 91–98.
6. Панферов Р. Г. Преодоление специальной полосы препятствий сотрудниками органов внутренних дел. Влияние полосы препятствий на развитие физических качеств сотрудников // Наука – 2020. 2021. № 6 (51). С. 79–87.
7. Хромов В. А., Ермолов П. С., Малинин П. Б. Использование условий полигона в целях совершенствования физической подготовки курсантов и слушателей Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя // Вестник экономической безопасности. 2017. № 4. С. 259–261.
8. Кулиничев А. Н., Воротник А. Н., Кандабар А. Н. Совершенствование профессионально-прикладной физической подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 3. С. 19–22.

References

1. Zatsiorskiy VM. Fizicheskiye kachestva sportsmena. Moscow; 1970. (In Russ.).
2. Nutsalov NN, Samsonov AN, Rutman AB. Skorostno-silovaya podgotovka bortsov. *Problemy pedagogiki*. 2017;(9(32):78-82. (In Russ.).
3. Cherkesov RM. Vliyaniye sportivnoy trenirovki na skorostno-silovyie kachestva yedinobortsev. *Obrazovaniye. Nauka. Nauchnyye kadry*. 2019;(2):223-225. (In Russ.).
4. Grigor'yeva YeN, Makhov SYu. Osobennosti razvitiya sily i skorostno-silovykh kachestv v molodom vozraste. *Nauka-2020*. 2018;(1-1(17):118-123. (In Russ.).
5. Kolegov AL. Primeneniye krossfita v fizicheskoy podgotovke sotrudnikov organov vnutrennikh del. *Gumanitarnyye nauki*. 2019;(4(48):91-98. (In Russ.).
6. Panferov RG. Preodoleniye spetsial'noy polosy prepyatstviy sotrudnikami organov vnutrennikh del. Vliyaniye polosy prepyatstviy na razvitiye fizicheskikh kachestv sotrudnikov. *Nauka-2020*. 2021;(6(51):79-87. (In Russ.).
7. Khromov VA, Yermolov PS, Malinin PB. Ispol'zovaniye usloviy poligona v tselyakh sovershenstvovaniya fizicheskoy podgotovki kursantov i slushateley Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni VYA Kikotya. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 2017;(4):259-261. (In Russ.).
8. Kulinichev AN, Vorotnik AN, Kandabar AN. Sovershenstvovaniye professional'no-prikladnoy fizicheskoy podgotovki kursantov i slushateley obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii. *Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti*. 2015;(3):19-22. (In Russ.).

Информация об авторе

А. С. Андреев — преподаватель кафедры физической подготовки сотрудников органов внутренних дел.

Information about the author

A. S. Andreev — Lecturer of the Department of Physical Training of Employees of Internal Affairs Bodies.

Статья поступила в редакцию 31.10.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 31.10.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 377

doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-21-24

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ

Александр Владимирович Костюков

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюмень, Россия, berger.87@mail.ru, ORCID
0000-0002-6252-8957

Аннотация. В повседневной служебной деятельности сотрудникам полиции нередко приходится действовать в экстремальных ситуациях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Успешность выполнения оперативно-служебных задач, связанных с преследованием и задержанием правонарушителя, во многом зависит от эффективности взаимодействия между собой сотрудников полиции. В настоящей статье рассматриваются проблемы реализации взаимодействия и основные аспекты обучения сотрудников полиции способам взаимодействия в ситуациях оперативно-служебной деятельности. Автор указывает на необходимость более детальной проработки организационных и методических подходов к обучению способам взаимодействия сотрудников полиции.

Ключевые слова: сотрудники полиции, применение физической силы, боевые приемы борьбы, взаимодействие, физические качества, навыки

Для цитирования: Костюков А. В. Некоторые аспекты обучения взаимодействию сотрудников полиции при применении физической силы // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 4 (24). С. 21–24. doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-21-24

Original article

SOME ASPECTS OF TRAINING IN THE INTERACTION OF POLICE OFFICERS WHEN USING PHYSICAL FORCE

Alexander V. Kostyukov

Tyumen Advanced Training Institute of the MIA of Russia, Tyumen, Russia, berger.87@mail.ru, ORCID 0000-0002-6252-8957

Abstract. In their daily work, police officers often have to act in extreme situations involving the use of physical force, special means and firearms. The success of the performance of operational and official tasks related to the prosecution and detention of the offender largely depends on the effectiveness of interaction between police officers. This article discusses the problems of implementing interaction and the main aspects of teaching police officers how to interact in situations of operational and official activity. The author points out the need for a more detailed study of organizational and methodological approaches to teaching methods of interaction of police officers.

Keywords: police officers, the use of physical force, fighting techniques, interaction, physical qualities, skills

For citation: Kostyukov AV. Some Aspects of Training in the Interaction of Police Officers When Using Physical Force. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare.* 2023;(4(24):21-24. doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-21-24. (In Russ.).

Введение

Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее — МВД России) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому

регулированию в сфере внутренних дел в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, в сфере миграции, а также правоприменительные функции по федеральному государственному контролю (надзору) в сфере внутренних дел [1].

При этом одной из основных задач МВД России является обеспечение защиты жизни, здоровья,

прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействие преступности, охрана общественного порядка и собственности, обеспечение общественной безопасности, предоставление государственных услуг в сфере внутренних дел. Реализацию обозначенной задачи МВД России обеспечивает за счет деятельности органов внутренних дел, которые в свою структуру включают подразделения полиции. Подразделения полиции решают важные по своему характеру и объему задачи, направленные на обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, а также общественной безопасности и охрану общественного порядка. Сотрудники полиции чаще других сотрудников правоохранительных органов контактируют с различными лицами, в том числе оказывающими сотрудникам полиции противодействие, доходящее до насильственных действий в отношении сотрудников полиции и посягательств на их жизнь.

Описание исследования

Анализ статистических сведений показывает, что данные деяния являются весьма распространенными. Из года в год растет число случаев посягательств на жизнь сотрудников полиции: в 2017 г. отмечено 64 случая, в 2022 г. — 108 случаев [2]. В ситуациях нападения сотрудники полиции имеют право на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия как лично, так и в составе группы или подразделения [3].

Данные ситуации требуют от сотрудников полиции достаточно высокого уровня физической и технико-тактической подготовленности. Как правило, сотрудники полиции, осуществляющие охрану общественного порядка, действуют в составе группы. В связи с этим сотрудники должны уметь взаимодействовать друг с другом, а также понимать технико-тактические действия своих коллег в ситуациях, связанных с задержанием лиц, а также в случаях оказания им сопротивления [4, с. 165–166]. Так, за 2020 г. и первое полугодие 2021 г. сотрудники полиции при выполнении задач по охране общественного порядка применяли физическую силу 92 143 раза, специальные средства — 85 570 раз, огнестрельное оружие — 1 685 раз.

Данная подготовка организовывается и реализуется в процессе профессионального обучения, профессиональной подготовки, дополнительного профессионального образования сотрудников полиции. Также обучение взаимодействию должно

быть организовано в процессе непрерывной физической подготовки сотрудников для территориальных органов внутренних дел. Обучение сотрудников полиции способам применения физической силы в составе группы является одним из показателей их профессиональной подготовленности.

Отметим, что одним из основополагающих документов, регламентирующих физическую подготовку сотрудников полиции, является Наставление по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденное приказом МВД России от 1 июля 2017 г. № 450 (далее — Наставление). Оно определяет основы организации обучения и порядок выполнения боевых приемов борьбы в физической подготовке сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

В соответствии с п. 65 Наставления для развития умений и навыков, связанных с применением физической силы в составе группы, а также обеспечения взаимодействия членов группы, необходимы занятия по физической подготовке проводить с учетом следующих условий:

- проводить боевые приемы борьбы с предвратительным отвлечением внимания;
- заранее определить, кому первому проводить прием, а кому создавать благоприятные условия для его успешного выполнения, используя для этого сковывающие захваты, обхваты, удушающие приемы и другое;
- сотрудник, создававший благоприятные условия партнеру, проводит болевой прием после того, как он выполнен им.

Однако, несмотря на наличие положений, касающихся применения физической силы в составе группы, в ФЗ «О полиции», а также в содержании Наставления, на занятиях по физической подготовке в подразделениях системы МВД России данному направлению практически не уделяется внимания. Об этом отмечается также и в научной литературе [5, с. 113–117].

В научно-методической литературе отсутствует теоретически обоснованная и апробированная методика обучения сотрудников полиции способам взаимопомощи и взаимодействия в ситуациях применения физической силы.

Из анализа положений Наставления, регламентирующих вопросы, связанные с обучением взаимодействию при применении физической силы, в том числе боевых приемов борьбы, в составе группы логически следует, что сотрудники полиции уже должны находиться в хорошей физической форме и владеть навыками применения бо-

левых приемов борьбы и тактикой взаимопомощи и взаимодействия. Причем сотрудникам полиции на занятиях по физической подготовке постоянно следует уделять внимание развитию и совершенствованию данных навыков, поскольку в процессе осуществления оперативно-служебной деятельности могут возникать разнообразные экстремальные ситуации, требующие от сотрудника полиции практической реализации полученных навыков. Это напрямую будет влиять на результативность и правомерность действий сотрудников полиции по задержанию лиц, совершивших правонарушение.

Считаем, что только физически и тактически подготовленный сотрудник полиции способен выполнять сложные и опасные служебные задачи, в том числе связанные с необходимостью группового взаимодействия при применении физической силы для обеспечения общественного порядка и общественной безопасности. Совершенствование навыков применения боевых приемов борьбы является значимым элементом их физической подготовки. Данное направление физической подготовки способствует в том числе и эффективному и комплексному решению задач, связанных с физической и психологической готовностью сотрудников к взаимодействию при выполнении служебных задач и, как следствие — профессиональному самосовершенствованию [6, с. 7].

Развитие на занятиях по физической подготовке у сотрудников полиции способности к прогнозированию ситуации (например, связанной с сопротивлением при задержании), тактике действий каждого члена группы (наряда ППС, ГИБДД), использованию окружающей обстановки (квартира, парк, торговый центр, часть автомобильной дороги и т. д.) позволит более эффективно и правомерно применять физическую силу при выполнении служебных задач.

Д. С. Семикин, С. Н. Сарапулов, С. В. Кузнецов отмечают большую значимость навыков и тактических умений взаимодействия сотрудников полиции. Они также указывают на необходимость изучения способов взаимодействия, но при этом рекомендуют придерживаться следующих правил:

- объективно оценивать уровень подготовленности правонарушителя;
- объективно оценивать собственные возможности, интеллектуальный, эмоциональный и волевой потенциал и применять боевые приемы борьбы, только хорошо освоенные и отработанные до высокого уровня выполнения;

- владеть информацией и знать примерные последствия и варианты отрицательного исхода вышедшей из-под контроля ситуации единоборства с правонарушителем [5, с. 114–115].

Соглашаясь с представленной позицией, отметим, что, приступая к обучению способам взаимодействия, сотрудники полиции должны обладать сформированными двигательными умениями и навыками эффективного выполнения боевых приемов борьбы, а также достаточным уровнем общефизической подготовленности, необходимым для применения физической силы.

Следовательно, в ходе обучения сотрудников полиции боевым приемам борьбы и взаимодействию при их применении на занятиях по физической подготовке необходимо использовать понятия, организационные и методические подходы, разработанные теорией физической подготовки. В основу обучения на занятиях должно быть положено развитие двигательных навыков, заимствованных из спортивных видов единоборств, а также их методические и тактические особенности.

Заключение

Считаем, что развитие двигательных навыков у сотрудников полиции будет способствовать быстрому и эффективному применению боевых приемов борьбы в ходе осуществления оперативно-служебных задач, в том числе связанных с применением физической силы.

Более того, развитие у сотрудников полиции указанных навыков будет способствовать и развитию смежных систем и функций организма (физические качества, психологическая уверенность, морально-волевые качества и т. д.), что опять же будет способствовать более эффективному исполнению служебных задач.

Подводя итоги, отметим, что разработка методики развития навыков взаимодействия сотрудников полиции при применении физической силы в составе группы будет способствовать скорости и эффективности действий сотрудников полиции в практических ситуациях, а также указанных ситуаций.

Обучение на занятиях по физической подготовке в подразделениях системы МВД России умениям и навыкам эффективного и правомерного применения физической силы, в том числе боевых приемов борьбы, а также умениям и навыкам взаимодействия с другими сотрудниками полиции (например, коллегой в составе наряда и т. д.) необходимо осуществлять на протяжении всей службы в органах внутренних дел.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 52 (ч. V). Ст. 7614.
2. Данные ГИАЦ МВД России // Доступ из ведомственной локальной сети (дата обращения: 07.11.2023).
3. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.
4. Камиллов Р. Р., Семикин Д. С. Проблемы моделирования тактики поиска, преследования и задержания правонарушителя на учебных занятиях в образовательных учреждениях МВД России // Правоохранительные органы: теория и практика. 2010. № 2. С. 165–166.
5. Семикин Д. С., Сарапулов С. Н., Кузнецов С. В. Методика обучения взаимодействию при применении физической силы курсантов образовательных организаций МВД России // Наука – 2020: Физическая культура и спорт: наука, практика, образование. 2019. № 6 (31). С. 113–117.
6. Методика обучения боевым приемам борьбы курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России : учебное пособие. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России, 2022. 76 с.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 699 of December 21, 2016 “On Approval of the Regulations on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Model Regulations on the Territorial Body of the MIA of the Russian Federation for the subject of the Russian Federation”. *Sobr. legislation of the Russian Federation*. 2016. № 52 (Part V). St. 7614. (In Russ.).
2. Data of the GIAC of the MIA of Russia. Access from the departmental local network (date of application: 07.11.2023). (In Russ.).
3. Federal Law No. 3-FZ of February 7, 2011 “On the Police”. *Sobr. zakonodatelstva Ros. Federation*. 2011. № 7. St. 900. (In Russ.).
4. Kamilov RR, Semikin DS. Problems of modeling tactics of search, prosecution and detention of an offender at training sessions in educational institutions of the MIA of Russia. *Law enforcement agencies: theory and practice*. 2010;(2):165-166. (In Russ.).
5. Semikin DS, Sarapulov SN, Kuznetsov SV. Methods of teaching interaction when using physical force to cadets of educational organizations of the MIA of Russia. *Nauka-2020: Physical Culture and Sport: Science, Practice, Education*. 2019;(6(31):113-117. (In Russ.).
6. Methods of teaching fighting techniques to cadets and students of educational organizations of the MIA of Russia: study guide. St. Petersburg Publishing House of the St. Petersburg University of the MIA of Russia; 2022. 76 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А. В. Костюков — преподаватель кафедры физической подготовки сотрудников органов внутренних дел.

Information about the author

A. V. Kostyukov — Lecturer of the Chair Of Physical Training of law Enforcement Officers.

Статья поступила в редакцию 04.11.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 04.11.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 4 (24). С. 25–30. ISSN 2409-4102 (print)

Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare. 2023;(4(24):25-30. ISSN 2409-4102 (print)

Научная статья

УДК 159.9

doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-25-30

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ С ПРОТИВОПРАВНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Жанна Галимжановна Артемьева¹, Вероника Александровна Артемьева²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, zanart@mail.ru, ORCID 0000-0003-3220-6639

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, zan3512@mail.ru, ORCID 0009-0001-3607-3514

Аннотация. Рассматриваются психологические особенности подростков, а также взаимосвязь противоправного поведения с психопатическими чертами. Состояние преступности несовершеннолетних в России вызывает обоснованную тревогу в обществе. Данные уголовной статистики неумолимо свидетельствуют об активизации противоправной деятельности несовершеннолетних. Одним из ключевых вопросов проблемы подростковой преступности является характеристика личности несовершеннолетнего преступника. Анализ особенностей личности позволяет понять, какими признаками и свойствами несовершеннолетний преступник отличается от своего законопослушного сверстника, и соответственно некоторые антиобщественные паттерны поведения можно выявить до пятнадцатилетнего возраста. Это, в свою очередь, открывает путь для получения углубленных представлений о том, какие именно категории подростков обладают наибольшим криминогенным потенциалом или же более других подвержены негативным влияниям. В настоящее время наиболее популярными инструментами для выявления криминальной психопатии являются Перечень психопатических черт профессора психологии Университета Британской Колумбии Роберта Д. Хаэра. Данный перечень предназначен для использования в правоприменительной деятельности, в деятельности гражданских и судебных учреждений, где полезно иметь информацию о возможных психопатических особенностях людей. Он переведен на шестнадцать языков и распространен во всем мире. Также был разработан Перечень психопатических черт для несовершеннолетних.

Ключевые слова: асоциальность, девиантность, несовершеннолетние преступники, личность, подросток, противоправное поведение, психопатия

Для цитирования: Артемьева Ж. Г., Артемьева В. А. Психологические особенности подростков с противоправным поведением // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 4 (24). С. 25–30. doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-25-30.

Original article

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF ADOLESCENTS WITH ILLEGAL BEHAVIOR

Zhanna G. Artemyeva¹, Veronika A. Artemyeva²

¹Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, 1zanart@mail.ru, ORCID 0000-0003-3220-6639

²Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, zan3512@mail.ru, ORCID 0009-0001-3607-3514

Annotation. The article discusses the psychological features and the relationship of illegal behavior of adolescents with psychopathic traits. The state of juvenile delinquency in Russia causes reasonable concern in society. The data of criminal statistics inexorably indicate the intensification of illegal activities of minors. One of the key issues of the problem of juvenile delinquency is the characterization of the personality of a juvenile offender. The analysis of personality characteristics makes it possible to understand what signs and properties a juvenile offender differs from his law-abiding peer and, accordingly, some antisocial patterns of behavior can be detected up to the age of fifteen.

And this, in turn, opens the way for in-depth understanding of which categories of adolescents have the greatest criminogenic potential or are more susceptible to negative influences than others. Currently, the most popular tools for identifying criminal psychopathy are the List of Psychopathic Traits of Robert D. Haer, Professor of Psychology at the University of British Columbia, Doctor of Philosophy. This list is intended for use in law enforcement activities, in the activities of civil and judicial institutions, where it is useful to have information about possible psychopathic characteristics of people. It has been translated into sixteen languages and is distributed all over the world. And there was also developed a PPP for minors intended for screening, in order to identify psychopathic traits.

Keywords: asociality, deviance, juvenile delinquents, personality, teenager, illegal behavior, psychopathy

For citation: Artemyeva ZhG, Artemyeva VA. Psychological Characteristics of Adolescents With Illegal Behavior. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare*. 2023;(4(24):25-30. doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-25-30. (In Russ.).

Введение

Проблема противоправного поведения является центральной для исследования большинства социальных наук. Под противоправным поведением понимают действия конкретной личности (группы), отклоняющиеся от установленных в данном обществе и в данное время законов, угрожающие благополучию других людей или социальному порядку и уголовно наказуемые в крайних своих проявлениях. В отношении противоправного поведения используются различные подходы и понятийный аппарат: асоциальное, антиобщественное, антисоциальное, преступное, противоправное, криминальное, делинквентное. Вокруг последнего термина развернулась особенно горячая научная дискуссия. Противоправное поведение как форма девиантного поведения личности имеет некоторые специфические особенности.

Социальные условия играют важную роль в происхождении противоправного поведения. К ним прежде всего относятся многоуровневые общественные процессы. Преступность несовершеннолетних, будучи составной частью преступности вообще, в то же время имеет свои специфические особенности, что позволяет рассматривать ее в качестве самостоятельного объекта криминологического изучения [3, с. 338].

Не случайно в литературе отмечается, что преступность несовершеннолетних — это будущая преступность. В связи с этим можно говорить, что одной из причин преступности взрослых является преступность несовершеннолетних.

Одной из криминологических особенностей преступности несовершеннолетних является ее относительно плавный рост на протяжении длительного периода времени. Среди всех преступников несовершеннолетние в целом по стране составляют примерно 11–12%, что в 2,5 раза больше удельного веса самих несовершеннолетних в структуре населения страны. Увеличивается

количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними с психическими отклонениями, а также на почве злоупотребления психоактивными веществами. Речь идет о так называемых пограничных состояниях, не исключающих вменяемости и, следовательно, уголовной ответственности виновных. К ним обычно относят не тяжелые и стойкие заболевания, органические поражения нервной системы, различные виды невротозов, расстройств личности, злоупотребление ПАВ, сексуальные девиации.

Основная часть

Преступность несовершеннолетних в первую очередь определяется особенностями характера и личности в целом. Личностные особенности несовершеннолетних правонарушителей проявляются как условия их асоциального поведения, но они не предопределяют подростковую преступность. Причина криминального заражения части несовершеннолетних — социальная дезадаптация, неправильное семейное воспитание, неогражденность подростка от влияния криминальной среды, невключенность подростка в социализированные группы, несформированность социально положительных интересов, гедонизм, раннее формирование опыта насильственного поведения, социально неконтролируемая делинквентность [2, с. 314].

По наблюдениям психиатров и кримиологов, среди несовершеннолетних правонарушителей довольно много людей, которые, хотя и являются вменяемыми, имеют определенные отклонения от нормы. Однако взаимосвязь между подростковой преступностью, с одной стороны, и умственным развитием и психопатологией — с другой, неоднозначна и зависит от многих других факторов. Анализ причин противоправного поведения несовершеннолетних требует изучения не только личностных качеств и свойств, но и факторов социального окружения, правил и норм поведения, оказывающих решающее влияние на формирую-

шуюся личность, становление ее ценностно-нормативной сферы [6, с. 107].

Следовательно, личностная характеристика — необходимая предпосылка для понимания причинного комплекса преступного поведения, а также для проведения более «прицельной», личностно ориентированной профилактики правонарушений несовершеннолетних. Анализ конкретных данных, характеризующих личность несовершеннолетнего преступника, следует предпослать важное замечание: никакие признаки, черты, свойства личности, о которых пойдет речь, нельзя рассматривать как причину, источник совершения противоправных действий [5, с. 28].

Эти факты и заставляют множество исследователей упорно разрабатывать инструменты ранней диагностики таких подростков, которые стоят на дороге к взрослой психопатии. Одна из целей научных усилий — определить этих молодых людей из группы риска и попытаться повлиять на их развитие.

На протяжении всей истории своего существования термин «психопатия» являлся предметом споров и применялся для описания широкого спектра социальных, эмоциональных и поведенческих особенностей. Термин «психопатическая неполноценность» распространяется на многочисленные виды поведения, некоторые из которых до сих пор связываются с психопатической личностью. В настоящее время термин «психопат» часто используется криминологами и социологами для обозначения правонарушителя-рецидивиста, который неадекватно реагирует на принимаемые меры воздействия.

Большая часть зарубежных психиатров убеждены, что психопатия может быть идентифицирована до восемнадцати лет, а некоторые антиобщественные паттерны поведения можно выявить до пятнадцатилетнего возраста. Основываясь на обзоре большого количества исследований, можно предположить, что психопатические черты в детском и подростковом возрасте квалифицируются как нарушение поведения или повышенная агрессивность. В эту категорию входят злостное непослушание, деструктивное поведение, драки, нарушения закона, безответственность и лживость.

Однако ученые стараются не навешивать на несовершеннолетних ярлык психопата. Само это слово чрезвычайно оскорбительно, и исследователи не хотят, чтобы против детей создавалось предубеждение. Поэтому аффективные симптомы психопатии у детей и подростков называются чер-

тами бессердечия и безразличия. Они эгоистичны, неспособны любить других, проявлять привязанность, ненадежны, безответственны, не придают значения последствиям своих импульсов. Эгоцентризм таких людей не поддается изменениям.

Роберт Хаэр предложил следующую классификацию для выделения трех категорий психопатов: первичный, вторичный и диссоциальный. Он считает, что «подлинным» является только первичный психопат. Данный тип имеет некоторые идентифицируемые психологические, эмоциональные, биологические признаки, которые отличают его от как обычных людей, так и от преступников в целом. Другие две категории психопатов представляют собой гетерогенную группу антисоциальных лиц, которые составляют значительную часть преступной популяции. Вторичные психопаты совершают преступления вследствие эмоциональных проблем или внутренних конфликтов. Лица из третьей группы демонстрируют антиобщественное, противоправное поведение, которое они переняли из своих субкультур. В обоих случаях термин «психопат» вводит в заблуждение, так как поведение и психологические особенности этих людей имеют сходства с психологическими особенностями и особенностями поведения «первичного психопата». Также две данные категории часто ошибочно называются психопатами из-за высокого уровня рецидивизма.

Другими определяющими чертами психопата, которые выделяют исследователи, являются эгоизм и неспособность любить других людей или проявлять к ним привязанность. Согласно Клекли, эгоизм всегда присущ психопату и не поддается изменениям. Неспособность чувствовать подлинную привязанность к другим людям является абсолютной. Они могут очень умело симулировать чувства и эмоции, но истинные преданность и эмпатия им недоступны.

Большинство детей, вырастающих психопатами, обращают на себя внимание учителей и психологов в весьма раннем возрасте, и здесь очень важно, чтобы эти специалисты понимали природу проблемы, с которой им приходится сталкиваться. Если постороннее вмешательство и может оказать положительное воздействие, то только в раннем детстве. В юности шансы изменения поведенческих паттернов пробуждающегося психопата весьма эфемерны. К сожалению, многие специалисты, имеющие дело с такими детьми, по разным причинам не смотрят в корень проблемы. Одни используют исключительно поведенческий подход, сосредоточиваясь

на специфических видах поведения: проявлениях агрессии, воровстве и т. д., а не на собственно расстройстве личности, включающем в себя сложное сочетание черт и симптомов. У других опускаются руки при одной только мысли о возможном будущем ребенка или подростка с неизлечимым, по общему мнению, диагнозом. Третьим невероятно трудно свыкнуться с мыслью, что поступки и симптомы, которые они наблюдают у детей, это не просто гиперболизированная форма нормального поведения, обусловленного дурным воспитанием или жизнью в неудовлетворительных социально-бытовых условиях (что излечимо). Даже если диагностические процедуры соответствуют всем стандартам, гарантий от ошибок или неправильного их применения нет. С другой стороны, неумение распознать в ребенке свойственные психопатии черты может привести к применению несоответствующих терапевтических методов и интервенций — и всё с огромными финансовыми и эмоциональными издержками родителей [7, с. 104].

Материалы и методы исследования

В настоящее время наиболее популярными инструментами для выявления криминальной психопатии являются Перечень психопатических черт профессора психологии Университета Бригганской Колумбии, доктора философии Роберта Д. Хаэра, который считается одним из ведущих специалистов по психопатии в мире. Он составил контрольный перечень признаков психопатии, который быстро стал эталоном для исследователей и клиницистов всего мира. Для большинства клинических врачей и исследователей исправленный Перечень психопатических черт (ППЧ) Р. Хаэра стал золотым стандартом диагностики психопатии. Данный перечень предназначен для использования в правоприменительной деятельности, в деятельности гражданских и судебных учреждений, где полезно иметь информацию о возможных психопатических особенностях людей. Он переведен на шестнадцать языков и распространен во всем мире. Также был разработан ППЧ для несовершеннолетних, предназначенный для скрининга, с целью выявления психопатических черт (табл. 1).

Процедура оценивания состоит в том, что специально обученный специалист после проведенного интервью и изучения биографии и досье выставляет человеку по каждому пункту перечня оценку. Перечень психопатических черт Д. Хаэ-

ра для детей и подростков состоит из 20 пунктов, по каждому из которых можно поставить одну из трех оценок (0 баллов, если пункт неприменим к пациенту; 1 балл, если применим в некоторой степени; и 2 балла, если безусловно применим). В итоге подросток может набрать от 0 до 40 баллов. 30 баллов считаются границей, но обследуемые с показателями от 21 до 29 баллов относятся к тем, кто демонстрирует многие из психопатических черт, но не подходят под все критерии.

Результаты исследования и их обсуждение

В настоящее время валидность и надежность этих методик подтверждена в области различения преступников-психопатов и преступников-непсихопатов. Проверка данных методик осуществлялась в США, Великобритании, Швеции, Дании, Норвегии, Бельгии, Испании, Португалии и других странах. Пункты Перечней психопатических черт измеряют следующие факторы психопатии: первый фактор отражает личностные и эмоциональные компоненты расстройства. Второй фактор тесно связан с девиантным образом жизни.

Большое количество исследований разных авторов (Х. Клекли, Куэн, Хоудж, К. Килл, Ликкен, Райс, Рожджерс, Скржпек и др.) показывает, что аффективные и межличностные психопатические черты сравнительно стабильны начиная с подросткового периода. Лучшее всего об этом свидетельствуют лонгитюдные исследования подростков из группы высокого риска. Они продемонстрировали, что без вмешательства эти черты практически не меняются с подросткового возраста до ранней молодости.

Также научно установлено, что ППЧ для детей и подростков точно предсказывает агрессивное и антисоциальное поведение. Было доказано неоднократно, что перечень психопатических черт лучше прогнозирует развитие деструктивных черт, чем изучение других факторов риска. В рамках судебно-правовой системы в последние десять лет оценка риска агрессии стала намного чаще использоваться на процессах с несовершеннолетними, где представляются свидетельства психопатии. Оценка этих черт основывается не на единичном поступке или изучении одной области жизни. Эти черты должны присутствовать практически везде — дома, на работе, в школе, в общении с родными, друзьями и соседями. Только если черта является типичной во всех или почти всех областях жизни, человек получает высокий балл.

Особенности психопатического поведения, идентифицируемые Р. Хаэром
Features of psychopathic behavior identified by R. Haer

Перечень психопатических черт Хэра (Hare, 1991, 2003) — клинический инструмент и золотой стандарт диагностики психопатов с 1991 г.	Перечень психопатических черт для детей и подростков
<ol style="list-style-type: none"> 1. Болтливость/поверхностное обаяние. 2. Преувеличенное чувство собственной значимости. 3. Потребность в психическом возбуждении. 4. Патологическая лживость. 5. Мошенничество/манипулирование. 6. Отсутствие раскаяния и чувства вины. 7. Поверхностность аффективных реакций. 8. Бессердечие/отсутствие эмпатии. 9. Паразитический образ жизни. 10. Слабый поведенческий контроль. 11. Беспорядочные половые связи. 12. Проблемное поведение в детстве. 13. Отсутствие реалистичных целей на будущее. 14. Импульсивность. 15. Безответственность. 16. Неспособность нести ответственность за собственные действия. 17. Неоднократные недолгие браки. 18. Подростковая делинквентность. 19. Отмена условного освобождения. 20. Разнообразие преступной деятельности. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Подача себя. 2. Преувеличенное чувство собственной значимости. 3. Стремление к возбуждению. 4. Патологическая лживость. 5. Манипуляция ради личной выгоды. 6. Отсутствие раскаяния. 7. Аффективное уплощение. 8. Бессердечие/отсутствие эмпатии. 9. Паразитическая ориентация. 10. Гневливость. 11. Безличные сексуальные связи. 12. Ранние поведенческие проблемы. 13. Отсутствие целей. 14. Импульсивность. 15. Безответственность. 16. Неспособность брать на себя ответственность. 17. Нестабильные межличностные отношения. 18. Серьезные правонарушения. 19. Серьезные нарушения условий освобождения. 20. Разнообразие преступной деятельности.

Заключение

В настоящее время в наших знаниях о психопатии существует еще много пробелов, особенно в области гендерных различий. Но все исследователи подчеркивают, что отличительной особенностью психопатов является то, что способы их мышления кардинально отличаются

от способов мышления других людей. Их отношение к жизни и восприятие ситуации другое, чем у большинства людей. Это отличие познавательного стиля характерно для многих людей с «девиантным» поведением, независимо от того, проявляется ли у них противоправное поведение.

Список источников

1. Змановская Е. В., Рыбников В. Ю. Девиантное поведение личности и группы. СПб. : Питер, 2010. 352 с.
2. Еникеев М. И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии. М. : Норма, 2005. 640 с.
3. Малков В. Д. Криминология. М. : Юстицинформ, 2006. 528 с.
4. Кил К. Психопаты. Достоверный рассказ о людях без жалости, без совести, без раскаяния. М. : Центрполиграф, 2019. 319 с.
5. Ростокинский А. В. Преступность несовершеннолетних. М. : Юрайт, 2019. 275 с.
6. Шнейдер Л. Б. Девиантное поведение детей и подростков. М. : Академический Проект, 2005. 336 с.
7. Хаэр Р. Лишенные совести. Пугающий мир психопатов. М. : Вильямс, 2007. 288 с.
8. Buchanan T., Benson V. Spreading Disinformation on Facebook: Do Trust in Message Source, Risk Propensity, or Personality Affect the Organic Reach of «Fake News» // Social Media + Society. 2019. № 5. P. 1–9. DOI: 10.1177/2056305119888654

References

1. Zmanovskaya EV, Rybnikov VYu. Deviantnoye povedeniye lichnosti i gruppy [Deviant behavior of personality and group]. St. Petersburg, Peter; 2010. 352 p. (In Russ.).
2. Enikeev MI. Yuridicheskaya psikhologiya. S osnovami obshchey i sotsial'noy psikhologii [Legal psychology. With the basics of general and social psychology]. Moscow, Norm; 2005. 640 p. (In Russ.).
3. Malkov VD. Kriminologiya [Criminology]. Moscow, Justicinform; 2006. 528 p. (In Russ.).
4. Kil K. Psychopaths. Psikhopaty. Dostovernyy rasskaz o lyudyakh bez zhalosti, bez sovesti, bez raskayaniya [A reliable story about people without pity, without conscience, without remorse]. Moscow, Tsentrpoligraf; 2019. 319 p. (In Russ.).
5. Rostokinsky AV. Prestupnost' nesovershennoletnikh [Juvenile delinquency]. Moscow, Yurayt Publishing House; 2019. 275 p. (In Russ.).
6. Schneider LB. Deviantnoye povedeniye detey i podrostkov [Deviant behavior of children and adolescents]. Moscow, Academic Project; 2005. 336 p. (In Russ.).
7. Haer R. Lishennyye sovesti. Pugayushchiy mir psikhopatov [Devoid of conscience. The frightening world of psychopaths]. Moscow, Williams; 2007. 288 p. (In Russ.).
8. Buchanan T, Benson V. Spreading Disinformation on Facebook: Do Trust in Message Source, Risk Propensity, or Personality Affect the Organic Reach of "Fake News". *Social Media + Society*. 2019;(5):1-9. DOI: 10.1177/2056305119888654

Информация об авторах

Ж. Г. Артемьева — кандидат педагогических наук, доцент кафедры специальной и клинической психологии.

В. А. Артемьева — магистр кафедры психологии.

Information about the authors

Zh. G. Artemyeva — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Special and Clinical Psychology.

V. A. Artemyeva — Master of the Department of Psychology.

Статья поступила в редакцию 13.10.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 13.10.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 159.922.736.4

doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-31-35

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА СТУДЕНТОВ КАК ПРОФИЛАКТИКА ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

**Мария Николаевна Кузнецова¹✉, Лидия Сергеевна Рычкова²,
Евгений Викторович Ивановский³**

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, manecka.ku@mail.ru, ORCID 0000-0001-8981-548

²Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия, rychkovaly@mail.ru, ORCID 0000-0002-7280-0723

³Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, iev123@yandex.ru, ORCID 0009-0009-9095-7364

Аннотация. Представлены психологические аспекты воспитательного процесса учебной и внеучебной деятельности обучающихся высшего учебного заведения по направлениям подготовки «Психолого-педагогическое образование», «Специальное дефектологическое образование», «Клиническая психология», «Педагогика и психология девиантного поведения» и «Психология». Также описан опыт психологической работы со студентами вуза, представлены темы обращений за индивидуальной консультацией к специалистам психологической службы университета, приведены некоторые мероприятия, направленные на профилактику деструктивного поведения современной молодежи.

Ключевые слова: психологическая служба, воспитательный процесс, обучающиеся высшего учебного заведения, профилактика деструктивного поведения

Для цитирования: Кузнецова М. Н., Рычкова Л. С., Ивановский Е. В. Психологические аспекты воспитательного процесса студентов как профилактика деструктивного поведения // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 4 (24). С. 31–35. doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-31-35.

Original article

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE EDUCATIONAL PROCESS OF STUDENTS AS A PREVENTION OF DESTRUCTIVE BEHAVIOR

Maria N. Kuznetsova¹✉, Lidia S. Rychkova², Evgeniy V. Ivanovsky³

¹Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, manecka.ku@mail.ru, ORCID 0000-0001-8981-548

²South Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia, rychkovaly@mail.ru, ORCID 0000-0002-7280-0723

³Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, iev123@yandex.ru, ORCID 0009-0009-9095-7364

Abstract. The article presents the psychological aspects of the educational process of educational and extracurricular activities of students of a higher educational institution in the areas of training “Psychological and pedagogical education”, “Special defectological education”, “Clinical psychology”, “Pedagogy and psychology of deviant behavior” and “Psychology”. The experience of psychological work with university students is also described, the topics of requests for individual consultation from specialists of the university’s psychological service are presented, and some activities aimed at preventing the destructive behavior of modern youth are presented.

Keywords: psychological service, educational process, students of a higher educational institution, prevention of destructive behavior

For citation: Kuznetsova MN, Rychkova LS, Ivanovsky EV. Psychological Aspects of the Educational Process of Students as a Prevention of Destructive Behavior. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare.* 2023;(4(24):31-35. doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-31-35. (In Russ.).

Введение

Период обучения в высшем учебном заведении — это один из важных периодов социализации студента. Социализация — это процесс формирования личности в определенных социальных условиях, при которых происходит усвоение человеком социального опыта. В ходе этого опыта человек преобразует его в собственные ценности и ориентации, а также избирательно вводит в свое поведение те нормы и правила, которые приняты в данной группе или обществе [1; 3; 4]. Также важно отметить, что этот период характеризуется некоторыми переменами привычного образа жизни — переездом в другой город, новым местом жительства, самостоятельным решением финансового самообеспечения и академическими нагрузками [2].

Согласно исследованиям С. Б. Малых и Т. Н. Тихомировой, у обучающихся в возрасте от 17 до 22 лет отмечаются эмоциональные и поведенческие проблемы, которые связаны с повышенной возбудимостью и тревожностью, склонностью к депрессивным состояниям и частым сменам настроения (у 20,9 % первокурсников). У 9% студентов первого курса были выявлены проблемы поведения во взаимодействии с одногруппниками и преподавателями [6].

Исследования ученых (М. А. Ситникова, С. Б. Малых, Т. Н. Тихомирова, М. А. Reger, I. H. Stanley, T. E. Joiner) выявили некоторые особенности развития психологического сопровождения образовательного процесса в период пандемии COVID-19, что повлекло за собой эмоциональное неблагополучие обучающихся и ненормативное поведение [5; 6; 9].

На сегодняшний день современная воспитательная работа в университете развивается в пространстве многообразия видов деятельности в молодежных сферах. Идеи воспитательной работы могут быть реализованы при определенных условиях — научно-методическое обеспечение и сопровождение воспитательной деятельности, подготовка специалистов в области воспитания в высшей школе, а также идеи воспитательной работы должны принимать и преподаватели, и студенты [5; 7; 8].

Воспитательным процессом обучающихся занимаются заместители деканов по воспитательной работе, заведующие кафедрами, кураторы академических групп и преподаватели. Особое внимание уделяется воспитательному процессу первокурсников, который включает в себя адаптацию к новым образовательным условиям

и формам, студенческому коллективу. Для студентов первого курса осуществляется целый комплекс мероприятий: адаптационные сборы (взаимодействие внутри группы, знакомство с группой, куратором, заведующими кафедрами, институтом и университетом, программа предполагает упражнения и задания на знакомство и сплочение коллектива), «Студенческий адаптационный марафон» (проводится на протяжении месяца, в течение каждой недели каждая группа выполняет определенное задание и презентует в конце недели), «Посвящение в студенты» (мероприятие является выездным, в процессе которого происходит активное взаимодействие студентов первого, старшего курсов и преподавателей).

При взаимодействии со студентами в процессе учебной деятельности решаются также и задачи воспитательной деятельности. К таким задачам можно отнести повышение мотивации студентов к будущей профессиональной деятельности; развитие интересов и творческих склонностей у студентов и поддержка талантов; развитие совета студенческого самоуправления и организация студенческого актива; развитие гражданской и патриотической идентичности; воспитание высоких духовно-нравственных качеств.

Результаты исследования и их обсуждение

Воспитательная работа студентов как профилактика деструктивного поведения осуществляется на двух уровнях: на уровне факультета/института и на уровне университета. На уровне факультета/института выделяются следующие формы воспитательной деятельности: групповые мероприятия (семинары, круглые столы, интенсивы и мастер-классы, посвященные определенной тематике); организация системы морального/материального стимулирования (участие в грантах, конференциях и форумах разных городов, дополнительное профессиональное обучение); организация творческих и культурных мероприятий (посещение театров, выставок, кинотеатров, творческих мастер-классов с последующим анализом и обсуждением актуальных тем в современности).

На уровне университета воспитательная работа осуществляется по следующим направлениям: спортивная деятельность (индивидуальное и групповое участие в спартакиадах, соревнованиях по разным видам спорта), творческая деятельность (реализация мероприятий «Первые шаги», «Весна торжествует», «КВН»), волонтерская деятельность, профессиональная деятель-

ность (участие в конференциях, симпозиумах, форумах по профессиональным направлениям).

Также в университете существует психологическая служба для студентов и работников. Основной задачей психологической службы является психологическое сопровождение студентов университета, которое предполагает создание и поддержание психологических условий, которые способствуют формированию и развитию творческого и профессионального потенциала студента. Работа психологической службы осуществляется в формате бесплатных индивидуальных консультаций для студентов и сотрудников университета и в формате групповых мероприятий. Групповые мероприятия проводятся по запросу факультета/института на такие темы, как сложности во взаимоотношениях внутри группы, сплочение коллектива, профилактика буллинга, эффективное общение, публичные выступления и др., всего за 2022 г. было проведено 11 групповых мероприятий в формате тренинга.

В течение 2022 г. в психологическую службу университета обращались студенты за индивидуальной консультацией, всего было 424 обращения, из них 231 (55 %) первичные обращения и 193 (45%) — повторные обращения. Чаще всего в психологическую службу университета обращаются студенты в возрасте от 17 до 21 года — 375 человек (88 %), а также 49 человек (12 %) в возрасте от 22 лет и старше. Девушки обращаются чаще (364 человека, 86 %), чем юноши (60 человек, 14 %).

За 2022 г. в психологическую службу университета обращались по следующим темам (рис. 1): отношения с противоположным полом (81 человек,

19 %); сложное эмоциональное состояние (81 человек, 19 %); отсутствие мотивации к учебной деятельности (69 человек, 16 %); тревожность и панические атаки (50 человек, 12 %, из них по теме СВО); отношения с родственниками (46 человек, 11 %).

Заключение

Воспитательная и психологическая работа со студентами в сфере высшего образования должна быть системной, при этом наблюдается рост обращений за индивидуальной консультацией и групповыми мероприятиями. Возникшая проблема решается путем привлечения студентов старших курсов и магистрантов (под руководством практикующих психологов) направлений «Психология» и «Психолого-педагогическое образование» для проведения групповых занятий (тренингов, семинаров, круглых столов) для просвещения студентов по актуальным темам и эффективности взаимодействия с группой. Студенты и магистранты получают опыт в усваивании умений и навыков, а также пробуют осуществлять практическую работу своей специальности.

Таким образом, можно отметить, что воспитательная работа в вузе как профилактика деструктивного поведения является актуальной и представлена как общественно значимая часть воспитания молодого поколения. Специфика воспитательной деятельности заключается в активизации различных форм проведения активного досуга по разным направлениям, предполагающих профилактику асоциального и деструктивного поведения, а также борьбу с правонарушениями.

Рис. 1. Темы обращений обучающихся в психологическую службу университета (в количественном соотношении)

Fig. 1. Topics of students' appeals to the psychological service of the university (in quantitative ratio)

Список источников

1. Баева И. А., Гаязова Л. А., Кондакова И. В., Лактионова Е. Б. Психологическая безопасность и социальный интеллект подростков и юношей // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26, № 2. С. 5–16.
2. Басюк В. С., Малых С. Б., Тихомирова Т. Н. Федеральная сеть психологических служб образовательных организаций высшего образования: концепция, приоритеты и ресурсы развития // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27, № 6. С. 4–18.
3. Исаева О. М., Волкова Е. Н., Акимова А. Ю. Факторы психологического благополучия российской молодежи // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27, № 4. С. 24–35.
4. Сергоманов П. А., Андреева А. Д., Данилова Е. Е. Российский подростки эпохи позднего СССР и современного российского общества // Вопросы психологии. 2020. № 4. С. 40–53.
5. Ситникова М. А., Малых С. Б. Влияние пандемии COVID-19 на психологическое состояние субъектов образовательного процесса // Вопросы психологии. 2021. Т. 67, № 6. С. 128–140.
6. Тихомирова Т. Н., Малых С. Б. Успешность в школьном обучении: факторы риска и пути их снижения в сложных эпидемиологических условиях // Психологическое сопровождение пандемии COVID-19 / под ред. Ю. П. Зинченко. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2021. С. 232–314.
7. Трошина Н. В. Формы агрессивного выражения деструктивности в современном обществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (81). С. 193–195.
8. Хломов К. Д., Бочавер А. А., Фоменко М. С., Селиванова Е. И., Шемшурин А. А. Агрессия и автономия в подростковом возрасте // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 3, № 3. С. 117–128.
9. Reger M. A., Stanley I. H., Joiner T. E. Suicide mortality and coronavirus disease 2019 — a perfect storm? // JAMA psychiatry. 2020. Vol. 77, № 11. P. 1093–1094. DOI:10.1001/jamapsychiatry.2020.1060

References

1. Baeva IA, Gayazova LA, Kondakova IV., Laktionova EB. Psychological security and social intelligence in adolescents and young people. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye* [Psychological science and education]. 2021;(2):5-16. (In Russ.).
2. Basyuk VS, Malykh SB, Tikhomirova TN. Federal network of psychological services of educational organizations of higher education: concept, priorities and development resources. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye* [Psychological science and education]. 2022;(6):4-18. (In Russ.).
3. Isaeva OM, Volkova EN, Akimova AY. Factors of psychological well-being of Russian youth. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye* [Psychological science and education]. 2022;(4):24-35. (In Russ.).
4. Sergomanov PA, Andreeva AD, Danilova EE. Russian adolescents in the late soviet era and modern Russian society. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology]. 2020;(4):40-53. (In Russ.).
5. Sitnikova MA, Malykh SB. The impact of the COVID-19 pandemic on the psychological state of the subjects of the educational process. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology]. 2021;(6):28-140. (In Russ.).
6. Tikhomirova TN, Malykh SB. Cognitive basis of individual differences in learning success. Moscow; Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya; 2017. 312 p. (In Russ.).
7. Troshina NV. Forms of aggressive expression of destructiveness in modern society. *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]. 2017;(7):193-195. (In Russ.).
8. Khlomov KD, Bochaver AA, Fomenko MS, Selvanova EI, Shemshurin AA. Aggression and autonomy in adolescence. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye* [Psychological science and education]. 2022;(3):117-128. (In Russ.).
9. Reger MA, Stanley IH, Joiner TE. Suicide mortality and coronavirus disease 2019 — a perfect storm? *JAMA psychiatry*. 2020;(11):1093-1094.

Информация об авторах

М. Н. Кузнецова — преподаватель кафедры специальной и клинической психологии Института образования и практической психологии.

Л. С. Рычкова — доктор медицинских наук, профессор кафедры общей психологии, психодиагностики и психологического консультирования факультета психологии.

Е. В. Ивановский — психолог центра социальной поддержки управления молодежной политики.

Information about the authors

M. N. Kuznetsova — Lecturer of Department of Special and Clinical Psychology, Institute of Education and Practical Psychology.

L. S. Rychkova — Doctor of Medical Sciences, Professor of the Department of General Psychology, Psychodiagnostics and Psychological Counseling, Faculty of Psychology.

E. V. Ivanovsky — psychologist at the Center for Social Support of the Youth Policy Department.

Статья поступила в редакцию 19.10.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 19.10.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 159.974

doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-36-45

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД НА ДЕПРЕССИЮ

Екатерина Анатольевна Абросимова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, ek_abrosimova@mail.ru, ORCID 0000-0002-9429-9538

Аннотация. Целью данной работы явилось теоретическое исследование депрессии с точки зрения экзистенциального подхода. В качестве основного метода исследования выступил теоретический анализ литературы по теме исследования. Депрессия в исследовании понимается не как клиническое заболевание, а как особое бытие, наполненное страданием. Представлена разница двух исследовательских установок в отношении депрессии, направленных на «как» экзистирования и на «смысл» экзистирования человека в депрессии. Депрессия также рассматривается в данной статье как реакция на «дефицит ценностей и отношений с Бытием-здесь». Предложен анализ измененного восприятия тела и времени при депрессии. Рассмотрены особенности общения депрессивного человека с другими людьми.

Ключевые слова: депрессия, депрессивное страдание, бытие-здесь, экзистирование, восприятие тела, восприятие времени и пространства, взаимодействие депрессивного человека с миром

Для цитирования: Абросимова Е. А. Экзистенциальный взгляд на депрессию // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 4 (24). С. 36–45. doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-36-45.

Original article

EXISTENTIAL VIEW ON DEPRESSION

Ekaterina A. Abrosimova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, ek_abrosimova@mail.ru, ORCID 0000-0002-9429-9538

Abstract. The purpose of this work was a theoretical study of depression from the point of view of the existential approach. The main research method was a theoretical analysis of the literature on the research topic. In the study, depression is understood not as a clinical disease, but as a special existence filled with suffering. The difference between two research approaches in relation to depression, aimed at the “how” of existence and the “meaning” of existence of a depressed person, is presented. Depression is also seen in this article as a reaction to a “deficit of values and relationships with Being-here.” An analysis of altered perception of the body and time in depression is proposed. The features of communication of a depressed person with other people are considered.

Keywords: depression, depressive suffering, being-here, existing, perception of the body, perception of time and space, interaction of a depressed person with the world

For citation: Abrosimova EA. Existential View on Depression. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare.* 2023;(4(24):36-45. doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-36-45. (In Russ.).

Введение

Начало XXI в. вряд ли можно назвать радостным. Несмотря на современные достижения, облегчающие жизнь множества людей, человек по-прежнему болеет, страдает и умирает. Первые десятилетия нового столетия принесли человечеству мировую пандемию коронавируса (COVID-19), приведшую к потере сотен тысяч жизней, а так-

же войны в Европе и на Ближнем Востоке, уже унесшие десятки тысяч жизней.

Человечество столкнулось с множеством вызовов, с которыми трудно справиться. Нет ничего удивительного в том, что людей охватывает печаль, паника и уныние. Психиатры и психотерапевты постоянно сталкиваются с симптомами депрессии, когда-то называвшейся подавленностью и меланхолией. Депрессия, или меланхолия (устаревшее название), охватывает широкий диапазон

состояний, включая пониженное настроение, печаль, апатию, отсутствие жизненных сил, тревогу, безнадежность, беспомощность, собственную виновность, отчаяние, желание умереть. А. Кемпински, говоря об этих состояниях, пишет: «Во время депрессии печаль настигает человека без какой-либо понятной причины. Как будто из-за неисправности электрического контакта всё вокруг гаснет, мир теряет свои краски, будущее превращается в черную, непроницаемую стену, а прошлое — в полосу темных событий, отягчающих больного чувством вины... мысли вращаются вокруг одной темы: безнадежности собственной жизни, собственной виновности и беспомощности, мечтаний о смерти, представляющейся единственным спасением» [4, с. 14]. Депрессия занимает особое место в ряду других душевных страданий — каждый человек на земле может находиться под угрозой депрессии. А. Хольцхей-Кунц полагает, что депрессия — это глубочайшее отчаяние и отрицание жизни, невозможность сказать «да» ответственности за собственное бытие и свободу. Быть в состоянии депрессии — это пребывать в отказе от жизни или, по меньшей мере, в отказе быть в прежней жизни; быть в «особых отношениях» с жизнью — видеть ее мрачные, трагические оттенки, ее печаль, ее бессмысленность и отчаяние. Чувствовать таким образом свою «экзистенциальную вину» в отрицании собственной жизни, но не иметь сил признать свою собственную свободу. Понимать, что жизнь проходит «мимо», но не делать ничего, чтобы остановить ее. Видеть свою депрессию не как болезнь, а как способ жить, как определенные взаимоотношения с жизнью, которые в том числе человек создает сам.

В данной работе представлены взгляды на депрессию А. Лэнгле, А. Кемпински, А. Хольцхей-Кунц, Д. Хелла, Л. Бинсвангера, Н. Мак-Вильямс и других авторов. В статье представлен опыт переживания находящихся в депрессии людей, основанный на терапевтической работе автора, а также на историях, рассказанных в книгах С. Эндрю, Д. Хелла, Н. Мак-Вильямс.

Экзистенциальный взгляд на депрессию меняет фокус рассмотрения депрессии как заболевания, призывает уйти от деления на «душевное здоровье» и «душевную болезнь». Прежде всего депрессия — это особый способ бытия, особый способ проживания жизни, особые отношения с жизнью, наполненные страданием и болью. А. Хольцхей-Кунц считает, что есть разница двух исследовательских установок в отношении де-

прессии — установок, направленных на «как» экзистирования и на «смысл» экзистирования (для чего депрессия?). В статье предлагается увидеть эти две исследовательские установки и применить их в отношении депрессивного страдания. В любом душевном страдании заключен важный смысл, значение. Исследовать, «как» существует, экзистирует человек с депрессией, а также понять скрытый смысл душевного страдания — значит работать с депрессией экзистенциально.

Основная часть

Меланхолия была известна человечеству с античных времен. Еще Аристотель в XXX книге «Проблем», озаглавленной «Об уме, понимании и мудрости», одну главу посвятил меланхолии. Аристотель считал, что меланхолия происходит от избытка черной желчи в организме человека. В качестве примеров «меланхолических» и одновременно гениальных людей Аристотель упоминает как героев античной мифологии, так и исторических персонажей. Геркулес, Аякс и Беллерофонт причисляются им к первой группе, а политик Лисандр, врач и философ Эмпедокл, даже Платон и Сократ — ко второй. Платон и Аристотель, рассуждая о меланхолии, признавали в ней наличие двух разных форм мании (эйфории) или депрессии. Платон, например, отличает «божественную манию» от болезненной («окрыленный сумасшедший», как он говорит в Федре). Немецкий психиатр Хуберт Телленбах в 1961 г. заново открывает две формы меланхолии, создает свою теорию депрессии. Так, он впервые описал «меланхолический тип», специфичный для униполярной формы депрессии, и годы спустя «манический тип», характерный для биполярных форм [3]. Депрессия в переводе с латыни означает подавлять, давить на что-то (от лат. *deprimo* «давить (вниз), подавить»). Как медицинский термин используется для определения психического расстройства, характеризующегося сниженным настроением, проявляющимся подавленным, угнетенным, тоскливым, тревожным или безразличным состоянием. Сопровождается ангедонией — сниженной или полностью утраченной способностью наслаждаться жизнью и получать удовольствие.

Обычно также присутствуют некоторые из следующих симптомов: сниженная самооценка, потеря интереса к жизни и к привычной деятельности, неадекватное чувство вины, пессимизм, нарушение концентрации внимания, усталость или отсутствие энергии, расстройства сна и аппетита, суицидальные тенденции. Тяжелые формы

депрессии характеризуются так называемой «депрессивной триадой»: снижением настроения, заторможенностью мышления и двигательной заторможенностью.

Распознавание депрессивных синдромов затруднено тем, что практически никогда не встречается каких-то признаков, симптомов депрессии, которых мы бы не могли наблюдать у людей с другими, не депрессивными заболеваниями. Симптомы на всех трех уровнях (психическом, психомоторном, соматическом) встречаются не так часто. Среди психических феноменов часто можно увидеть беспричинную тоску, страх, чувство вины, тревогу, чувство неполноценности, безнадежности, заторможенность мышления, нарушения внимания. Среди психомоторных феноменов — апатическую заторможенность, неспособность к принятию решений, потерю интересов. Среди соматических симптомов — расстройство сна, нарушения аппетита, снижение либидо и др. Однако есть и множество других симптомов, за которыми может «маскироваться» депрессия.

Депрессивное страдание, по мнению А. Хольцхей-Кунц, «уклоняется от понимающего схватывания» [13, с. 246], то есть непонятно, отчего или почему наступает депрессия. Остаются лишь возможности для описания этого страдания, но его причины и происхождение до сих пор непонятны. Х. Телленбах, например, в своей книге «Меланхолия» характеризует так депрессивное страдание: «Это страдание есть страдание эндогенно видоизмененное, чуждое, непонятное, чудовищное, деформированное и, наконец, извращенное» [14].

Болезнь или страдание? Этот вопрос в отношении депрессии поднимает Л. Бинсвангер в *Dasein*-анализе. В 1933 г. он публикует три работы под названием «О скачке идей», где описывает мир человека со скачущим характером мыслей. Бинсвангер исследует этот «проект мира» маниакального пациента, не исходя из его смыслов, а исходя из его «как» — то есть по всем правилам феноменологического искусства. Маниакально-депрессивный способ быть, хотя и видится Бинсвангеру как «подчиненный норме», но он формулирует этот способ как «уклонение от *подлинной* способности быть» [13, с. 251]. Есть разница, по мнению Хольцхей-Кунц, двух исследовательских установок, направленных на «как» экзистирования и на «смысл» экзистирования (для чего депрессия?). Впоследствии Бинсвангер меняет свои взгляды на меланхолию, подходя к ней с феноменологической позиции Э. Гуссерля: меланхолия уже понимается как «болезненный симптом», как

результат «нарушения трансцендентальных конституций» [13, с. 253]. К сожалению, Бинсвангер начинает рассматривать меланхолию феноменологически как «нарушение», и это, на мой взгляд, отдаляет его от самого феномена меланхолии (депрессии) как переживаемого страдания.

Данная работа направлена на то, чтобы понять два основополагающих феномена депрессии: «как экзистирует» бытие и «для чего экзистирует».

А. Лэнгле в своих работах о депрессии, на мой взгляд, больше отвечает на вопрос «как экзистирует» бытие в депрессии. Он понимает депрессию как длительное нарушение соотношенности с жизнью, как следствие того, что ценность, которую имеет жизнь, не может быть обнаружена и прожита [7, с. 53–82]. Отношения человека с жизнью здесь становятся нарушенными. Тот человек, который пропускает жизнь, не может в нее включиться, как будто и не живет вовсе, не может ощутить «течение» жизни.

Лэнгле считает, что жизнь вводит нас в «отношения с Бытием здесь». Таким образом, влияние жизни заключается в том, что она вводит человека в отношения: «Говоря другими словами: лишь через соотношение и соотносённость Бытие здесь становится “жизнью”» [7, с. 53–82]. Эта способность жизни быть в отношениях с «Бытием здесь» возможна, по мнению А. Лэнгле, благодаря трем характерным чертам: через отношения обмена с миром, через изменения и витальную силу. Три эти черты Лэнгле выделяет именно в связи с депрессией. Рассмотрим их более подробно.

1. Обмен с миром.

Человек живой постоянно обменивается с миром — этот обмен существует на уровне питания, например, или на уровне обмена информацией. Чтобы этот обмен с миром произошел, нужен контакт с Другим. Нужно, чтобы и сам человек мог пойти на контакт с другим человеком, но также необходимо, чтобы человек был открыт к контакту, к отношениям с Другим. Эту открытость, готовность к контакту сложно испытывать во время депрессии.

2. Изменения.

Перемены и изменения, которые есть везде. Жизнь не существует без движения, без перемен. Предпосылкой для перемен и изменений является Время.

3. Витальная сила.

Витальную силу автор рассматривает через биологическую витальность (сила организма, способность к самоисцелению и выздоровлению) и психологическую витальность (так называемую

«жажду жизни»). Исследуя психологическую витальность, Лэнгле задает вопрос, важный с точки зрения диагностирования депрессии, «Нравится ли мне жить?»: «Субъективное Нравиться-Жить является, таким образом, выражением витальной радости жизни (психическое измерение), которое первично питается телесным чувством и телесной силой» [7, с. 4]. Вторично чувство витальности, по мнению А. Лэнгле, может происходить из позитивного опыта отношений (особенно отношений с матерью). Витальная сила, сила жизни, тесно связана с понятием Открытости и близости с Другим — в этом источник и наслаждения, радости человеческой жизни, но также и источник ран, боли и разочарований.

Переживание фундаментальной ценности жизни, того факта, что жизнь в целом «хороша» — это то переживание, которого лишают себя люди в депрессии [6, с. 34]. Феноменологический подход Лэнгле к пониманию депрессий заключается в том, что «любой депрессии предшествует дефицит субъективно переживаемых ценностей» [6, с. 35]. Лэнгле утверждает, что для человека в депрессивном состоянии важно уметь «оставлять» и «обращаться»: оставлять позади свои притязания на «великие достижения» и обращаться к простым ценностям жизни — природе, прогулке, встрече с другом, еде, сну. Чувство вины будет требовать «великих достижений», но как раз на них и не хватает сил человеку, испытывающему депрессию. Чувство вины от осознания своего бессилия, своей невозможности достичь чего-то значимого и очень ценного — это чувство вины будет увеличивать депрессию. Одна из моих клиенток с диагностированной эндогенной депрессией постоянно упрекает себя в том, чего она делать не может или делает, но «нехорошо», и совершенно не замечает того, сколько важных и ценных вещей в жизни продолжает она делать (например, работать, ухаживать за животными, общаться с близкими, делать ремонт...).

Утрата ценностей человека в депрессии приводит к ослаблению отношений с жизнью: «Неудерживаемое отношение с Бытием-здесь выбивает у охваченного депрессией человека почву из-под ног, делает его беззащитным перед последующими «обвалами» и утратами. На пути к потере отношений с жизнью отсутствует какая-либо дамба. Последствием является то, что недостаток отношений становится самостоятельным фактором. Депрессивные чувства генерализируются. Вместе с утратой отношений убывают силы. Человек обессилено смотрит на это бедствие, и ему

нечем возразить против него. Не переживает ли он жизнь всё больше как бедную ценностями или даже вовсе лишённую ценностей? Не ловит ли себя на растущем нежелании пускаться в эту жизнь?» [6, с. 42].

Важным представляется анализ возникновения и развития депрессивных переживаний, предложенный Лэнгле: когда случается дефицит ценностей или вообще их утрата, человек переживает «ослабление отношений с жизнью», заключающееся в тяжелых чувствах (апатия, меланхолия) и в дефиците активности («ничего не происходит»). При этом человек, всё более погружаясь в депрессивные переживания, продолжает «держаться» за свои установки о «правильной жизни» (о той, какой она должна быть, что она должна приносить ему). И возникает чувство, что если жизнь не такая, как себе ее рисует человек, какая она должна быть, то это не жизнь. Зачем тогда жить? Ведь жизнь не дала человеку, находящемуся в депрессии, ничего из того, о чем он мечтал (мечтал). Эти идеи Лэнгле представляются мне особенно важными и для экзистенциального понимания депрессии, и для терапии депрессивных людей. Мне представляется, что депрессивный человек «требует» от жизни того, какой она «должна быть». При этом возникает установка на «я хочу получить от жизни» или «жизнь должна мне». И никак не происходит разворот на то, что я могу «дать» жизни, что я должен ей дать... Виктор Франкл в размышлениях о ценностях и смыслах жизни постоянно и прямо говорит о том, что не человек спрашивает у жизни, а сама жизнь задает ему вопросы. «Пытаясь ответить на вопрос о смысле жизни — на этот самый человеческий из всех вопросов, — индивид вынужден отступить; он должен понять, что это жизнь ставит перед ним вопросы и перед жизнью ему держать ответ» [11, с. 191].

Итак, вопрос «Для чего депрессия?», на мой взгляд, является крайне важным вопросом для конкретного существования в депрессии. К. Г. Юнг, например, сравнивал депрессию с «дамой в черном», которую не нужно прогонять, а напротив, нужно усадить ее напротив себя и выслушать, что она будет говорить (К. Г. Юнг). Виктор Эмиль Фрейер фон Гебзаттель рекомендовал человеку собраться с духом, чтобы пережить депрессию: «Речь идет не о том, чтобы обрисовать страдающему его страдание, а как раз наоборот — представить это страдание как зеркальное отражение его существования, стремящегося в своем безумии к бегству от жизненных проблем» [12,

с. 16]. «Зеркальное отражение его существования» — депрессивное страдание здесь видится как отражение существования, и цель этого отражения — «бегство от жизненных проблем». Убеждать от жизненных проблем, защититься от них — это мне видится одним из главных феноменов «зачем» депрессивного страдания. Недавняя работа с клиенткой в депрессии помогла нам вместе отыскать смысл депрессивного страдания для нее: депрессия для нее означала отказ от жизни — в какой-то степени суицид, но «не окончательный». Клиентка говорила: «Я спряталась под панцирь, и этим панцирем была депрессия». Таким образом, депрессия уберегала мою клиентку от реального суицида, представляя собой суицид «не окончательный». *Депрессия может быть защитой бытия от проблем и трудностей проживания жизни; депрессия означает отказ от жизни, но не позволяет совершить реальный суицидальный поступок, таким образом, защищая существование, здесь-бытие от окончательного, невозвратного поступка.* Депрессивное страдание имеет смыслом некоторое послание — в этом отличие от казуального подхода в понимании депрессии. Ответ на вопрос «зачем депрессия» не может быть связан с «причиной» депрессии. Д. Хелл пишет о том, что подобное понимание предполагает понимать депрессию не как расстройство психического аппарата, но как «возможность человека реагировать на внутреннюю или внешнюю проблематику»: «это целесообразный ответ организма, стремящегося избежать худшего и найти защитную нишу в угрожающих социальных отношениях» [12, с. 18].

Но для человека в депрессии очень сложно осознать, что в депрессии есть нечто «целесообразное», потому что депрессивное страдание очень сильно. Однако меланхолия со времен древних греков воспринималась как некий «знак отличия»; в эпоху Возрождения философами также подчеркивалась позитивная сторона «темной ночи души». Сходную мысль высказывает и С. Кьеркегор: «Это мое убеждение, моя победа над миром. Я убежден в том, что человек, не вкусивший горечи отчаяния, еще не познал значения жизни» [12, с. 19]. Д. Хелл считает, что депрессия в таком понимании может быть «многострадальным выходом из безумия» [12, с. 19]. Возможно, Хелл считает, что депрессивное страдание в какой-то степени «защищает» человека от безумия. Мне же видится здесь и такое «зачем депрессия» — это страдание, которое нужно пережить для очищения души, если можно так сказать, для более вы-

сокого модуса бытия. Кьеркегор и другие мыслители, поэты пишут о том, что душа возвышается через перенесенное страдание. «Радостей источник лежит в краю печалей» (Р. М. Рильке). Поэтому еще один ответ на вопрос «Для чего депрессия» — *для очищения души, для того, чтобы душа стала лучше, возвышеннее, для доброты и светлости духа.* Об этом же писал известный российский врач, посвятивший жизнь созданию системы хосписов в России, А. Гнездилов. Сравнивая две группы людей с депрессивными переживаниями (первая группа онкологических больных, находящихся в хосписе; вторая группа здоровых людей, перенесших депрессивную симптоматику и оценивающих себя как «счастливых»), пишет, что эти две группы имели сходные переживания: пациенты хосписа приходили к фазе примирения и принятия реальности, согласия с ней; и здоровые люди с депрессивными переживаниями — тоже. Это было, пишет Гнездилов, «принятием реальной жизни и ее высокого смысла». Автор задает вопрос: «Всегда ли депрессивная симптоматика является патологией, а не этапом на пути к духовному здоровью?»: «Духовность как гармония личности с миром позволяет обретать ценности в самых экстремальных случаях человеческой жизни» [2, с. 56].

Д. Хелл обращает наше внимание на то, что все великие отцы церкви прошли через страдание души и искали опору в этих страданиях. Апостолы Павел и Петр, Блаженный Августин, Лютер — все они, по мнению Д. Хелла, пережили свою «темную ночь души»: «Они пережили свое несчастье как глубочайшую истину» [12, с. 214]. Кьеркегор красиво писал об этом: «все, кто служил необходимому, поначалу испытали давление, которое одновременно придавило, но не уничтожило, а затем высоко подняло их. Но под этим давлением проходила вся их жизнь и под воздействием этого давления их жизнь стала такой, какой она есть сейчас» [12, с. 215].

А. Лэнгле предлагает классификацию видов депрессии. Известные в клинической медицине виды депрессии он рассматривает под «экзистенциальным» углом зрения. Так, он предлагает выделять депрессию, как «защитную реакцию на дефицитную жизнь», депрессию как «психогенное развитие блокады чувств» и депрессию как «эндогенный дефицит витальности». Первый вид депрессии был описан выше — это депрессия, возникающая как реакция на дефицит ценностей, сопровождаемая ощущением того, что жизнь не такая, какая должна быть, что жизнь непра-

вильная, не приносящая радость и счастье, «депрессия в связи с жизнью». Второй вид депрессии Лэнгле называет «депрессией в связи с отношениями» — она характеризуется тем, что ценности жизни заблокированы в восприятии человека, он «воздвиг душевный панцирь», который защищает от пережитых обид и разочарований. Этот вид депрессии возникает во многом из-за ран, травматичных ситуаций жизни. И, наконец, депрессия как эндогенный дефицит витальности — это депрессия, возникающая как ответ на то, что у человека не хватает внутренних сил, чтобы «подойти к ценностям и радоваться им». Главное здесь — это слабость, отсутствие сил, энергосберегающая позиция. Чувство вины, понимание того, что это «я не справляюсь с жизнью», — это характерные признаки данного вида депрессий [6, с. 5–56]. На мой взгляд, главное, «для чего» здесь, по мнению Лэнгле, депрессия, это для того, чтобы человек осознал недостаток переживаемых ценностей жизни. И тогда это может быть очередным ответом на вопрос «для чего существует» бытие в депрессии — *для осознания дефицита ценностей жизни*.

Для людей, переживающих депрессию, многое меняется в жизни. Они действительно живут в другом мире. Некоторые клиенты боятся того, что разучились мыслить — как будто их мышление становится иным: прежняя быстрота мыслей утрачивается, мышление становится медленным. Требуется гораздо больше времени, например, для того, чтобы понять книгу или объяснить другому свои идеи. В состоянии депрессии люди начинают бояться, что «поврежден» их разум: они «поглупели» и не смогут больше ясно мыслить, как раньше. Мысли постоянно «кружатся» возле какой-то проблемы, и человек не может вырваться из этого круга...

Более того, многие люди стараются заставить себя думать, при этом не имея сил на это «думание» [12]. Страх человека с депрессией утратить собственный рассудок очень сильный, добавляющий страдания. Карл Ясперс писал, что «разум не может заболеть», а Артур Шопенгауэр, сам страдавший меланхолией, говорил, что люди тем яснее и болезненнее воспринимают свое состояние, чем более ясно их сознание [12].

«Когда у человека начинается депрессия, он воспринимает свое жизненное пространство как сузившееся», — пишет Дэниель Хелл [12, с. 46]. Меняется и ощущение собственного тела — оно начинает восприниматься как менее живое, менее подвижное. Это лишение одушевленности опи-

сывается клиентами как «мое тело словно зарыто под землю», «я чувствую скованность во всем теле, будто я спеленатая мумия — не могу двинуться», «мое тело будто не принадлежит мне, я не ощущаю его так живо, как раньше». Часто клиенты также говорят об огромной «тяжести», о «невыносимом грузе», который они вынуждены нести, сгибаясь под его тяжестью. Это изменение в отношении к собственному телу находит отражение и в высказываниях клиентов, находящихся в депрессии: «я не могу двигаться», «мне трудно что-то делать вообще». Одна из пациенток Д. Хелла писала: «Если я не могу отказаться от заданной работы и стараюсь продолжить ее, чтобы достичь поставленной цели, которая выше моих возможностей, то у меня начинаются ощущения душевной и физической тяжести, боли, доставляющие мне неразрешимые трудности» [12, с. 47]. Так невозможность делать привычную работу, выполнять служебные обязанности доставляет боль, физическую боль человеку с депрессией.

О телесных ощущениях во время собственной депрессии пишет С. Эндрю: «Недавно, выйдя из тяжелой депрессии, в которой мне было не до проблем других людей, я проникся чувствами этого дерева. Моя депрессия нарастала во мне, как лиана завоевывала дуб; эта высасывающая тварь обвивалась вокруг меня, отвратительная, но более живая, чем я сам. Она обладала собственной жизнью, которая капля за каплей всасывала в себя мою. На худших стадиях тяжелой депрессии у меня бывали состояния духа, о которых я точно знал — они не мои: они принадлежали депрессии, и это так же несомненно, как то, что листья на верхних ветвях дуба принадлежали вьющейся твари. Когда я старался это осмыслить, то чувствовал, что мой разум словно скован и не может двигаться ни в каком направлении. Я знал, что солнце всходит и заходит, но его свет почти не достигал меня. Я чувствовал, что сминаюсь под чем-то, что гораздо сильнее меня; сначала мои ноги ослабели в щиколотках, потом я потерял способность контролировать колени, затем от напряжения стала разламываться поясница, наконец, впали в спячку плечи, и кончилось тем, что я свернулся, как эмбрион, напрочь опустошенный этой тварью, которая сокрушала меня, никак не поддерживая. Ее щупальца грозили разрушить мой разум, мое мужество, мой желудок, раздробить мои кости, иссушить мой организм. Она обжиралась мною, даже когда мне уже, казалось, нечем было ее кормить» [10, с. 14].

Еще один феномен, переживаемый депрессивным человеком, — это отношение ко времени. Время представляется «застывшим», «замедленным», «остановившимся» или «куда-то девшимся, утраченным». По мере углубления депрессии клиенты говорят о том, что время тянется очень медленно. Кьеркегор в своих дневниках очень ярко описал перенесенную им депрессию как невозможность сдвинуться с мертвой точки, как «замирание духовной жизни» [14, с. 135]. Телленбах, изучая классическую литературу и философию, пришел к выводу, что многие герои художественных произведений, а также философы страдали от меланхолии (Гамлет, Клейст, Бодлер, Кьеркегор и Ницше). Телленбах заключает, что меланхолия состоит в неспособности направить личностную энергию на творческую работу. «Меланхолия есть мучительное чувство невозможности реализовать свои истинные способности» [14, с. 341]. Одна из моих клиенток с депрессией описывала период переживания депрессии как «время, в котором ничего не происходило»: «Мы (с подружкой) просто спали и ели, ели и спали. Часто плакали. Мы не выходили на улицу, мы ничего не делали. Мы просто питались тем, что подворачивалось под руку и постоянно спали... Наша жизнь будто остановилась. Точнее, я вообще не чувствовала, что живу...»

Другая клиентка с диагностированной эндогенной депрессией описывала свое состояние, будто все ее знакомые и друзья едут в поезде, а она стоит на перроне и видит, как вагоны с лицами ее знакомых в окнах проносятся мимо. Она стоит на перроне, одна, она не с ними, не в этом поезде. А они быстро едут мимо нее, они «живут, в то время как я — нет». Время, которое как бы остановилось, время, в котором ничего не происходит, время, когда не можешь делать привычные дела, занимавшие твой день раньше. Эта же клиентка говорит о «невозможности» заниматься ни работой, ни обычными домашними делами: «Я не могу даже приготовить себе еду. Не могу убрать свои вещи, не хочу вставать и заниматься обычными делами...» Когда два рабочих дня она не смогла работать, она сказала: «Я не понимаю, куда эти два дня делись... Я их просто не заметила».

Соломон Эндрю пишет: «Минуты депрессии как века, там какое-то иное, искусственное понятие о времени. Помню, как я лежал окоченевший в постели и плакал, потому что боялся принять душ, и в то же время знал, что душ — это не страшно. Я прокручивал в уме каждый шаг: поворачиваешься и спускаешь ноги на пол; вста-

ешь; проходишь отсюда до ванной; открываешь дверь;ходишь к краю ванны; пускаешь воду; становишься под душ; намыливаешься; смываешь пену; выходишь из ванны; вытираешься; идешь обратно к кровати. Всё. Двенадцать шагов, но мне они представлялись остановками по пути на Голгофу» [10, с. 31].

В депрессии человек испытывает огромные сложности в общении с другими людьми. Здесь «намешаны» весьма противоречивые чувства — желание быть с людьми и желание спрятаться от всех, попытки сблизиться с близкими и обвинение близких за то, что они «не понимают мои переживания»... Д. Хелл пишет об одной из своих пациенток: «Бьешься головой о стену, чтобы восстановить отношения, но ничего не получается. Посещения близких превращаются для меня в позор, как пускание газов в присутствии посторонних, а дети кажутся бледными, безликими, нежеланными. Пустота заполняет пространство между мной и моим мужем, и я не могу ее преодолеть» [12, с. 54].

С. Эндрю также пишет об особенностях общения в депрессии: «Окружающие ждут от людей, находящихся в депрессии, что они возьмут себя в руки: в нашем обществе нет места хандре. Супругов, родителей, детей затачивают с собой в бездну, — а им не хочется быть рядом с безмерными страданиями. Из бездны глубокой депрессии никто не может ничего, разве только просить о помощи (и то не всегда), но когда помощь подают, ее нужно еще суметь принять» [10, с. 54]. В общении с друзьями и родными могут появляться зияющие пустоты, провалы. «Кажется, что именно мой друг или родственник должен понять, как я страдаю и как мне плохо». Но здесь опять проявляется «парадоксальная» сторона депрессии — у нее нет видимой причины. Другой не понимает, «ПОЧЕМУ я страдаю». И тогда само «мое страдание» обесценивается, становится как бы «иллюзией», «моей выдумкой», «нестраданием». Когда нет видимых причин «моему страданию, как я могу объяснить мужу, жене, отцу, матери, ПОЧЕМУ я страдаю?» Близкие люди могут осуществить много попыток понять человека в депрессии, но как объяснить им, что это «непонятное страдание» может не заканчиваться неделями? Месяцами? А если при этом у нас есть общие обязательства — дети, больные родители, кредиты? Как должен понять муж, чья жена «провалилась в депрессию», что теперь ему на необъяснимо какой долгий срок придется взять на себя заботы по дому, детям и материальному

обеспечению семьи? И тогда спутником депрессии становится вина. Н. Мак-Вильямс много пишет о чувстве вины, переживаемом депрессивным человеком в общении с близкими людьми: «Если некто, пережив болезненный опыт сепарации, верит, что именно собственные плохие качества привели к сепарации с любимым объектом, он может очень сильно стремиться к тому, чтобы испытывать только позитивные чувства к тому, кого любит. В таком контексте становится понятно сопротивление депрессивных людей признанию собственной, даже вполне естественной враждебности. Оно, например, проявляется в поведении человека, который остается с абьюзным партнером, считая, что, если бы он сам был достаточно хорошим, то плохое обращение партнера прекратилось бы» [8, с. 159–160].

Депрессивный человек действительно испытывает огромное чувство вины, собственной «греховности». «Плохое случается со мной, потому что я заслужил его» — постоянная скрытая тема депрессивных пациентов.

Эмми ван Дорцен, например, пишет о том, что стремиться к счастью — вовсе не то же самое, что проживать осмысленную жизнь. Негативные переживания, грусть, боль, даже депрессия — это то, что человек должен научиться воспринимать всерьез, как что-то дающее нам ценные уроки в жизни: «...разного рода конфликты, дилеммы и проблемы — всё это неотъемлемая часть условий человеческого существования, и быть живым — означает научиться как-то справляться с ними... избавление от трудностей означает смерть возможностей и творческого начала. Постоянные проблемы и переживания — всё это необходимость нашей обычной жизни, если мы хотим, чтобы она действительно была хорошей» [1, с. 247].

Конечная цель жизни, по мнению ван Дорцен, это не просто счастье, это скорее смысл, чем счастье: «В конечном счете вполне возможно, что мы пытаемся постичь саму жизнь и хотели бы знать и чувствовать, что мы действительно живы, и это для нас является самым важным» [1, с. 246]. Только когда человек решает жизненные проблемы, справляется со своей депрессией или тревогой, только тогда он становится сильным, способным к самостоятельным поступкам, понимающим собственную жизнь: «...для того, чтобы подтвердить собственное бытие, ему должно что-то угрожать» [1, с. 247]. Тогда человек начинает жить смело, и ровно тогда он и может почувствовать себя настоящим живым. Чувство бытия, или опыт «Я

есть» по Р. Мэю является, как мне видится, предпосылкой для появления этого чувства «настоящей жизни» [9].

Заключение

Понимание депрессии почти всегда носит медицинский характер. Распространенность депрессивных расстройств в настоящее время определяет и проблемы, связанные с этим: повальное назначение антидепрессантов, понимание депрессии как болезни, требующей лечения медикаментами, и недостаток внимания к определению своей роли в создании депрессивного страдания. Разделенность (изоляция) людей между собой и отсутствие человеческой поддержки — тепла и участия — усугубляют депрессивные состояния современного общества.

С экзистенциальной точки зрения, депрессия не является болезнью, это не душевная болезнь, но душевное страдание, страдание души. Депрессия — это особый способ бытия, особый способ проживания жизни, особые отношения с жизнью, наполненные страданием и болью. Эти особые отношения с жизнью сами по себе ценны, потому что показывают нам, что продолжать жить так, как мы жили до сих пор, больше нельзя. Депрессия — это призыв жить по-другому. Призыв сделать всё, чтобы, несмотря на страдания, начать жить по-другому. Вступить в отношения с другими людьми, увидеть по-новому смыслы и ценности жизни.

Данная работа была направлена на исследование того, как существует человек в депрессии, для чего человеку дана депрессия. Были рассмотрены взгляды А. Лэнгле, Эмми ван Дорцен, А. Кемпински, Н. Мак-Вильямс, В. Франкла, Д. Хелла, А. Хольцхей-Кунц, Л. Бинсвангера, Х. Телленбаха. В основной части предлагается понимание депрессии, по Лэнгле, как длительного нарушения соотносительности с жизнью, как следствия того, что ценность, которую имеет жизнь, не может быть обнаружена и прожита. К ослаблению отношений с жизнью приводит утрата ценностей человека в депрессии. У человека, переживающего депрессию, изменяются восприятие тела и пространства; восприятие времени; взаимоотношения с собой и другими людьми.

Депрессия может быть защитой бытия от проблем и трудностей проживания жизни. Депрессия может означать отказ от жизни, но не позволяет совершить реальный суицидальный поступок. Многие философы и поэты пишут о ценности депрессии для очищения души, для того, чтобы

душа стала лучше, возвышеннее. Депрессия также может быть важной для осознания дефицита ценностей жизни.

Теплый и искренний контакт с клиентом в депрессии — это та основа, без которой экзистенциальная терапия депрессии невозможна. Боль, грусть, депрессия, тяжелая ноша душевных страданий — неотъемлемая часть человеческой жизни. Тяжести человеческого бытия делают человека сильнее, мудрее, способнее к осуществлению самостоятельной жизни, человечнее. Чувства вины и гнева — часть феноменологической картины депрессии; чтобы справиться с депрессивным страданием, эти чувства должны быть опознаны и поняты. Понимание «авторства» своей жизни ведет к пониманию того, что и депрессивная картина мира — это та картина, которую написал я сам. Депрессивному страданию противопоставляет способность человека отдавать себя другому — тем самым самотрансцендироваться от своего страдания.

Терапевтическая помощь человеку в депрессивном страдании — это почти что гомеопатическое

«лечение», то есть «лечение» подобного подобным. Смерть, судьба, смыслы, ценности — настоящие важные философские вопросы — именно эти вопросы беспокоят человека в депрессии, и они же способны вернуть его к жизни. В чем смысл депрессивного страдания и как переживает депрессивное страдание человек — на эти вопросы мы пытались найти ответы в данной работе. Завершим ее отрывком из романа «Настоящий любимец судьбы» А. Штеффена, который приводит О. Кооб: в романе герой встречается с неким человеком, кто, находясь в гуще городской, насквозь испорченной жизни, в «аду», по мнению автора, смог сохранить себя и не пострадать от всеобщего морального разложения: «“Зачем Вы здесь, в этом опасном месте?” — спросил Артур. “Затем, что здесь, по-моему, обязательно должен быть кто-то испытывающий отвращение. Мысль о том, что для нашего времени необходимо отвращение, пришла мне несколько дней назад... Отвращение необходимо, чтобы правильно понять мир, чтобы прийти к духу внутри нас, чтобы защитить в себе Бога...”» [цит. по Кооб, с. 98].

Список источников

1. Ван Дорцен Э. Психотерапия и поиски счастья. М. : ИОИ, 2017. 296 с.
2. Гнездилов А. Анализ случаев депрессий, не поддающихся психофармакологическому лечению // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2005. № 1. С. 54–56.
3. Доерр-Зегерс О. Тревога, меланхолия и творчество: случай поэта Р. М. Рильке // Независимый психиатрический журнал. 2000. № 1. С. 5–12.
4. Кемпински А. Меланхолия. СПб. : Наука. 2002. 405 с.
5. Кооб О. Темная ночь души. Пути выхода из депрессии. М. : Просветительский цикл «Эвидентис», ООО «Добрая книга», 2002. 208 с.
6. Лэнгле А. Дотянуться до жизни. Экзистенциальный анализ депрессии. М. : Генезис, 2020. 128 с.
7. Лэнгле А. Экзистенциальный анализ депрессии. Возникновение, понимание и феноменологический подход к лечению // Московский психотерапевтический журнал. 2006. Т. 1, № 48. С. 53–82.
8. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика. Понимание структуры личности в клиническом процессе. М. : Класс, 2001. 480 с.
9. Мэй Р. Открытие бытия. М. : Институт общегуманитарных исследований, 2004. 224 с.
10. Соломон Э. Демон полуденный. Анатомия депрессии. М. : Добрая книга, 2004. 672 с.
11. Франкл В. Человек в поисках смысла. М. : Прогресс, 1990. 368 с.
12. Хелл Д. Ландшафт депрессии. Интегративный подход. М. : Алетейа, 1999. 280 с.
13. Хольцхей-Кунц А. Страдание из-за собственного бытия: Дазайн-анализ и задача герменевтики психопатологических феноменов. Вильнюс : Логвинов, 2016. 312 с.
14. Tellenbach H. Melancholy: History of the Problem, Endogeneity, Typology, Pathogenesis, Clinical Considerations. Pittsburgh : Duquesne University Press, 1980. 250 p.

References

1. Van Dorzen E. Psichoterapiya i poiski schast'ya [Psychotherapy and the search for happiness]. Moscow; 2017. 296 p. (In Russ.).
2. Gnezdilov A. Analysis of cases of depression that are not amenable to psychopharmacological treatment. *Ekzistentzial'naya traditsiya: filosofiya, psikhologiya, psichoterapiya* [Existential tradition: philosophy, psychology, psychotherapy]. 2005;(1):54-56. (In Russ.).

3. Doerr-Seghers O. Anxiety, melancholy and creativity: the case of the poet R. M. Rilke. *Nezavisimyy psikhiatricheskii zhurnal* [Independent Psychiatric Journal]. 2000;(1):5-12. (In Russ.).
4. Kempinski A. Melankholiya [Melancholia]. St. Petersburg, Nauka; 2002. 405 p. (In Russ.).
5. Koob O. Temnaya noch' dushi. Puti vykhoda iz depressii [Dark Night of the Soul. Ways out of depression]. Moscow, Educational cycle "Evidentis", LLC "Good Book"; 2002. 208 p. (In Russ.).
6. Langle A. Dotyanut'sya do zhizni. Ekzistentsial'nyy analiz depressii [Reach out to life. Existential analysis of depression]. Moscow, Genesis; 2020. 128 p. (In Russ.).
7. Langle A. Existential analysis of depression. Emergence, understanding, and the phenomenological approach to treatment. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal* [Moscow Psychotherapeutic Journal]. 2006; 1(48):53-82. (In Russ.).
8. Mac-Williams N. Psikhooanaliticheskaya diagnostika. Ponimaniye struktury lichnosti v klinicheskom protsesse [Psychoanalytic diagnostics. Understanding personality structure in the clinical process]. Moscow, Class; 2001. 480 p. (In Russ.).
9. May R. Otkrytiye bytiya [Discovery of being]. Moscow, Institute of General Humanitarian Research; 2004. 224 p. (In Russ.).
10. Solomon E. Demon poludennyu. Anatomiya depressii [The noonday demon. Anatomy of depression]. Moscow: Good book, 2004. 672 p. (In Russ.).
11. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla [Man in search of meaning]. Moscow, Progress, 1990. 368 p. (In Russ.).
12. Hell D. Landshaft depressii. Integrativnyy podkhod [The landscape of depression. Integrative approach]. Moscow, Aletheia; 1999. 280 p. (In Russ.).
13. Holzhey-Kuntz A. Stradaniye iz-za sobstvennogo bytiya: Dazayn-analiz i zadacha germenevtiki psikhopatologicheskikh fenomenov [Suffering because of one's own being: Dasein analysis and the task of hermeneutics of psychopathological phenomena]. Vilnius, Logvinov; 2016. 312 p. (In Russ.).
14. Tellenbach H. Melancholy: History of the Problem, Endogeneity, Typology, Pathogenesis, Clinical Considerations. Pittsburgh, Duquesne University Press, 1980. 250 p.

Информация об авторе

Е. А. Абросимова — кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной и клинической психологии.

Information about the author

E. A. Abrosimova — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of Department of Special and Clinical Psychology.

Статья поступила в редакцию 16.10.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 16.10.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 316.6

doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-46-55

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ В ОБЩЕНИИ: АСПЕКТЫ ВИЗУАЛЬНОЙ САМОПОДАЧИ ОБРАЗА Я

Светлана Александровна Васюра

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия, vasyura@inbox.ru, ORCID 0000-0002-0439-3353

Аннотация. Самопрезентация рассматривается как процесс представления человеком собственного образа в социальном мире, характеризующийся намеренностью создания у окружающих определенного впечатления о себе. Выделяют ряд подходов к изучению самопрезентации личности: интерактивный, коммуникативный, социо-перцептивный, культурологический, гендерный, индивидуально-личностный, прикладной. Одним из направлений психологических исследований самопрезентации являются различные аспекты визуальной самоподачи образа Я в общении. Знаковые проявления внешнего облика человека как субъекта общения исследуются в рамках психосемиотического подхода. Визуально-семиотические проявления внешнего облика рассматриваются как средство объективации и интерпретации субъекта, как средство экспрессивно-импрессивного проявления личности, основой чего является интерпретационная природа визуальных знаков. Эффективность визуальной самоподачи субъекта связана с психосемиотической компетентностью и рефлексией на общекультурном уровне. К формам самопрезентации относят перфекционистскую самопрезентацию — самоподачу человеком идеальной версии себя, использование знаков успешности, красоты. П. Хьюиттом разработана модель перфекционистской самопрезентации, которая отражает разные грани данного феномена: демонстрацию совершенства — стремление казаться безупречным в глазах окружающих, вызывать своим совершенством восхищение и уважение других; поведенческое не проявление несовершенства — стремление вести себя таким образом, чтобы скрыть собственное несовершенство от других людей. В статье рассматриваются результаты эмпирического исследования перфекционистской самопрезентации дизайнеров, находящихся на разных стадиях профессионального становления. Изучение самопрезентации в целом и визуальной самоподачи образа Я в частности имеет важное научно-практическое значение для представителей разных профессиональных групп, особенно социомических профессий, имиджмейкеров. Управление визуальной самоподачей образа Я с позиций психосемиотического подхода является основой формирования личного и профессионального имиджа.

Ключевые слова: общение, образ, самопрезентация, перфекционистская самопрезентация, внешний облик, визуальная самоподача, визуально-семиотические проявления внешнего облика

Для цитирования: Васюра С. А. Самопрезентация в общении: аспекты визуальной самоподачи образа Я // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 4 (24). С. 46–55. doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-46-55.

Original article

SELF-PRESENTATION IN COMMUNICATION: ASPECTS OF VISUAL SELF-IMAGE OF I

Svetlana A. Vasyura

Udmurt State University, Izhevsk, Russia, vasyura@inbox.ru, ORCID 0000-0002-0439-3353

Abstract. Self-presentation is considered as a process of a person presenting his own image in the social world, characterized by the intention of creating a certain impression of himself among others. There are a number of approaches to the study of self-presentation of a person: interactive, communicative, socio-perceptual, cultural, gender, individual-personal, applied. One of the directions of psychological research of self-presentation is various aspects of the visual self-presentation of the image of the Self in communication. The sign manifestations of the external appearance of a person as a subject of communication are studied within the framework of the psychosemiotic approach. Visual-semiotic manifestations of external appearance are considered as a means of objectification and in-

terpretation of the subject, as a means of expressive-impressive manifestation of personality, the basis of which is the interpretive nature of visual signs. The effectiveness of the visual self-presentation of the subject is associated with psychosemiotic competence and reflection at the general cultural level. The forms of self-presentation include perfectionist self-presentation — self-presentation by a person of an ideal version of himself, the use of signs of success, beauty. P. Hewitt developed a model of perfectionist self-presentation, which reflects different facets of this phenomenon: demonstration of perfection — the desire to appear perfect in the eyes of others, to arouse admiration and respect for others with their perfection; behavioral non-manifestation of imperfection — the desire to behave in such a way as to hide one's own imperfection from other people. The article discusses the results of an empirical study of the perfectionist self-presentation of designers at different stages of their professional development. The study of self-presentation in general, and the visual self-presentation of the image of the Self in particular, is of great scientific and practical importance for representatives of various professional groups, especially socio-economic professions, image makers. Managing the visual self-image of the self-image from the standpoint of the psychosemiotic approach is the basis for the formation of a personal and professional image.

Keywords: communication, image, self-presentation, perfectionist self-presentation, appearance, visual self-presentation, visual-semiotic manifestations of external appearance

For citation: Vasyura SA. Self-presentation in Communication: Aspects of Visual Self-presentation of Self-image. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare*. 2023;(4(24):46-55. doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-46-55. (In Russ.).

Введение

Самопрезентация личности играет важную роль в социальном взаимодействии и коммуникации людей, выступая в качестве механизма самовыражения, самопознания, адаптации к социальной среде. Она представляет собой механизм управления впечатлениями в целом, манипулирования и психологического давления в частности. Усиление внимания психологов и представителей других наук к проблеме самопрезентации связано с вызовами современного мира, характеризующегося сложной социальной, экономической ситуацией, интенсивностью коммуникаций, распространением таких явлений, как отчужденность, недоверие, информационные и коммуникативные риски. Стремительно развивающиеся информационно-коммуникационные технологии привели к резкому увеличению визуальной информации. Самопрезентация содержит информационные и культурные коды человека в современном обществе и во многом определяет успешность самореализации личности в онлайн- и офлайн-контекстах [16].

Самопрезентация — процесс представления человеком собственного образа в социальном мире. Самопрезентация трактуется как конструирование образа для других или конструирование образа о себе у других и у самого себя о себе [9, с. 236]. Одним из направлений исследований самопрезентации являются различные аспекты визуальной самоподачи образа Я в общении. Визуальная самоподача образа Я трактуется как необходимое коммуникативное умение, его эффективность связана с психосемиотической компетентностью и рефлексией. Психосемиотиче-

ская компетентность как разновидность коммуникативной компетентности, согласно позиции Е. А. Петровой, проявляется в интерпретации визуально-семиотических проявлений его внешнего облика в общении, включает владение семантикой визуальных знаков в коммуникативном аспекте (в аспекте анализа «знак—общество»), в аспекте индикативного анализа («знак—человек») как индикатора индивидуально-психологических и социальных качеств личности [14].

Самопрезентация — от английского «*self-presentation*» — «Я сам» и «представление, преподнесение». Понятия «самопредъявление» и «самоподача» синонимичны, они тождественны понятию «самопрезентация», являются внешним проявлением «Я». Понятие «самовыражение» фиксирует проявления внутреннего «Я» и может выступать в качестве самостоятельного термина, раскрывающего внутреннюю сущность субъекта самопрезентации [15]. Ведущим инструментом самопрезентации является внешний облик, он представляет собой культурно-исторический, социально-психологический феномен, форму объективизации внутреннего мира личности, способ конструирования Я для другого и для себя. Как отмечает В. А. Лабунская: «Человек, находясь в поле визуальных практик, научается пребывать под взглядом, усваивает предлагаемые «визуальные коды», формирующие и взгляд самого человека, и окружающий мир, и его мир» [10, с. 222].

Устойчивость исследовательского интереса к феномену самопрезентации, визуальной самоподачи образа Я свидетельствует о важности данной проблематики при решении огромного ряда

практических задач. Для повышения эффективности межличностной коммуникации, социальной адаптации, становления и развития профессионально важных качеств специалистов социально-экономических профессий, формирования личного имиджа необходимо представление об основных факторах успешности самопрезентации, об аспектах визуальной самоподачи образа Я, психосемантической компетентности, знание и учет индивидуальных особенностей самопрезентационного поведения человека.

Подходы к изучению самопрезентации

На основании определений самопрезентации, которые представлены в научных исследованиях, выделяют шесть категорий, раскрывающих сущность этого понятия:

1. Деятельность/активность — целенаправленная деятельность, контролирующая впечатление, производимое на других людей.

2. Процесс формирования идентичности, предъявляемой другим людям, через внешние проявления, предъявление информации о себе в вербальном и невербальном поведении.

3. Поведение, которое направлено на передачу информации о себе другим людям, на создание благоприятного впечатления или впечатления, которое соответствует чьим-либо идеалам.

4. Готовность к самовыражению, способность презентовать себя другим людям.

5. Способ, с помощью которого мы представляем себя другим.

6. Средство, которое формирует и подтверждает образа Я и поддерживает самооценку.

Несмотря на большое количество различных авторских определений, есть общие моменты, которые характеризуют феномен самопрезентации, а именно: поведенческое выражение «образа Я», то есть поведение личности (речевое и невербальное); способ, которым субъект регулирует взаимодействие с социальной средой [15]. Самопрезентация выполняет функцию стимуляции и поддержания общения, является одним из механизмов продуцирования изменений в Я-концепции человека, представляет собой средство саморегуляции.

Анализируя зарубежные и отечественные исследования, можно выделить ряд подходов к изучению самопрезентации личности:

1. Интерактивный подход является доминирующим, так как в русле символического интеракционизма была обозначена проблема самопрезентации личности [4]. Акцентируется внимание на поведении участников социального

взаимодействия и механизмах воздействия друг на друга.

2. Коммуникативный подход подразумевает рассмотрение самопрезентации как процесса передачи и восприятия информации, в том числе передачи информации в визуальной форме.

3. Социо-перцептивный подход обозначен с использованием терминологического аппарата, предложенного Г. М. Андреевой [1]. Этот подход изучает механизмы построения предъявляемых образов и их восприятие другим человеком, аудиторией.

4. Культурологический подход подразумевает выявление и анализ различий в особенностях самопрезентации представителей разных культур и национальностей.

5. Гендерный подход фокусируется на самопрезентации представителей мужского и женского полов, а также особенностях самопрезентации в связи с гендером.

6. Индивидуально-личностный подход основывается на анализе личностных аспектов самопрезентации. Изучаются наиболее характерные личностные типы, которые отличаются определенным устойчивым стилем самопрезентации.

7. Прикладной подход связан с таким направлением, как имиджелогия. Активное развитие в психологии данного подхода свидетельствует о существовании социального заказа на разработку рекомендаций для частных лиц и организаций по эффективной самопрезентации в деловой сфере [17].

Истоки изучения социально-психологического феномена самопрезентации берут свое начало в зарубежных исследованиях второй половины XX в. Первое систематическое исследование феномена самопрезентации было проведено социологом И. Гофманом в работе «Presentation of Self in Everyday Life» [4]. Монография И. Гофмана стала своеобразной отправной точкой для последующих исследований самопрезентации.

Концепция социальной драматургии И. Гофмана — родоначальника понятия «самопрезентация» — это системная теоретическая концепция феномена самопрезентации. Она включает в себя индивидуальную идентичность, групповые связи, ситуацию, интерактивное значение информации [4].

В самопрезентации субъекта общения важнейшую роль играют компоненты внешнего облика. Знаковость внешних проявлений человека в социальной психологии анализировалась в контексте изучения социальной перцепции, коммуникации, интеракции. Представления о внешнем облике,

развиваемые в исследованиях В. А. Лабунской, включают:

- устойчивые индивидуально-конституциональные характеристики человека (тело, телесность);
- среднеустойчивые характеристики (оформление внешности: прическа, косметика, украшения, одежда);
- динамические параметры выражения (экспрессивное, невербальное поведение).

Они организуются в пространственно-временные структуры и перестраивающиеся по ходу развития психологические, социально-психологические компоненты личности, включенной в определенный социокультурный контекст. Внешний облик является посредником в ситуациях общения с другими людьми, так как в ходе интерпретации внешности партнера человек создает образ собеседника, выделяя качества, необходимые для общения.

Психологами изучаются такие стороны внешнего облика, как его привлекательность, красота, анализируются его визуально-семиотические проявления в целом, а также удовлетворенность собственной внешностью с учетом социокультурной вариативности восприятия и способов репрезентации внешнего облика. В восприятии внешнего облика актуализируются процессы стереотипизации, фаворитизма, атрибуции, презумпции взаимности, эффекта ореола и др.

В настоящее время исследователи выделяют так называемую запечатленную самопрезентацию — фотографии, видеозаписи, живописные портреты. Они позволяют «вглядываться» в человека, рассматривать его внешний облик внимательно и глубоко [9], в то время как в обычной жизни человек не выдерживает обращенный на него пристальный взгляд, сопротивляется ему.

Обращаясь к зарубежным теориям самопрезентации, следует отметить, что в традициях интеракционизма самопрезентация рассматривается как средство формирования Образа-Я и поддержания самооценки. У. Джемс, Дж. Мид и Ч. Кули считали, что в социальном взаимодействии человеку свойственно демонстрировать различные социальные лица разным партнерам, чтобы показать себя наиболее выгодно и произвести лучшее впечатление, а затем на основе этого сформировать собственное представление о себе, рефлексивная мнения и поведение окружающих [5; 11; 8]. Таким образом, индивид проявляет вовне то, что есть у него внутри и нуждается в выражении.

В ответ из социального мира индивид получает обратную связь в виде мнений о нем и отношения к нему. На их основе формируется то, что Г. Мид назвал «идея Я» (когнитивная составляющая — знания индивида о себе), а Ч. Кули обозначил как «зеркальное Я» (когнитивная и эмоциональная составляющая — знания индивида о себе, самооценка) [12].

М. Лири и Р. Ковальски полагают, что стремиться представить желаемый образ себя в собственных глазах и в глазах окружающих характерно для индивида, намеренно или ненамеренно [18]. Человек оправдывается, защищает, чтобы поддержать самооценку и подтвердить желаемый Образ-Я. В знакомых ситуациях это происходит без сознательных усилий. Незнакомые ситуации сложны для человека, и поэтому возрастает важность произвести хорошее впечатление, тогда происходит намеренная инсценировка, которую М. Лири и Р. Ковальски называют «красованием» [12].

Для американской традиции характерно рассматривать самопрезентацию в качестве демонстративного поведения, являющегося одной из форм социального поведения. Основная цель — создание определенного впечатления у партнера по общению для получения им какого-то конкретного результата. Кроме термина «самопрезентация» (self-presentation) используется термин «управление впечатлением» (impression management) [12].

Для отечественных исследователей проблема самопрезентации стала предметом более активного изучения в последние десятилетия, начиная с конца 1990-х гг. Работы А. А. Бодалева были направлены на изучение особенностей восприятия и понимания человека человеком, составления первого впечатления, визуальной самоподачи образа Я. Так, по его мнению, когда человек проявляет какой-либо интерес к другим участникам общения, стремится познать партнеров по общению, он в то же время для своих партнеров по общению сам оказывается и объектом познания, вызывая у познающих его людей определенное отношение. Человек, предстает перед людьми, которые его воспринимают, как индивид, как личность, как индивидуальность в том случае, когда он является не только субъектом, но и объектом познания. Самопрезентация рассматривается как воздействие на отношение окружающих людей [2].

Виды самопрезентации выделяют на основании ряда критериев. По форме выделяют вербальную и невербальную, в частности визуальную самопрезентацию, в зависимости

от цели — манипулятивная и неманипулятивная типы самопрезентации, по глубине, широте и гибкости, соответственно полная и неполная самопрезентация. Выделяют перфекционистскую самопрезентацию — подачу идеального образа Я.

По мнению О. А. Пикулевой, классификацию самопрезентации можно осуществлять на основе трех критериев — целенаправленности управления впечатлениями, соотношения ведущего мотива и активности поведения, времени осуществления соответственно:

1) активность—пассивность действий субъекта самопрезентации — проактивная (значимые ситуации) и реактивная (привычные ситуации) самопрезентация личности;

2) ассертивная, агрессивная, защитная и оправдывающаяся самопрезентации;

3) тактическая (*tactical self-presentation*) и стратегическая самопрезентация (*strategic self-presentation*).

Не менее важный аспект самопредъявления — это соотношение представления человека о самом себе презентуемых образов в разных ситуациях общения, то есть соотношение между Я-внутренним и Я-внешним. Внутреннее Я — это та часть внутреннего мира личности, где протекают процессы, направленные на познание и понимание личностью самой себя. Человек, наблюдая за своим поведением, собирая определенную информацию о себе, систематизируя ее в соответствии с собственными критериями, выстраивает определенную систему представлений, которая называется Я-концепцией. Внешнее Я — это совокупность поведенческих актов и их результатов, которые доступны для наблюдения другими людьми, на основании которых создается представление о данной личности. Процесс самопознания строится на постоянном взаимодействии человека с внешним миром [17].

В процессе самопредъявления человек следит за собственным поведением, получая обратную связь, он делает заключения о том, как были восприняты его действия, определяет, насколько успешным было его самопредъявление и оценивает адекватность своей Я-концепции. Таким образом, каждый акт самопредъявления дает возможность человеку корректировать свое представление о своей личности, вносить изменения и усовершенствовать стратегии самопредъявления [17].

Анализ подходов исследования самопрезентации показывает, что этот феномен является важным элементом в сфере межличностного взаимодействия и связан со многими потреб-

ностями и жизненными целями людей. С механизмами адаптации человека к социальной среде связаны широкий круг поведенческих актов, создание определенного образа для передачи информации о себе другим — всё это включает самопредъявление личности. Таким образом, выражая себя, человек осуществляет адаптацию к социальной среде, в которой он находится, а не просто включается в общение с другими людьми. Для того, чтобы действия человека во время самопредъявления были поняты, следует соотнести их с более обобщенными характеристиками личности, в качестве которых выделяют стратегии и тактики взаимодействия с окружающими [17].

Стратегии, тактики самопрезентации

Самопрезентация — неотъемлемый атрибут любого социального взаимодействия, который во многом определяет успешность самореализации личности. Многообразны и полифункциональны стратегии и тактики самопрезентации. «Стратегическая самопрезентация» реализуется продолжительный период времени и является формой вложения в будущее. Стратегия самопрезентации — это осознаваемое в различной мере и планируемое поведение субъекта самопрезентации (совокупность поведенческих актов личности), которое направлено на создание желаемого впечатления, определенного образа в глазах окружающих. Стратегия включает и реализует различные тактики. Тактика самопрезентации — это краткосрочный поведенческий акт, включающий совокупность приемов вербального и невербального поведения, направлен на создание желаемого впечатления [15].

Человек использует различные формы самопрезентации для управления впечатлением о себе и достигает определенных эффектов, связанных с их применением. М. Лири с соавторами выделяют такую тактику визуальной самоподачи, как красование, цель которой выглядеть внешне привлекательным. Реализация данной тактики весьма сложная, поскольку у разных людей критерии привлекательности различны. В таком случае субъект самопрезентации должен быть хорошо ознакомлен со вкусами аудитории, на которую рассчитано оформление его внешности, он должен обладать психосемантической компетентностью.

Российский специалист Г. В. Бороздина предложила способы самопрезентации, называемые «техники самоподачи»:

1. Самоподача превосходства — акцент делается на внешних признаках превосходства — одежда, манера речи, поведение.

2. Самоподача привлекательности — создается гармоничный облик за счет соответствия выбранной одежды с внешними данными.

3. Самоподача отношения — демонстрируется свое отношение к партнеру вербальными и невербальными средствами.

4. Самоподача состояния и причин поведения — привлекается внимание к той причине своих действий, которая кажется партнеру наиболее приемлемой [3].

Человек применяет различные стратегии, тактики и техники самопредъявления в зависимости от ситуации, в которой он оказался. Исходя из своего пола, возраста, принадлежности к определенной культуре, социальному слою, профессии и своих личностных особенностей каждый человек выстраивает свой образ [17].

Существенную роль в самопрезентации человека играют средства самопредъявления, самоподачи, а именно внешность, костюм и речь, которые являются неотъемлемой частью создания благоприятного имиджа. Внешность служит средством категоризации людей и их идентификации с разными социальными группами, отражая главные характеристики человека (пол, возраст, социальный статус, личностные черты и др.), которые учитываются окружающими людьми в общении с ним. В этой связи люди большое значение придают как собственной внешности, так и внешности окружающих. Внешность выполняет ряд функций для адаптации человека к социальной среде: телесного воплощения; выражения внутреннего мира личности; является основой форми-

рования Я-концепции и средством обретения социальной и личностной идентичности; средством коммуникации.

Во внешнем облике человека выделяются две группы признаков: собственные, неотъемлемо принадлежащие человеку (возраст, пол, национальность, походка, мимика, речь и др.) и сопутствующие, дополнительно характеризующие человека (одежда, обувь и др.) [17]. Костюм выполняет две основные функции: утилитарно-практическую и общественно-символическую. Утилитарно-практическая функция одежды первична, служит защитой человека от неблагоприятных воздействий окружающей среды. Общественно-символическая функция одежды является средством социальной идентификации человека. По мнению М. И. Килошенко, «костюм помогает создать конвенциональный образ человека, является средством самопрезентации личности; это не только внешние признаки и характеристики представляемой индивидуальности, но и средство воздействия на других людей» [7, с. 121].

Костюм, как сложная символическая система, отражает процессы социальной и личностной идентификации, групповой и личностной социальной перцепции. По мнению М. И. Килошенко, к основным характеристикам, отражающим костюм, можно отнести классовую дифференциацию, богатство, респектабельность, половую принадлежность, культурную принадлежность и пр. (табл. 1).

Люди различаются в общении по используемым ими средствам самопрезентации. Важными характеристиками для индивидуальной стратегии самопредъявления личности в общении могут

Таблица 1
Table 1

Функции костюма как сложной символической системы (по М. И. Килошенко)
Functions of the costume as a complex symbolic system (according to M. I. Kiloshenko)

Функция	Характеристика функции
Идентификационная	Благодаря костюму человек стремится вписаться в определенную социокультурную среду
Саморегуляции	Человек влияет на свое настроение, самоощущение, создает определенную установку на предстоящее межличностное взаимодействие с помощью одежды
Регуляция межличностных отношений	Человек с помощью одежды сигнализирует о своей закрытости или открытости, о стремлении проявить активность или быть пассивным
Самовыражения	Отражение индивидуальности, уникальности человека
Преобразовательная (создание образа)	Воздействие на окружающих людей

быть степень осознанности и целенаправленности передаваемой информации; естественность или искусственность создаваемого образа; активность, широта самовыражения; вариативность презентуемых образов, способность менять имидж, манеру поведения; нормативность и креативность самовыражения личности.

Одним из важных аспектов при построении образа самопредъявления является вопрос о его внутриличностной и межличностной интегрированности. Субъект общения вырабатывает определенный баланс между дифференцированностью и интегрированностью предъявляемых образов в свой имидж.

Перфекционистская самопрезентация: визуальная самоподача идеальной версии себя

Одной из форм самопрезентации является перфекционистская самопрезентация — самоподача идеальной версии себя. Перфекционизм в научном понимании отражает стремление личности к совершенству; человек предъявляет к себе, к окружающим и к жизни очень высокие требования. Перфекционизм включает личностный стиль как стремление личности к достижениям и социально ориентированный стиль — социокультурный аспект перфекционизма. К крайним проявлениям перфекционистской самоподдачи относится неоднократное обращение к пластической хирургии для совершенствования себя в силу сверхзначимости собственной внешности. Разнообразные практики трансформации внешности человека могут рассматриваться как попытка организации взгляда другого человека [13].

Изначально высокие поведенческие стандарты задаются человеку родителями. Чтобы избежать неодобрения других и принять самого себя через высочайшие достижения, человек стремится быть совершенным, такому поведению способствуют чрезмерная критичность и требовательность родителей, редкое проявление одобрения.

Понятие «перфекционизм» является сложным личностным конструктом без четко определенной структуры, несмотря на многочисленные попытки ученых установить рамки и границы данного понятия. Современное общество поощряет и культивирует соответствие высоким стандартам.

Перфекционистская самоподача как явление современной жизни связана как с адаптивными, так и неадаптивными тенденциями в жизни человека, когда он от усердной работы и высоких результатов получает положительный настрой, стремится к совершенству и как итог достигает заслужен-

ного успеха. В современном мире ценятся такие качества, как профессионализм, интеллект, прагматизм, благосостояние. Социум делает ставку на успешных, целеустремленных людей, которые знают, что им нужно от этой жизни, и умеют достигать поставленных высот.

Модель перфекционистской самопрезентации, предложенная П. Хьюиттом, включает в себя следующие компоненты: демонстрацию совершенства (стремление к безупречности в глазах окружающих людей, «совершенство напоказ»), поведенческое не проявление несовершенства (поведение, скрывающее несовершенство), вербальное не проявление несовершенства (человек стремится не рассказывать о своих недостатках и избегать ситуаций, в которых его поведение может обсуждаться и осуждаться). Для перфекционистской самоподдачи, по-видимому, необходима компетентность в отношении визуально воспринимаемой семиотической системы внешнего облика: кинесики, габитуса, костюма.

В предпринятом нами эмпирическом исследовании у дизайнеров, находящихся на разных этапах профессиональной жизни, сравнивались показатели перфекционистской самопрезентации. Исследованием охвачено 67 студентов Института искусств и дизайна Удмуртского государственного университета и 60 специалистов сферы дизайна (дизайнеры интерьера, одежды, ландшафтные дизайнеры, графические дизайнеры). Для изучения применялась разработанная П. Хьюиттом шкала перфекционистской самопрезентации (ШПС), адаптированная А. А. Золотаревой [6]. Для обработки эмпирических данных применялись методы содержательной интерпретации психологических характеристик изучаемого феномена, а также статистические методы — методы описательной статистики, непараметрический критерий Манна — Уитни.

У студентов и дизайнеров результаты сравнительного анализа показателей перфекционистской самопрезентации по методике ШПС — демонстрации совершенства, поведенческое не проявление несовершенства, вербальное не проявление несовершенства с помощью критерия Манна — Уитни свидетельствуют о достоверности различий только по показателю демонстрация совершенства ($U = 1261,5$, $p = 0,001$). Установлено, что демонстрация совершенства выше у дизайнеров ($M = 45,37$), чем у студентов — будущих дизайнеров ($M = 38,88$). По показателям поведенческое и вербальное не проявление несовершенства статистически значимых различий у дизайнеров,

находящихся на разных стадиях профессионального становления, не установлено.

Полученные в нашем исследовании данные могут быть проинтерпретированы с учетом опыта профессиональной деятельности дизайнеров. У дизайнеров, по сравнению со студентами — будущими дизайнерами, более выражено стремление к идеальным оценкам, к идеальному внешнему облику, к представлению себя в выигрышном свете. Стремясь завоевать уважение и вызвать восхищение окружающих, дизайнеры предъявляют идеальную версию себя. Визуальные средства общения, используемые дизайнерами, репрезентируясь в сознании в функции объективации внутреннего мира субъекта, становятся средством формирования впечатления в процессе общения. Дизайнеры с выраженной перфекционистской самопрезентацией демонстрируют себя как компетентных, успешных. В ходе самопрезентации для них значимы такие визуальные проявления внешнего облика, которые соответствуют высоким стандартам профессионализма, создают благоприятное впечатление у партнеров по общению.

Дизайнерам для достижения жизненных ценностей, общественного признания, удовлетворяющей их жизни необходима демонстрация совершенства. Важным для профессионала в сфере дизайна становится умение формировать адекватный личный и профессиональный имидж.

Заключение

Социокультурные процессы в современном обществе приводят к изменениям на интерперсональном и индивидуальном уровнях. Самопрезентация является фундаментальной характеристикой социального поведения, которая может принимать осознаваемый и неосознаваемый характер и представляет сложную целостную систему вза-

имосвязанных компонентов. Самопрезентация — это интегральный социально-психологический феномен, который проявляется в поведении человека в ситуациях социального взаимодействия и обусловлен личностными факторами (отражающими склонность субъекта управлять впечатлением о себе у участника по взаимодействию); мотивационными факторами; ситуационными факторами (особенностями ситуаций взаимодействия).

Самопрезентация представляет собой социально-психологический феномен общения, в процессе социализации личности она осуществляется различными инструментами (средствами). Инструментами самопрезентации выступают средства вербального и невербального поведения, оформления внешнего облика, принадлежащие субъекту социальные символы. Значение и роль самопрезентации в успешной социальной и профессиональной жизни невозможно переоценить.

Перфекционистская самопрезентация, направленная на управление впечатлениями других людей, фокусирует внимание человека на ситуациях социального взаимодействия, общения, побуждает менять свое поведение, создавать и поддерживать привлекательный образ, влиять на реакции окружающих людей. В результате эмпирического исследования, в котором приняли участие студенты — будущие дизайнеры и дизайнеры, выявлены различия по одному из показателей перфекционистской самопрезентации — «демонстрация совершенства». У дизайнеров, по сравнению со студентами — будущими дизайнерами, более выражено стремление к идеальным оценкам, к идеальному внешнему облику, к представлению себя в выигрышном свете. Важным для профессионала в сфере дизайна становится умение формировать адекватный личный и профессиональный имидж.

Список источников

1. Андреева Г. М. Социальная психология. М. : Аспект Пресс, 2017. 363 с.
2. Бодалев А. А. Психология общения: избранные психологические труды. Воронеж : МОДЭК, 2002. 256 с.
3. Бороздина Г. В. Психология делового общения. М. : Инфра-М, 1999. 224 с.
4. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М. : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 304 с.
5. Джемс У. Психология. СПб. : Питер, 2017. 318 с.
6. Золотарева А. А. Перфекционистская самопрезентация и особенности ее диагностики // Клиническая и специальная психология. 2018. Т. 7, № 1. С. 104–117. DOI: 10.17759/psyclin.2018070108.
7. Килошенко М. И. Психология моды: теоретический и прикладной аспекты. СПб. : СПГУТ, 2001. 192 с.
8. Кули Дж. Социальная самость // Американская социологическая мысль. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 314–328.

9. Лабунская В. А. Бытие субъекта: самопрезентация и отношение к внешнему Я // Субъект, личность и психология человеческого бытия. М. : Институт психологии РАН, 2005. С. 235–258.
10. Лабунская В. А. Внешний облик в структуре представлений о враге и друге на различных этапах жизненного пути // Психология человека в современном мире / под ред. А. Л. Журавлева, В. А. Барабанщикова, М. И. Воловиковой. Т. 1. Комплексный и системный подходы в исследованиях человека. Личность как субъект жизненного пути (Материалы Всерос. науч. конф). М. : Институт психологии РАН, 2009. С. 220–228.
11. Мид Дж. Г. От жеста к символу // Американская социологическая мысль. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 214–224.
12. Михайлова Е. В. Обучения самопрезентации. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 167 с.
13. Осьминина А. А. О современных исследованиях проблемы психологии внешнего облика человека // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социоконетика. 2019. Т. 25, № 1. С. 58–63.
14. Петрова Е. А. Визуальная психосемиотика общения. М. : Гном-пресс, 1999. 176 с.
15. Пикулева О. А. Психологическая многозначность понятия «самопрезентация личности» и современные научные подходы к пониманию его содержания // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 21–37.
16. Чердакова Е. С., Пупкова Ю. В. Особенности вербальной и визуальной самопрезентации личности в виртуальных сообществах (на примере сообщества «Знакомства в Краснодаре» социальной сети ВКонтакте) // Научные труды КубТГУ. 2018. № 7. С. 168–177.
17. Шкуратова И. П. Самопредъявление личности в общении. Ростов н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2009. 192 с.
18. Leary M. R., Kowalski R. M. Impression management: A literature review // Psychological Bulletin. 1990. Vol. 107. P. 35–48.

References

1. Andreeva GM. Sotsial'naya psikhologiya [Social psychology]. Moscow, Aspect Press; 2017. 363 p. (In Russ.).
2. Bodalev AA. Psikhologiya obshcheniya: izbrannyye psikhologicheskiye trudy [Psychology of communication: selected psychological works]. Voronezh; 2002. 256 p. (In Russ.).
3. Borzdina GV. Psikhologiya delovogo obshcheniya [Psychology of business communication]. Moscow; 1999. 224 p. (In Russ.).
4. Goffman I. Predstavleniye sebya drugim v povsednevnoy zhizni [Presenting oneself to others in everyday life]. Moscow; 2000. 304 p. (In Russ.).
5. James W. Psikhologiya [Psychology]. St. Petersburg; 2017. 318 p. (In Russ.).
6. Zolotareva AA. Perfectionistic self-presentation and features of its diagnosis. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya* [Clinical and special psychology]. 2018;7(1):104-117. DOI: 10.17759/psychclin.2018070108. (In Russ.).
7. Kiloshenko MI. Psikhologiya mody: teoreticheskiy i prikladnoy aspekty [Psychology of fashion: theoretical and applied aspects]. St. Petersburg; 2001. 192 p. (In Russ.).
8. Cooley J. Social self. In: *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American sociological thought: Texts]. Moscow; 1994. Pp. 314–328. (In Russ.).
9. Labunskaya VA. Existence of the subject: self-presentation and attitude to the external self. Sub'yekt, lichnost' i psikhologiya chelovecheskogo bytiya [Subject, personality and psychology of human existence]. Moscow; 2005. Pp. 235–258. (In Russ.).
10. Labunskaya VA. External appearance in the structure of ideas about the enemy and friend at various stages of life. Sub'yekt, lichnost' i psikhologiya chelovecheskogo bytiya [Human psychology in the modern world]. Ed. AL Zhuravleva, VA Barabanshchikova, MI Voloviko-howl. Integrated and systematic approaches to human research. Personality as a subject of life's path (Materials of the All-Russian scientific conference) Moscow: Publishing house "Institute of Psychology RAS"; 2009. Pp. 220–228. (In Russ.).
11. Mead JG. From gesture to symbol. In: *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American sociological thought: Texts]. Moscow; 1994. Pp. 214–224. (In Russ.).
12. Mikhailova EV. *Obucheniya samoprezentatsii* [Self-presentation training]. Moscow, Publishing house. House of State University Higher School of Economics, 2006. 167 p. (In Russ.).

13. Osminina AA. On modern research into the problem of psychology of human appearance. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo uni-versiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika* [Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics]. 2019;25(1):58-63. (In Russ.).

14. Petrova EA. *Vizual'naya psikhosemiotika obshcheniya* [Visual psychosemiotics of communication]. Moscow; 1999. 176 p. (In Russ.).

15. Pikuleva OA. Psychological ambiguity of the concept of “personal self-presentation” and modern scientific approaches to understanding its content. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society]. 2013;(2):21-37. (In Russ.).

16. Cherdakova ES, Pupkova YuV. Features of verbal and visual self-presentation of a person in virtual communities (using the example of the “Dating in Krasnodar” community of the VKontakte social network). *Nauchnyye trudy KubTGU* [Scientific works of KubTSU]. 2018;(7):168-177. (In Russ.).

17. Shkuratova IP. *Samopred'yavleniye lichnosti v obshchenii* [Self-presentation of personality in communication]. Rostov on Don, Southern Federal University publishing house; 2009. 192 p. (In Russ.).

18. Leary MR, Kowalski RM. Impression management: A literature re-view. *Psychological Bulletin* [Psychological Bulletin]. 1990;107:35-48.

Информация об авторе

С. А. Васюра — доцент кафедры общей психологии Института педагогики, психологии и социальных технологий.

Information about the author

S. A. Vasyura — Associate Professor of the Department of General Psychology at the Institute of Pedagogy, Psychology and Social Technologies.

Статья поступила в редакцию 09.10.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 09.10.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 159.9

doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-56-66

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВРЕМЕННОГО ФОКУСА, СУБЪЕКТИВНОГО ВОЗРАСТА И СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У ЛЮДЕЙ НА ПЕНСИИ

Ольга Сергеевна Волосатова¹✉, Екатерина Вячеславовна Забелина²

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, olsphoto@gmail.com, ORCID 0009-0009-9193-3386

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, katya_k@mail.ru, ORCID 0000-0002-2365-6016

Аннотация. Цель: теоретическое обоснование и эмпирическое подтверждение взаимосвязи компонентов психологического времени личности в пенсионном периоде жизни с субъективным благополучием. **Процедура и методы:** теоретический анализ литературы по теме исследования, психодиагностический метод, методы математической статистики. Для сбора данных использовались: «Шкала временного фокуса» А. Шипп, «Age-of-me» Б. Барака и «Шкала удовлетворенности жизнью» Э. Динера. Исследование проводилось в 2022 г., в ходе работы были опрошены 223 пенсионера, проживающие в Челябинске и Челябинской области. **Результаты:** в процессе исследования был обнаружен взаимосвязи между компонентами психологического времени жизни (временного фокуса и субъективного возраста) и субъективным благополучием пенсионеров. Найденная связь между физическим, когнитивно-эмоциональным компонентами субъективного возраста с субъективным благополучием подтверждает, что более удовлетворены своей жизнью на пенсии люди, считающие, что они выглядят и чувствуют себя моложе своего хронологического возраста. Обнаружена взаимосвязь субъективного благополучия с фокусом на настоящем, что является свидетельством того, что более благополучным ощущает себя человек, который глубоко вовлечен в процессы, происходящие в настоящем, не склонен «застревать» в воспоминаниях и не поглощен тревогами о будущем. Установлено наличие связи между интеллектуальным компонентом субъективного возраста («оценка возраста» собственных интересов и увлечений путем соотнесения их с интересами людей определенного возраста) и фокусом на настоящем и будущем времени. **Теоретическая и практическая значимость.** Исследование вносит вклад в понимание связи восприятия времени жизни людей на пенсии с ощущением удовлетворенности жизнью. Результаты создают основу для дальнейших исследований роли психологического времени жизни в успешной вторичной социализации после выхода на пенсию.

Ключевые слова: вторичная социализация, психологическое время личности, временной фокус, субъективный возраст, субъективное благополучие пенсионеров

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00421, <https://rscf.ru/project/22-28-00421>

Для цитирования: Волосатова О. С., Забелина Е. В. Взаимосвязь временного фокуса, субъективного возраста и субъективного благополучия у людей на пенсии // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 4 (24). С. 56–66. doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-56-66.

Original article

INTERRELATION OF TEMPORAL FOCUS, SUBJECTIVE AGE AND SUBJECTIVE WELL-BEING OF PEOPLE IN RETIREMENT

Olga S. Volosatova¹✉, Ekaterina V. Zabelina²

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, olsphoto@gmail.com, ORCID 0009-0009-9193-3386

² Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, katya_k@mail.ru, ORCID 0000-0002-2365-6016

Abstract. Aim: Theoretical substantiation and empirical confirmation of the interrelation between the components of a person's psychological time at the retirement period of life and subjective well-being. **Methodology:** Theoretical analysis of the literature on the research topic, psychodiagnostic method, methods of mathematical statistics. For

data collection, the following methods were used: “Temporal Focus Scale” by A. Shipp, “Age-of-me” by B. Barak and “Life Satisfaction Scale” by E. Diener. The study was conducted in 2022, during the work 223 pensioners were interviewed, living in Chelyabinsk and the Chelyabinsk region. **Results:** In the course of the study, a number of interrelations between components of the psychological life time (temporal focus and subjective age) and the subjective well-being of pensioners were found. Association between physical and cognitive-emotional components of subjective age with subjective well-being confirms that people who think that they look and feel younger than their chronological age are more satisfied with their life in retirement. A correlation between subjective well-being and a focus on the present was found, that is evidence that a person who is deeply involved in the processes taking place in the present, who is not inclined to “get stuck” in memories and is not absorbed by worries about the future feels more prosperous. It has been established the existence of the correlation between the intellectual component of subjective age (“assessment of the age” of one’s own interests and hobbies in comparing with the interests of people of a certain age) and the focus on the present and future time. **Research implications:** The study contributes to the understanding of the relationship between the subjective perception of life in retirement and the feeling of life satisfaction. The results provide a basis for further research into the role of psychological life span in successful post-retirement secondary socialization.

Keywords: secondary socialization, elderly people, perception of life time, retirees, temporal focus, psychological time of the person, time focus, subjective age, subjective well-being

Funding. The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-00421, <https://rscf.ru/project/22-28-00421>.

For citation: Volosatova OS, Zabelina EV. Interrelation of Temporal Focus, Subjective Age and Subjective Well-Being of People in Retirement. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare*. 2023;4(24):56-66. doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-56-66. (In Russ.).

Введение

Во многих странах мира глобальные изменения существенным образом меняют демографическую структуру населения. Динамика постепенного старения общества с каждым годом ускоряется. Так, по данным ООН, доля людей старше 65 лет в структуре населения мира в 1990 г. составляла 6 %, в 2019 г. выросла до 9 %, а к 2050 г. прогнозируется увеличение до 16 %. По данным Росстата (по состоянию на 1 января 2022 г.), в России жители пенсионного возраста составляют почти четверть населения¹.

Постоянно растущая доля людей старшего поколения в социальной структуре российского общества в совокупности с отрицательным приростом населения требует всё большего внимания научного сообщества к проблемам изучения этой социальной группы. Перспективным подходом становится исследование особенностей личности в позднем возрасте с точки зрения вторичной (поздней) социализации.

Несмотря на то, что когнитивные особенности старения активно изучаются в последнее время, большинство исследований сосредоточены в основном на клиническом аспекте. Очевидно, диапазон исследования процесса старения нуждается в расширении. Перспективным направлением

является изучение восприятия времени жизни и себя в этом времени как фактора успешной социализации пожилого человека [1]. В исследовании предпринимается попытка частично восполнить «белые пятна» в описанном проблемном поле, дополнить и расширить массив данных о некоторых частных аспектах феномена психологического времени людей, вышедших на пенсию.

Фундаментальной предпосылкой, лежащей в основе исследований, посвященных психологическому времени личности, является представление о том, что люди неодинаково воспринимают прошлое, настоящее и будущее. Феномен психологического времени личности и его компонентов (временная перспектива, временной фокус, временные аттитюды) довольно широко исследуется в отечественной и зарубежной науке. Субъективное восприятие и переживание времени является предметом исследования как отечественных (К. А. Абульханова, Т. Н. Березина, 2001; Т. А. Нестик, 2015; О. В. Лукьянов, 2007; Н. В. Брагина, 2015; Е. Ю. Балашова, Л. И. Микеладзе, 2015 и др.), так и зарубежных ученых (M. Stolarski, N. Fieulaine, P. Zimbardo, 2018; A. J. Shipp, B. Aeon, 2018; Y. Chishima, M. T. McKay, T. Murakami, 2017 и др.).

Несмотря на востребованность исследований в этой области, существует ряд сложностей в их реализации. Частично это связано с разнообразием теоретических конструктов, охватывающих проблему психологического времени, например,

¹Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 г. // Статистический бюллетень: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2021.pdf

жизненный путь (К. А. Абульханова-Славская, Е. И. Головаха, А. А. Кроник), временная перспектива (К. Левин, Р. Zimbardo, J. Nuttin), временная глубина (А. Bluedorn), индивидуальная временная транспектива (В. И. Ковалев), временной фокус (А. Шипп) и другие.

В работах зарубежных ученых всё большее внимание уделяется исследованию временного фокуса (*temporal focus*), впервые сформулированного А. Шипп. Опираясь на работы К. Левина, Г. Мюррея и других ученых, она вводит определение временного фокуса — это степень, в которой индивид обычно обращает свое внимание в прошлое, настоящее или будущее. При этом временной фокус — это лишь один элемент из многих характеристик сознания индивида. Автор утверждает, что устойчивая склонность думать о прошлом, настоящем или будущем зависит от качества социализации в раннем возрасте, а также сильно подвержена влиянию национальной культуры [9]. Одним из центральных постулатов концепции А. Шипп является то, что временной фокус, хотя и является устойчивой конструкцией, всё же подвержен колебаниям в течение жизни человека. Так, взрослея, люди начинают большую часть своего внимания обращать в прошлое и будущее, пренебрегая настоящим; однако по мере старения понимают, что время жизни ограничено, и меньше думают о будущем.

Изучению временного фокуса немалое внимание уделяет также Ф. Зимбардо с соавторами [12]. В их работе конструкт временного фокуса рассматривается как элемент, неразрывно связанный с временной перспективой. Работы японских ученых Ю. Чишима и Т. Мураками, посвященные изучению временного фокуса у японских молодых людей, подтвердили более благоприятное влияние ориентированности в будущее на эффективность карьеры, в сравнении с фокусом на прошлое или настоящее [8].

Одним из наиболее изучаемых компонентов психологического времени личности в настоящее время является такой феномен, как субъективный возраст — самовосприятие собственного возраста [5, с. 1]. Впервые изучать феномен когнитивной иллюзии возраста — разницы между хронологическим (сколько лет прожито) и субъективным (как субъективно ощущает себя человек) возрастом человека начал И. К. Зола в 1960-х гг. В настоящее время обнаружено, что в 18 странах с значительно различающимися культурными традициями и уровнем жизни проведены кросс-культурные исследования, которые показали удивительную

универсальность более молодого субъективного возраста в сравнении с хронологическим [4].

В теоретическом обзоре, посвященном психологическому времени личности пожилых людей, Е. В. Забелина и А. А. Данилова [1] обращают внимание на некоторую противоречивость результатов зарубежных исследований, объектом которых является феномен субъективного возраста. Так, большая часть ученых приходят к выводу, что более молодой субъективный возраст положительно влияет на удовлетворенность жизнью пожилого человека, однако ряд авторов утверждают, что желание быть моложе связано с плохим состоянием физического здоровья и неудовлетворенностью жизнью.

Поиску и изучению взаимосвязи субъективного возраста, психологического благополучия и самооценки здоровья на этапе позднего онтогенеза посвящено исследование Н. П. Павловой, проведенное на российской выборке, сформированной из людей пенсионного возраста. Согласно полученным данным, чем более молодым чувствует себя пенсионер, тем выше показатели психологического благополучия и качества жизни, связанного с физическим здоровьем. Более ориентированными в будущее оказались те участники выборки, чей биологический и социальный субъективный возраст был моложе хронологического, также автор исследования подчеркивает, что для этой подгруппы характерен активный образ жизни [4].

Stephan Yannik с коллегами исследовали связь между субъективным возрастом и эпигенетическими часами у пенсионеров [11]. Полученные данные свидетельствуют о том, что люди, которые чувствую себя старше своего хронологического возраста, биологически также старше. Исследование М. Wettstein посвящено тому, как субъективный возраст связан с влиянием воспринимаемого стресса. Было выявлено, что среди пожилых людей с более молодым субъективным возрастом наблюдалась тенденция к замедлению снижения функционального здоровья, в том числе и за счет того, что более молодой субъективный возраст способствует компенсации и противодействию негативному влиянию стресса на функциональное здоровье [13].

В исследовании 2021 г., посвященном поиску связей между субъективным возрастом, хронологическим возрастом и удовлетворенностью жизнью, было обнаружено, что сохранение более молодого субъективного возраста связано с большей удовлетворенностью жизнью. Однако ученые

пришли также к неожиданному выводу: существует предел отклонения субъективного возраста от фактического, за которым ощущение человеком себя моложе своего возраста оказывается психологически вредным [7]. Иными словами, ощущение себя более молодым может стать внутренним ресурсом, помогающим более оптимистично воспринимать самого себя, свою жизнь, будущие перспективы, более адаптивно справляться с проблемами и потерями, в то же время наличие положительной когнитивной иллюзии возраста может привести к слепому отрицанию некоторых ограничений, которые накладывает возраст на жизнь человека, сопротивлению собственной конечности, риску возникновения аффективных расстройств [3].

Несмотря на то, что в современной науке наблюдается стойкий интерес к исследованию взаимосвязи отдельных аспектов психологического благополучия пожилых людей с различными компонентами психологического времени, однако неизученных аспектов в этом поле по-прежнему остается довольно много. Поэтому целью данного исследования стало изучение взаимосвязи между временным фокусом, субъективным возрастом и субъективным благополучием у людей на пенсии.

Материалы и методы исследования

Для достижения цели исследования была сформирована группа испытуемых, проживающих в Челябинске и Челябинской области. Выборка была сформирована случайным образом, отбор производился среди лиц, имеющих официальный статус пенсионера, в том числе лица, вышедшие на пенсию досрочно за выслугу лет. В исследовании приняли участие 223 человека в возрасте от 50 до 85 лет, в том числе 63 мужчины (28 %) и 160 женщин (72 %). Средний возраст испытуемых, вошедших в выборку, составил 65,7 года.

Для измерения параметров временного фокуса использовался русскоязычный материал методики определения концентрации человека на различных аспектах жизни, в зависимости от их расположенности в прошлом, настоящем и будущем — «Шкала временного фокуса» (Temporal Focus Scale), разработанная в 2009 г. американскими учеными А. J. Shipp, J. R. Edwards, L. S. Lambert.

Диагностика субъективного возраста осуществлялась с применением методики «Age-of-me» Б. Барака. Методика разработана на основе модели субъективного возраста Р. Кастенбаума и др. (Kastenbaum et al., 1972). Р. Кастенбаум с коллегам

ми предложили модель субъективного возраста «Age-of-me» как многомерный, состоящий из различных «внутренних возрастов», то есть они предлагали оценивать субъективный возраст по четырем параметрам: эмоциональный субъективный возраст (feel-age) — как себя чувствует субъект; биологический субъективный возраст (look-age) — как выглядит субъект; социальный субъективный возраст (do-age) — как оценивает свои действия; интеллектуальный субъективный возраст (interest-age) — как оценивает свои интересы.

Диагностика уровня субъективного благополучия участников выборки осуществлялась с помощью методики «Шкала удовлетворенности жизнью» Э. Динера (сокр. ШУДЖ, англ. Satisfaction With Life Scale, сокр. SWLS) — краткий скрининговый самоопросник, предназначенный для массовых опросов респондентов о степени субъективной удовлетворенности их жизнью. Предложена Е. Diener, R. A. Emmons, R. J. Larsen и S. Griffin в 1985 г., адаптирована и валидизирована Д. А. Леонтьевым и Е. Н. Осиним в 2003 г. на русском языке.

Результаты исследования и их обсуждение

Описательные статистики показателей временного фокуса, субъективного возраста и субъективного благополучия, полученные в ходе тестирования мужчин и женщин, включенных в выборку, представлены в табл. 1.

Анализ средних значений переменных, представленных в табл. 1, позволяет утверждать, что изучаемый феномен «субъективное благополучие» находится на уровне средних показателей в обеих подгруппах, при этом уровень удовлетворенности жизнью мужчин-пенсионеров значительно выше (на 3,5 %), чем у женщин, однако, учитывая численный перевес в выборке испытуемых женского пола, разница в исчисленных параметрах может объясняться погрешностью измерения. Не выявлено существенных различий в средних значениях фокуса на прошлое и настоящее у женщин и мужчин. Значение средних показателей фокуса на будущее немного выше у мужчин (11,9 %). Таким образом, можно предположить, что мужчины пенсионного возраста несколько больше, чем женщины ориентированы на будущее. При анализе средних показателей субъективного возраста респондентов и сравнении его с хронологическим выявлено, что и мужчины, и женщины субъективно оценивают себя существенно моложе фактического возраста (мужчины в среднем чувствуют себя моложе на 9,6 года,

Таблица 1
Table 1

**Средние значения показателей субъективного благополучия, временного фокуса
и субъективного возраста у мужчин и женщин**
Average values of indicators of subjective well-being, time focus and subjective age in men and women

Переменные	Мужчины (n = 63)	Женщины (n = 160)
Субъективное благополучие	4,22	4,07
Фокус на прошлом	5,06	5,17
Фокус на настоящем	5,08	5,17
Фокус на будущем	4,72	4,16
Фактический возраст	67,19	65,07
Субъективный возраст	57,62	57,42
Отклонение фактического возраста от субъективного	9,57	7,65

женщины — на 7,7 года). При этом у 12,07 % мужчин и 10,46 % женщин субъективный возраст превышает хронологический (у мужчин в среднем на 3,75 года, у женщин на 7,2 года). Вероятно, отчасти этот факт связан с состоянием физического здоровья респондентов — люди с более слабым здоровьем чувствуют себя старше своего хронологического возраста. Этот феномен требует более детального изучения в дальнейших исследованиях.

Далее был применен метод корреляционного анализа с использованием коэффициента корреляции r -Спирмена (r_s).

Вначале был осуществлен поиск взаимосвязи между такими компонентами психологического времени человека пенсионного возраста, как *временной фокус* и *субъективный возраст*. Результаты вычислений представлены в табл. 2.

Значения параметров «Когнитивно-эмоциональный дельта», «Физический дельта», «Социальный дельта», «Интеллектуальный дельта» представляют собой математическую разницу между хронологическим возрастом респондентов и соответствующим абсолютным показателем субъективного возраста. Введение в исследование данной категории параметров обусловлено тем, что абсолютные значения субъективно оцениваемого респондентами возраста дают лишь ограниченное представление о феномене субъективного возраста, в то время как оценка разницы между возрастом субъективно оцененным и фактическим способна существенно расширить представление об этом феномене.

Обнаружена статистически значимая отрицательная взаимосвязь ($r = -0,172$; $p = 0,019$) меж-

ду интеллектуальным компонентом субъективного возраста и фокусом на настоящее. Речь идет об «оценке возраста» собственных интересов и увлечений путем соотнесения их с интересами людей определенного возраста. Соответственно, чем более «возрастными» (свойственными людям более старшего возраста) респонденты считают свои интересы, тем меньше фокус их внимания размещен в настоящем.

Наряду с этим обнаружена статистически значимая положительная взаимосвязь между параметром субъективного возраста «Интеллектуальный дельта» и фокусом на настоящее время ($r = 0,183$; $p = 0,011$), а также чуть менее значимая взаимосвязь с фокусом на будущем ($r = 0,161$; $p = 0,026$). Соответственно, чем больше отклонение фактического возраста от субъективного, тем выше сосредоточенность на настоящем и будущем.

Результаты поиска взаимосвязи между *временным фокусом* и *субъективной удовлетворенностью* представлены в табл. 3.

Найдена сильная статистически значимая положительная взаимосвязь между субъективным благополучием и фокусом на настоящем. Это говорит о том, что субъективно более благополучным ощущает себя человек, который глубоко вовлечен в процессы, происходящие в настоящем, склонен концентрироваться на текущих событиях, не «застревать» в воспоминаниях и сожалениях о прошлом и не отравлять свое настоящее тревогами о будущем.

Найдена сильная статистически значимая положительная взаимосвязь между субъективным благополучием и временным фокусом на настоящем ($r = 0,460$; $p = 0,000$). Полученные данные

Таблица 2

Table 2

Значения коэффициентов корреляции r -Спирмена (r_s) и p -уровней статистической значимости для показателей временного фокуса и субъективного возраста людей пенсионного возраста
Values of correlation coefficients of r -Spearman (r_s) and p -levels of statistical significance for indicators of time focus and subjective age of people of retirement age

Субъективный возраст			Временной фокус		
			Прошлое	Настоящее	Будущее
1	2	3	4	5	6
Абсолютное значение компонентов субъективного возраста	Когнитивно-эмоциональный	r	0,083	-0,123	-0,009
		p	0,249	0,087	0,902
	Физический	r	0,133	-0,033	0,038
		p	0,064	0,652	0,599
	Социальный	r	0,130	-0,096	0,022
		p	0,071	0,184	0,763
	Интеллектуальный	r	0,113	-0,172*	-0,034
		p	0,124	0,019	0,646
Разница между хронологическим возрастом и компонентами субъективного возраста	Когнитивно-эмоциональный дельта	r	0,004	0,139	0,116
		p	0,958	0,051	0,105
	Физический дельта	r	-0,039	0,059	0,125
		p	0,581	0,409	0,080
	Социальный дельта	r	-0,054	0,095	0,114
		p	0,451	0,183	0,111
	Интеллектуальный дельта	r	-0,050	0,183*	0,161*
		p	0,488	0,011	0,026

Примечание: r — значение коэффициента r -Спирмена; p — значение уровня статистической значимости; знаком * отмечены значения, по которым обнаружена статистически достоверная взаимосвязь ($0,01 < p \leq 0,05$).

Таблица 3

Table 3

Значения коэффициентов корреляции r -Спирмена (r_s) и p -уровней статистической значимости для показателей временного фокуса и субъективного благополучия пожилых людей
Values of correlation coefficients of r -Spearman (r_s) and p -levels of statistical significance for indicators of temporary focus and subjective well-being of elderly people

Временной фокус		Субъективная удовлетворенность
Прошлое	r	-0,056
	p	0,435
Настоящее	r	0,460**
	p	0,000
Будущее	r	0,130
	p	0,069

Примечание: r — значение коэффициента r -Спирмена; p — значение уровня статистической значимости; знаком * отмечены значения, по которым обнаружена статистически достоверная взаимосвязь ($0,01 < p \leq 0,05$), знаком ** помечены значения, для которых обнаружена взаимосвязь на высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,01$).

хорошо согласуются с результатами исследований Э. Шипп [9; 10], автора методики «Временной фокус». Она указывает на то, что повышенный фокус личности на настоящем способствует более высокой самооценке и удовлетворенности жизнью. Однако автор пишет также о некоторой противоречивости полученных результатов: есть данные, что высокий фокус на настоящем связан с высокими показателями прокрастинации, склонности к рискованному поведению и употреблению психоактивных веществ.

На завершающем шаге в процедуре статистической обработки полученных данных был осуществлен поиск взаимосвязи между *субъективным возрастом* и *субъективным благополучием*. Результаты представлены в табл. 4.

При изучении отношений между субъективным возрастом и субъективным благополучием обнаружена сильная статистически значимая отрица-

тельная взаимосвязь между когнитивно-эмоциональным компонентом субъективного возраста и благополучием ($r = -0,223$; $p = 0,002$). Согласно полученному результату, чем более старым чувствует себя человек, тем меньше его удовлетворенность жизнью. Интересен результат анализа корреляции компонента «Когнитивно-эмоциональный дельта» с субъективным благополучием. В данном случае корреляция также значимая, но при этом положительная ($r = 0,240$; $p = 0,001$). Соответственно, чем больше отклонение субъективного возраста от фактического, тем выше уровень субъективного благополучия.

Сильная статистически значимая отрицательная взаимосвязь ($r = -0,192$; $p = 0,007$) обнаружена между физическим компонентом субъективного возраста и субъективным благополучием. Полученные данные свидетельствуют о том, что чем старше, по мнению человека, он выглядит, тем ме-

Таблица 4

Table 4

Значения коэффициентов корреляции r -Спирмена (r_s) и p -уровней статистической значимости для показателей субъективного возраста и субъективного благополучия пожилых людей
Values of correlation coefficients of r -Spearman (r_s) and p -levels of statistical significance for indicators of subjective age and subjective well-being of elderly people

Субъективный возраст			Субъективное благополучие
1	2	3	4
Абсолютное значение компонентов субъективного возраста	Когнитивно-эмоциональный	r	-0,223**
		p	0,002
	Физический	r	-0,192**
		p	0,007
	Социальный	r	-0,138
		p	0,055
	Интеллектуальный	r	-0,137
		p	0,062
Разница между компонентами субъективного возраста и хронологическим возрастом	Когнитивно-эмоциональный дельта	r	0,240**
		p	0,001
	Физический дельта	r	0,210**
		p	0,003
	Социальный дельта	r	0,139
		p	0,051
	Интеллектуальный дельта	r	0,136
		p	0,058

Примечание: r — значение коэффициента r -Спирмена; p — значение уровня статистической значимости; знаком ** помечены значения, для которых обнаружена взаимосвязь на высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,01$).

нее благополучным внутренне ощущает себя. Интересные результаты демонстрирует анализ взаимосвязи компонента «Физический дельта» (разница между тем, на какой возраст выглядит человек по его собственной оценке и реальным возрастом) с субъективным благополучием. Между этими параметрами обнаружена сильная статистически значимая положительная взаимосвязь ($r = 0,210$; $p = 0,003$). Таким образом, можно сделать вывод, что чем более комплиментарно человек оценивает свой внешний вид, тем более он удовлетворен своей жизнью в данный момент времени.

Заключение

Выявленные взаимосвязи таких психологических феноменов, как *временной фокус*, *субъективный возраст* и *субъективное благополучие*, позволяют сформулировать несколько предложений по потенциальному повышению уровня субъективного благополучия, а следовательно, улучшению качества вторичной социализации людей пенсионного возраста.

Если обратить внимание на факт существования сильной связи между *фокусом на настоящем* и *субъективным благополучием*, можно предположить, что стимулирование пожилого человека больше сосредоточиваться на проживаемом моменте жизни, помощь в формировании у него способности находиться «здесь и сейчас», с высокой долей вероятности будут способствовать большей удовлетворенности жизнью на пенсии. Задача увеличения доли внимания на настоящем может быть решена путем организации возможностей для наполнения нынешней жизни пенсионера новыми смыслами, новыми занятиями и интересами. Большинство людей, выходя на пенсию, имеют и мотивационный, и временной потенциал к новым увлечениям, они готовы к продолжению активной жизни, сохраняют интерес к познанию нового, однако многие из них по разным причинам (дефицит материальных ресурсов, ограниченность возможностей для обучения и реализации новых интересов, общественные стереотипы в отношении старения и т. д.) не могут реализовать этот потенциал. Необходимо государственная поддержка программ, направленных на организацию доступного обучения, досуга пожилых людей. Однако нельзя забывать о том, что прежде всего на уровне близкого окружения также необходима помощь пожилому родственнику в сохранении чувства собственной значимости и нужности.

Обнаружение взаимосвязей *субъективного благополучия* и *когнитивно-эмоционального и физи-*

ческого компонентов субъективного возраста пожилого человека открывает поле для рассуждений об эффективном использовании этих связей при поиске возможностей повышения качества вторичной социализации людей пенсионного возраста. Согласно результатам исследования, чем более молодым себя чувствует человек и чем более молодо выглядит (по его собственной оценке), тем более он удовлетворен своей жизнью. Очевидно, большую роль в формировании этих субъективных оценок играют физическое здоровье, уровень материальной обеспеченности, генетика, однако можно говорить и о психологических способах регуляции. Одним из перспективных направлений может стать организация психогигиенических мероприятий для пожилых людей. Необходимо вести просветительскую, обучающую деятельность, предоставить пожилым людям доступ к информации о способах сохранения, поддержания и укрепления своего психического здоровья. Формирование навыков саморегуляции, умение распознавать и управлять своими эмоциями, умение ориентироваться в меняющихся обстоятельствах, работа по восстановлению самооценки, мотивации, профилактика невротических состояний — эти и многие другие области практических знаний о собственной психике должны быть доступны как можно большему количеству пожилых людей. Опираясь на общеизвестный постулат, что психическое и соматическое связаны, можно утверждать, что мероприятия по укреплению психического здоровья пенсионеров будут способствовать также улучшению физического самочувствия, что, в свою очередь, повысит уровень субъективного благополучия.

Кроме того, для человека на пенсии желательно стремиться к преодолению изоляции, возникающей в некоторых случаях после завершения трудовой карьеры, поскольку чувство одиночества и изолированности может стать причиной ухудшения и психологического, и физического состояния. Важно сохранять и поддерживать социальные связи, по возможности формировать новые уже в тех сообществах, где люди объединены общими интересами и занятиями.

Существующая взаимосвязь между *интеллектуальным компонентом субъективного возраста* и *фокусом на настоящем* времени ставит вопрос о потенциале практического применения этого знания. Интеллектуальная составляющая субъективного возраста формируется из оценки человеком «возраста» своих интересов. Чем более молодому поколению, по мнению пенсионе-

ра, свойственно разделять его интересы, тем плотнее внимание концентрируется в настоящем. Учитывая тот факт, что ранее была описана сильная взаимосвязь фокуса на настоящем с субъективным благополучием, логично предположить, что, способствуя формированию у пенсионера более актуальных интересов, побуждая его оставаться в контексте современных трендов, можно увеличивать фокус на настоящем, что, в свою очередь, будет способствовать росту уровня удовлетворенности жизнью. Многих пожилых людей страшит перспектива начинать обучаться или увлекаться чем-то новым после выхода на пенсию, они боятся общественного осуждения, собственной несостоятельности, неудачи. Важно вести организованную комплексную работу по преодолению этих страхов, у пенсионеров должны появиться доступные возможности реализовать свои давние мечты о творчестве, обучении, занятиях физкультурой. В процессе обучения людей пожилого возраста важно не только передавать знания, но и поддерживать и поощрять их активность и желание учиться новому [2].

Перспективным направлением в образовательном процессе старшего поколения является налаживание межпоколенческого взаимодействия с молодежью, которая может, например, стать эф-

фективным проводником в современное информационное пространство [6]. Свободная ориентация в цифровой среде открывает широкий спектр возможностей для улучшения качества жизни пенсионера: использование интернет-технологий для дистанционного общения с друзьями и членами семьи может способствовать преодолению изоляции и снижению чувства одиночества, сервисы для онлайн-управления личным банковским счетом или оплаты коммунальных услуг существенно упрощают и повышают прозрачность финансовых операций, умение пользоваться поисковыми системами позволяет оставаться в актуальной событийной повестке и открывает доступ к любому интересующему контенту. Однако для многих людей пенсионного возраста эти возможности остаются недоступными из-за страха перед совершенно новым и непонятным для них объемом информации. Участие молодого поколения, в основном свободно ориентирующегося в вопросах новых технологий, в процессе повышения цифровой грамотности пенсионеров будет способствовать «омоложению» интересов пожилых людей. Освоение навыков владения цифровыми технологиями даст им возможность почувствовать себя более независимыми, уверенными в себе, удовлетворенными своей жизнью.

Список источников

1. Данилова А. А., Забелина Е. В. Психологическое время личности пожилых людей: теоретический обзор // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2022. Т. 8, № 3. С. 82–94.
2. Кременчуцкая М. К. Межпоколенные взаимодействия в системе непрерывного образования пожилых людей. Виды образовательной деятельности для пожилых в современной Европе // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития : материалы 11-й междунар. конф. : в 2ч. / сост. Н. А. Лобанов. Вып. 11. СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2013. Ч. 1. С. 250–252.
3. Мелехин А. И. Феномен отрицания возраста пожилым человеком как индикатор субъективного благополучия: аргументы «за» и «против» // Клиническая геронтология. 2019. № 7–8. С. 20–26.
4. Павлова Н. С. Отношение ко времени и своему возрасту во взаимосвязи с психологическим благополучием и самооценкой здоровья на этапе позднего онтогенеза // Вестник Пермского университета. 2021. № 2. С. 236–249.
5. Сергиенко Е. А. Субъективный и хронологический возраст человека // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 30. С. 10–22.
6. Ставяк-Ососиньска М. Виды образовательной деятельности для пожилых в современной Европе // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития : материалы 11-й междунар. конф. : в 2ч. / сост. Н. А. Лобанов. Вып. 11. СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2013. Ч. 1. С. 259–264.
7. Brothers A., Gabrian M., Wahl H.-W., Diehl M. Future time perspective and awareness of age-related change: Examining their role in predicting psychological well-being // Psychology and Aging. 2016. Vol. 31, № 6. P. 605–617. DOI: 10.1037/pag0000101
8. Chishima Y., McKay M. T., Murakami T. The reliability and validity of the Temporal Focus Scale in young Japanese adults // Personality and Individual Differences. 2017. Vol. 119. P. 230–235. DOI:10.1016/j.paid.2017.07.031

9. Shipp A. J., Aeon B. Temporal focus: Thinking about the Past, Present and Future // *Current Opinion in Psychology*. 2019. Vol. 26. P. 37–43. DOI: 10.1016/j.copsyc.2018.04.005
10. Shipp A. J., Edwards J. R., Lambert L. S. Conceptualization and measurement of temporal focus: The subjective experience of the past, present, and future // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2009. Vol. 110. P. 1–22. DOI: 10.1016/j.obhdp.2009.05.001
11. Stephan Y., Sutin A. R., Luchetti M., Terracciano A. An older subjective age is related to accelerated epigenetic aging // *Current Opinion in Psychology*. 2021. Vol. 36, № 6. P. 767–772. DOI: 10.1037/pag0000607
12. Stolarski M., Fiulaine N., Zimbardo P. Putting time in a wider perspective: The past, the present, and the future of time perspective theory. *The SAGE handbook of personality and individual differences*. 2018. P. 592–628. Available from: DOI: 10.4135/9781526451163.n28
13. Wettstein M., Spuling S. M., Cengia A., Nowossadeck S. Feeling younger as a stress buffer: Subjective age moderates the effect of perceived stress on change in functional health // *Psychology and Aging*. 2021. Vol. 36, № 3. P. 322–337. DOI: 10.1037/pag0000608

References

1. Danilova AA, Zabelina EV. Psychological time of the personality of older people: a theoretical review. *Nauchnyj rezul'tat. Pedagogika i psihologiya obrazovaniya* [Scientific result. Pedagogy and psychology of education]. 2022;8(3):82–94. (In Russ.).
2. Kremenchuckaya MK. Intergenerational interactions in the system of lifelong education of the elderly. Types of educational activities for the elderly in modern Europe. In: *Obrazovanie cherez vsyu zhizn': Nepreryvnoe obrazovanie v interesah ustojchivogo razvitiya: materialy 11-j mezhdunar. konf.: v 2ch.; sost. NA Lobanov*. Vol. 11. St. Peterburg; 2013. Part 1. Pp. 250–252. (In Russ.).
3. Melekhin AI. The phenomenon of the denial of age by elderly people as an indicator of subjective well-being: arguments “for” and “against”. *Klinicheskaya gerontologiya* [Clinical gerontology]. 2019;(7-8):20-26. (In Russ.).
4. Pavlova NS. Attitude to time and age in relation to psychological well-being and health self-assessment at the late ontogenesis stage. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University]. 2021;(2):236-249. (In Russ.).
5. Sergienko EA. Subjective and chronological human age. *Psihologicheskie issledovaniya* [Psychological research]. 2013;6(30):10-22. (In Russ.).
6. Stavyak-Ososin'ska M. Types of educational activities for the elderly in modern Europe. In: *Obrazovanie cherez vsyu zhizn': Nepreryvnoe obrazovanie v interesah ustojchivogo razvitiya: materialy 11-j mezhdunar. konf.: v 2ch. Sost. NA Lobanov*. Vol. 11. St. Peterburg; 2013. Part 1. Pp. 259–264. (In Russ.).
7. Brothers A, Gabrian M, Wahl H.-W, Diehl M. Future time perspective and awareness of age-related change: Examining their role in predicting psychological well-being. *Psychology and Aging*. 2016;31(6):605-617. DOI: 10.1037/pag0000101
8. Chishima Y, McKay MT, Murakami T. The reliability and validity of the Temporal Focus Scale in young Japanese adults. *Personality and Individual Differences*. 2017;(119):230-235. DOI: 10.1016/j.paid.2017.07.031
9. Shipp AJ, Aeon B. Temporal focus: Thinking about the Past, Present and Future. *Current Opinion in Psychology*. 2019;(26):37-43. DOI:10.1016/j.copsyc.2018.04.005
10. Shipp AJ, Edwards JR, Lambert LS. Conceptualization and measurement of temporal focus: The subjective experience of the past, present, and future. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2009;(110):1-22. DOI: 10.1016/j.obhdp.2009.05.001
11. Stephan Y, Sutin AR, Luchetti M, Terracciano A. An older subjective age is related to accelerated epigenetic aging. *Current Opinion in Psychology*. 2021;36(6):767-772. DOI:10.1037/pag0000607
12. Stolarski M, Fiulaine N, Zimbardo P. Putting time in a wider perspective: The past, the present, and the future of time perspective theory. *The SAGE handbook of personality and individual differences*. 2018:592-628. DOI: 10.4135/9781526451163.n28
13. Wettstein M, Spuling SM, Cengia A, Nowossadeck S. Feeling younger as a stress buffer: Subjective age moderates the effect of perceived stress on change in functional health. *Psychology and Aging*. 2021;36(3):322-337. DOI: 10.1037/pag0000608

Информация об авторах

О. С. Волосатова — магистрант кафедры клинической психологии.

Е. В. Забелина — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии.

Information about the authors

O. S. Volosatova — Master Student of Department of Psychology.

E. V. Zabelina — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Department of Psychology.

Статья поступила в редакцию 15.10.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 15.10.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 159.9

doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-67-72

ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКОЙ ПРИВЯЗАННОСТИ У ЛИЦ С ПРОЯВЛЕННОЙ НАРКОТИЧЕСКОЙ АДДИКЦИЕЙ

Игорь Владленович Карташев^{1✉}, Анастасия Анатольевна Данилова²

¹ Автономная некоммерческая организация «Консультационно-реабилитационный центр “Крылья”», Челябинск, Россия, kartashev-95@mail.ru, ORCID 0009-0007-0482-273X

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, 2ensti1988@mail.ru, ORCID 0000-0001-6701-1941

Аннотация. Целью данного исследования выступило теоретическое обоснование и эмпирическое подтверждение особенностей детско-родительской привязанности у лиц с проявленной наркотической аддикцией. В качестве основных методов исследования выступили: теоретический анализ литературы по теме исследования, психодиагностический метод, методы математической статистики. Для сбора данных использовался «Опросник на привязанность к родителям» М. В. Яремчука (2005). Исследование проводилось на базе РЦ «Крылья» (г. Челябинск, Россия). В ходе работы было опрошено 14 человек с проявленной наркотической аддикцией, находящихся на реабилитации, и 10 человек без наркотической аддикции в анамнезе. В процессе исследования были определены типы привязанности у двух групп, которые также были поделены на привязанность к матери и привязанность к отцу, на основании чего у них были выявлены разные типы привязанности по трем шкалам: надежный тип, тревожно-амбивалентный тип и избегающий тип. На основании статистического анализа было установлено, что есть достоверное различие между двумя группами по избегающему типу привязанности к матери.

Ключевые слова: детско-родительская привязанность, аддикция, аддиктивное поведение, тип привязанности, наркотическая зависимость

Для цитирования: Карташев И. В., Данилова А. А. Особенности детско-родительской привязанности у лиц с проявленной наркотической аддикцией // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 4 (24). С. 67–72. doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-67-72.

Original article

FEATURES OF CHILD-PARENT ATTACHMENT IN PERSONS WITH MANIFESTED ADDICTION

Igor V. Kartashev^{1✉}, Anastasiya A. Danilova²

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, kartashev-95@mail.ru, ORCID 0009-0007-0482-273X

² Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, ensti1988@mail.ru, ORCID 0000-0001-6701-1941

Abstract. The purpose of this study was the theoretical substantiation and empirical confirmation of the features of child-parent attachment in people with addiction. The main research methods were: theoretical analysis of the literature on the research topic, psychodiagnostic method, methods of mathematical statistics. To collect data, a questionnaire was used to determine the type of attachment of M.V. Yaremchuk (2005). The study was conducted on the basis of the Krylia RC (Chelyabinsk, Russia). In the course of the work, 14 people with manifested addiction who are in rehabilitation and 10 people without a history of addiction were interviewed. In the course of the study, the types of attachment were determined in two groups, which were also divided into attachment to the mother and attachment to the father, on the basis of which they revealed different types of attachment on three scales: the reliable type, the anxious-ambivalent type and the avoidant type. Based on statistical analysis, it was found that there is a significant difference between the two groups in the avoidant type of attachment to the mother.

Keywords: child-parent attachment, manifested addiction, addictive behavior, type of attachment

For citation: Kartashev IV, Danilova AA. Features of Child-parent Attachment in Persons with Manifested Addiction. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare.* 2023;(4(24):67-72. doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-67-72. (In Russ.).

© Карташев И. В., Данилова А. А., 2023

Введение

Актуальность исследования вызвана необходимостью в выявлении новых психологических аспектов для решения задач по проблеме аддиктивного поведения, а также в улучшении ситуации, связанной с ней. До настоящего времени нет единого подхода в лечении наркотической зависимости. До сих пор медициной не предоставлены методы лечения наркотической зависимости. По статистике, в 2021 г. общее количество пациентов, связанных с употреблением наркотиков, составило 338 392 человека¹. Это обусловлено тем, что сейчас стремительно распространяются дешевые синтетические наркотики, и спрос на них растет по сей день.

Основная часть

В отечественной науке под термином «аддиктивное поведение» понимается один из типов девиантного (отклоняющегося) поведения с формированием стремления человека к уходу от реальности путем искусственного изменения своего психического состояния посредством применения некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных видах деятельности с целью развития и поддержания интенсивных эмоций [6, с. 286–288]. Аддиктивное поведение часто подразделяют на три вида: химические, нехимические и промежуточные.

В основе аддиктивного поведения лежат детские травмы и нерешенные проблемы, которые больной заглушает путем изменения сознания химическим или нехимическим методом с целью ухода от реальности [7; 8].

В мире до сих пор нет общепринятых способов устранения такого поведения. Это связано в первую очередь с тем, что в научном сообществе нет единого мнения о причинах появления аддикции. Однако ученые сходятся во мнении, что аддиктивное поведение представляет опасность для жизни человека. Такое поведение снижает способности к адаптации, убирает межличностные отношения с близкими людьми на второй план, ведет к пренебрежению биологическими потребностями, вытесняет другие виды деятельности [1]. Также можно выделить психологические факторы аддиктивного поведения — изменение ценностей, повышенная тревожность, скудность позитивных эмоций [2].

Проблему возникновения аддиктивного поведения рассматривают на нескольких уров-

нях: психологический (например, инфантилизм, неумение принимать решения, пониженная стрессоустойчивость, незрелость личности), социальные (воспитание, насилие в семье, круг общения), мотивационный (улучшение умственной активности с целью увеличения заработной платы, желание «влиться» в коллектив), культурный (мода), биологический (генетическая предрасположенность), социально-психологический (высокий уровень социальной напряженности в стране) [3].

Согласно одной из теорий взаимосвязи уровня привязанности и аддиктивного поведения причиной такого поведения могут выступать неблагоприятные детско-родительские отношения, неудовлетворенные базовые потребности и детская травма [9; 10].

В работах Дж. Янга упоминается теория о ранних дезадаптивных схемах, которая выходит из когнитивной психологии. Схемы — это когнитивные структуры, организующие опыт и поведение, это система убеждений, глубинные мировоззренческие установки человека по отношению к самому себе и окружающему миру, влияющие на актуальное восприятие действительности. Другими словами, это поведенческие реакции на то, как значимый взрослый откликается на возникшие желания у ребенка. Соответственно, ранние дезадаптивные схемы формируются из-за неудовлетворенных основных потребностей в детском возрасте. Как итог, во взрослом периоде эти схемы закрепляются и играют роль в дезадаптивных функциях. Они, в свою очередь, дают эффект — болезненное эмоциональное переживание. Чтобы этого избежать, у человека активируются копинг-стратегии, или уход в зависимость [4].

В многочисленных исследованиях основным фактором происхождения аддиктивного поведения является семья. В работах З. Фрейда прослеживается связь между поведением родителей и зарождением аддиктивного поведения детей. Его теории убеждают в том, что психике ребенка угрожает некомпетентность матери, а именно неудовлетворение базовых потребностей ребенка, также их непонимание. В частности, в одной из теорий Фрейд сформировал концепцию психосексуального развития ребенка, которая состоит из пяти стадий. По его мнению, именно прохождение этих стадий формирует характер ребенка и делает из него зрелую личность. Фиксация на какой-либо из этих стадий есть травма, или застревание. Травма может быть связана с чем угодно. Например, с насилием или постоянными криками в се-

¹Государственный антинаркотический комитет. Доклад-о-наркоситуации-в-РФ-в-2021-году.pdf (astrobl.ru)

мье, ограничением ребенка в кормлении грудью, с непониманием матери, что надо ребенку, и т. д. Как правило, зависимый не понимает, где произошла травма в его детском развитии. И родители зачастую преследуют благие цели, когда воспитывают детей, не понимая, в каких моментах они «перегибают палку». Семья — первый микросоциум, в который попадает ребенок, и его «здоровость» влияет на то, будет ли в дальнейшем ребенок уходить от мучающей его реальности, или будет социально адаптированным [11].

На основе детско-родительских отношений строится теория о привязанности. Привязанность формируется нормальная либо нарушенная. Например, нарушение привязанности может быть вследствие застревания ребенка на первой стадии психосексуального развития ребенка по Фрейду, а именно оральной. Кормление грудью выступает в главной роли в этот период. Мать не удовлетворила ребенка в его потребности в приятных ощущениях и нежности. Как следствие, у ребенка сформировался недостаток в заботе. Во взрослой жизни это может обернуться тем, что напряжение, недостаток в материнской заботе аддикт будет компенсировать неодушевленными предметами, прибегнув к алкоголю или курительной трубке, которые как бы символизируют материнскую грудь.

Привязанность — тесная эмоциональная связь между значимым взрослым и ребенком с целью обеспечения безопасности ребенка и гарантии того, что он вырастет здоровым [5].

Основной идеей в нарушении привязанности лежит то, что у человека с данным нарушением происходит замещение значимого взрослого другими объектами, которые снимают его напряжение и стресс. Зачастую в качестве этих объектов выступают наркотики либо алкоголь, от которых у человека и формируется в дальнейшем физическая зависимость, которая лежит в основе аддиктивного поведения.

Привязанность — это фактор, влияющий на человека с самого детства и являющийся важным фундаментом для формирования доверия к миру и поиску партнера для дальнейшего формирования института семьи. Здоровье этой семьи, как отмечают подавляющее число авторов, зависит, чуть ли не напрямую, от того, как значимый взрослый относился к субъекту семьи. Интимность или близость является важной составляющей в жизни каждого человека даже в случае отрицания или избегания ее. Существует много исследований, которые отталкиваются от убежде-

ний и исследований Дж. Боулби и его последователей о теории привязанности в изучении феномена близости, по большей части в романтических и семейных отношениях.

Материалы и методы исследования

Для достижения цели исследования была сформирована выборка на базе автономной некоммерческой организации консультационно-реабилитационного центра «Крылья» (г. Челябинск, Россия). Всего в выборку вошло 24 человека, поделенных на две группы: с проявленной наркотической аддикцией и находящихся на реабилитации и без проявленной аддикции в анамнезе.

Для проверки детско-родительской привязанности был подобран опросник М.В. Яремчука «Опросник на привязанность к родителям». Опросник включает в себя десять троек высказываний, соответствующих трем классическим типам привязанности. Испытуемому предлагается выбрать по одному высказыванию из каждой тройки отдельно для отца и для матери. На основании выборов испытуемого делается вывод о преобладающем типе привязанности в отношении с каждым из родителей. Опросник состоит из десяти вопросов. Примерное время тестирования 10–15 минут.

Для обработки полученных данных был выбран математической статистики непараметрический критерий достоверности различий *U*-Манна — Уитни. Обработка полученных результатов осуществлялась с помощью статистической программы «IBM SPSS Statistics 26.0».

Результаты исследования и их обсуждение

В соответствии с целью данной работы было проведено исследование типов детско-родительской привязанности в двух экспериментальных группах: лица с проявленной наркотической аддикцией и лица с без наркотической аддикции.

При сравнении полученных данных по рис. 1 можно отметить, что по надежному и тревожно-амбивалентному типу группа без наркотической аддикции по средним значениям превосходит группу с проявленной аддикцией. По шкалу надежного типа привязанности можно сказать, что это логично, так как надежный тип привязанности считается нормой, соответственно, по логике вещей, он должен проявляться больше среди лиц, не сталкивающихся с зависимостями. Показатели тревожно-амбивалентной шкалы самые низкие у обеих групп, однако у группы без наркотической аддикции среднее значение больше. Это может

Таблица 1
Table 1

Средние значения по шкалам привязанности в двух группах
Average values on attachment scales in two groups

Тип привязанности	Мать		Отец	
	(I) с аддикцией	(II) без аддикции	(I) с аддикцией	(II) без аддикции
Надежный тип	4,4	6,8	4,2	3,4
Тревожно-амбивалентный тип	1,5	1,8	0,7	1,4
Избегающий тип	4,1	1,4	5	5,1

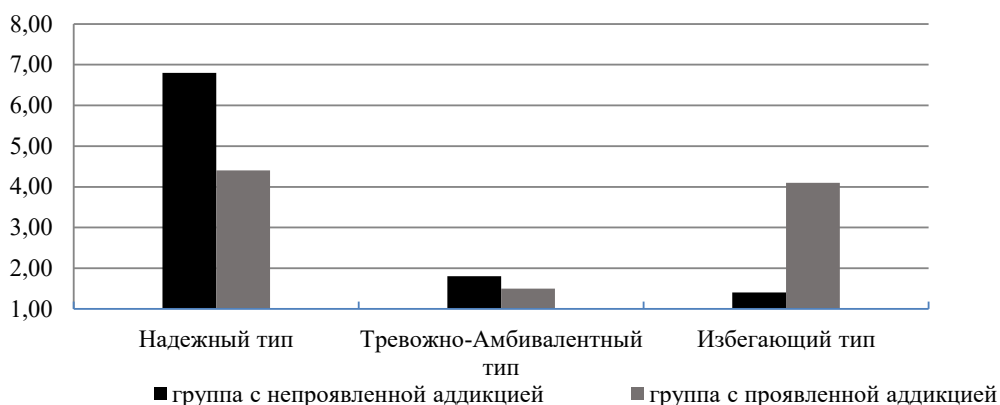

Рис. 1. Средние значения шкал привязанности по матери в двух группах

Fig. 1. Average values of maternal attachment scales in 2 groups

говорить о том, что тревожно-амбивалентный тип привязанности к матери встречается реже других. Стоит обратить внимание на разницу по средним значениям шкалы избегающего типа привязанности между двумя группами. У группы с проявленной аддикцией этот показатель равен 4,1, а у группы без наркотической аддикции всего 1,4.

При сравнении полученных данных по типу привязанности к отцу по рис. 2 можно наблюдать неравномерное распределение средних значений по шкалам надежного и тревожно-амбивалентного типа. При этом в обеих группах доминиру-

ющим типом привязанности выступает избегающий тип. Такие результаты могут косвенно свидетельствовать о наличии проблем института отцовства и института семьи в целом.

Проверка результатов осуществлялась с помощью непараметрического статистического критерия *U*-критерия Манна — Уитни.

Произведя анализ, можно сказать, что есть достоверное различие между двумя группами по избегающему типу привязанности к матери ($p = 0,05$). По двум другим шкалам различия не оказались значимыми.

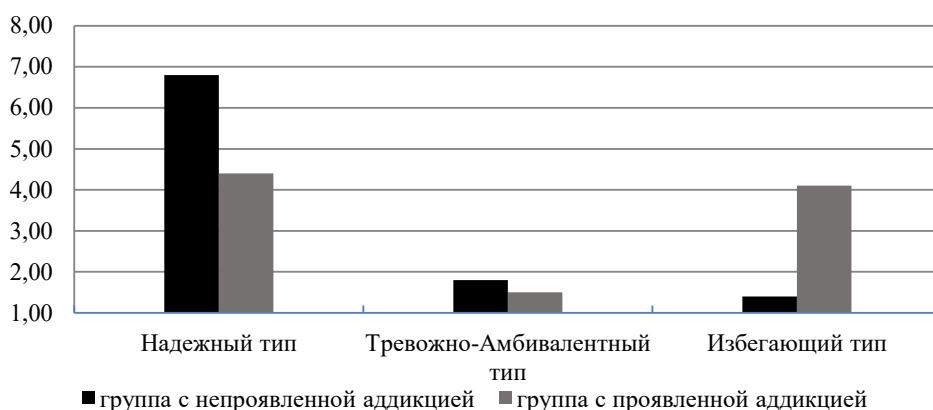

Рис. 2. Средние значения шкал привязанности по отцу в двух группах

Fig. 2. Average values of attachment scales for the father in 2 groups

Таблица 2

Table 2

**Сравнительный анализ с использованием непараметрического критерия
U-Манна — Уитни по привязанности
Comparative analysis using the nonparametric
U-Mann-Whitney criterion for attachment**

Тип привязанности	Асимптотические значения, р	
	Мать	Отец
Надежный тип	0,93	0,551
Тревожно-амбивалентный тип	0,624	1
Избегающий тип	0,05	0,921

Сравнив шкалы привязанности по отношению к отцу, мы видим, что ни по одному из них статистически значимых различий не обнаружено.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в ходе исследования было обнаружено одно статистически значимое различие. Это избегающий тип привязанности к матери между группой без наркотической аддикции и группой с проявленной наркотической аддикцией. Это может свидетельствовать, что мать играет ключевую роль в формировании аддиктивного поведения у ребенка. В частности, формирование избегаю-

щего типа привязанности может являться причиной такого поведения. Это может быть связано с менталитетом страны — мать занимает главенствующую роль в воспитании ребенка и с самого рождения принимает активное участие в его развитии. Ребенок загнан в угол от постоянных требований и строгих наказаний матери, он начинает избегать ее, параллельно находя способы замещения недостатка материнской любви и ласки. Всё приводит к тому, что ребенок быстро привыкает к веществам, которые изменяют сознание и могут переключить внимание от постоянных давления, напряжения и стресса. Получение положительных эмоций таким способом становится привычкой.

Список источников

1. Гоголева А. В. Аддиктивное поведение и его профилактики. Воронеж : Издательство НПО «МО-ДЭК», 2003. 240 с.
2. Бульдина Ю. В. Особенности самосознания аддиктивной личности. Ярославль : ЯрГУ, 2005. 100 с.
3. Курек Н. С. Эмоциональное общение матери и дочери как фактор формирования аддиктивного поведения в подростковом возрасте // Вопросы психологии. 1997. № 2. С. 48–60.
4. Антоненко Е. Г. Взаимосвязь типов привязанности и ранних дезадаптивных схем у наркозависимых // Молодой ученый. 2017. № 2. С. 125–243.
5. Боулби Дж. Привязанность. М. : Гардарики, 2003. 477 с.
6. Сельская П. Д. Особенности различных видов зависимого поведения: теоретический аспект // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 76-2. С. 285–289.
7. Кадыров Р. В., Ковалев И. А., Ильина И. С. Психическая травма раннего возраста и психологические характеристики личности наркозависимых // Тихоокеанский медицинский журнал. 2016. № 4. С. 66–69. DOI: 10.17238/PmJ1609-1175.2016.4.66-69
8. Кузнецова А. А. Исследование взаимосвязи отношений привязанности и наличия элементов компьютерной зависимости у дошкольников // Казанский педагогический журнал. 2021. № 1. С. 248–252. DOI: 10.51379/KPJ.2021.145.2.034
9. Калмыкова Е. С., Гагарина М. А., Падун М. А. Роль типа привязанности в генезе аддиктивного поведения: постановка проблемы. Часть I // Психологический журнал. 2006. № 6. С. 45–53.
10. Корзини Р., Ауэрбах А. Психологическая энциклопедия. СПб. : Питер, 2003. 1096 с.

References

1. Gogleva AV. Addiktivnoye povedeniye i yego profilaktiki [Addictive behavior and its prevention]. Voronezh; 2003. 240 p. (In Russ.).
2. Buldina Yu V. Osobennosti samosoznaniya addiktivnoy lichnosti [Features of self-consciousness of an addictive personality]. Yaroslavl; 2005. 100 p. (In Russ.).
3. Kurek NS. Emotional communication of mother and daughter as a factor in the formation of addictive behavior in adolescence. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology]. 1997;(2):48-60. (In Russ.).
4. Antonenko EG. Interrelation of attachment types and early maladaptive schemes in drug addicts. *Molodoy uchenyy* [Young scientist]. 2017;(2):125-243. (In Russ.).
5. Bowlby J. Privyazannost' [Attachment]. Moscow, Gardariki Publishing house; 2003. 477 p. (In Russ.).
6. Selskaya PD. Features of various types of dependent behavior: theoretical aspect. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education]. 2022;(76-2):285-289. (In Russ.).
7. Kadyrov RV, Kovalev IA, Ilyina IS. Mental trauma of early age and psychological characteristics of the personality of drug addicts. *Tikhookeanskiy meditsinskiy zhurnal* [Pacific Medical Journal]. 2016;(4):66-69. DOI: 10.17238/PmJ1609-1175.2016.4.66-69. (In Russ.).
8. Kuznetsova AA. Investigation of the relationship of attachment relationships and the presence of elements of computer addiction in preschoolers. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal]. 2021;(1):248-252. DOI: 10.51379/KPJ.2021.145.2.034. (In Russ.).
9. Kalmykova ES, Gagarina MA, Padun MA. The role of attachment type in the genesis of addictive behavior: problem statement. Part I. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal]. 2006;(6):45-53. (In Russ.).
10. Korzini R, Auerbach A. Psikhologicheskaya entsiklopediya [Psychological encyclopedia]. St. Petersburg: Peter; 2003. 1096 p. (In Russ.).

Информация об авторах

И. В. Карташев — независимый консультант.

А. А. Данилова — кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры психологии.

Information about the authors

I. V. Kartashev — Independent Consultant.

A. A. Danilova — Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer, Department of Psychology.

Статья поступила в редакцию 10.10.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 10.10.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 159.9.07

doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-73-80

СТРУКТУРНАЯ МОДЕЛЬ ВЛИЯНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ ДЕТЕРМИНАНТ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ

Анжелика Владимировна Корниенко¹, Елена Станиславовна Старченкова²

¹Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия, Iggdrasil01@yandex.ru, ORCID 0009-0005-5416-0303

²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, 2e.starchenkova@spbu.ru

Аннотация. Статья посвящена эмпирическому исследованию влияния личностных детерминант на профессиональное здоровье менеджеров по продажам. В эмпирическом исследовании нами был использован метод моделирования структурными уравнениями. Было установлено, что влияние имеет иерархическую структуру, и выделено два основных детерминирующих фактора: фактор «Личностная зрелость», индикаторами которого являются социализация, самоконтроль, толерантность, достижение через независимость, экзистенциальные ценности, и фактор «Самоактуализация», индикаторами которого выступают интеллектуальная эффективность, синергия, контактность, познание, самопринятие. Нами также было выявлено влияние на профессиональное здоровье экзогенных факторов пола и национальности и негативное влияние преморбидной ригидности и мотивации избегания неудач.

Ключевые слова: профессиональное здоровье, структурное моделирование, факторы и личностные детерминанты профессионального здоровья, самоактуализация, личностная зрелость

Для цитирования: Корниенко А. В., Старченкова Е. С. Структурная модель влияния личностных детерминант на профессиональное здоровье // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 4 (24). С. 73–80. doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-73-80.

Original article

STRUCTURAL MODEL OF INFLUENCE OF PERSONAL DETERMINANTS ON PROFESSIONAL HEALTH

Angelika V. Kornienko¹, Elena S. Starchenkova²

¹Khakassky State University named after N. F. Katanov, Abakan, Russia, Iggdrasil01@yandex.ru, ORCID 0009-0005-5416-0303

²St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, 2e.starchenkova@spbu.ru

Abstract. The article is devoted to the empirical study of the influence of personal determinants on the professional health of sales managers. In the empirical study we used the method of modeling by structural equations. It was found that the influence has a hierarchical structure and two main determinants were identified, namely, the factor “Personal maturity”, the indicators of the factor are: socialization, self-control, tolerance, achievement through independence, existential values. Factor “Self-actualization”, indicators of the factor are: intellectual efficiency, synergy, contact, cognition, self-acceptance. We also revealed the influence of exogenous factors of gender and nationality on professional health and the negative influence of premorbid rigidity and motivation of failure avoidance.

Keywords: professional health, structural modeling, factors and personal determinants of professional health, self-actualization, personal maturity

For citation: Kornienko AV, Starchenkova ES. Structural Model of Influence of Personal Determinants on Professional Health. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare.* 2023;(4(24):73-80. doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-73-80. (In Russ.).

Введение

Профессиональное здоровье специалистов — это ресурс, влияющий на качество жизни, субъективное благополучие и экономическую эффективность как отдельного предприятия, так и региона в целом. В современных условиях продления работоспособного возраста в среднем на десять лет факторы, влияющие на состояние профессионального здоровья, поддержание когнитивной и соматической активности профессионалов — максимально актуальная проблема.

В большинстве зарубежных исследований в качестве негативных факторов, влияющих на состояние профессионального здоровья, выделяется стресс (R. S. Lazarus, 1984; J. & R. Useem, 1958; U. Lundberg & M. Frankenhaeuser, 1999; J. Turnage & Charles D. Spielberger, 2007 и др.), эмоциональное выгорание (A. Pines & E. Aronson, 1988 и др.), харассмент и моббинг (N. P. Serantes, M. A. Soares, 2006 и др.), презентеизм и абстенизм (M. Miraglia, G. Johns, 2016 и др.), проактивное поведение в качестве негативного фактора (D. Fay, A. Hüttges, 2017) и др. [14–16; 19–22].

К позитивным факторам относят: жизнестойкость (S. Maddi, 1998 и др.); увлеченность работой (G. Becker, 2010; W. Shaufeli, M. Salanova, 2010); человеческий капитал (G. Becker, 1964 и др.); превентивное поведение (C. S. Wilbur, T. D. Hartwell, P. V. Piserchia, 1986); эмоции как личностные ресурсы (G. Buruck, D. Dörfel, J. Kugler, S. Brom, 2016) и проактивное поведение в его связи с самоэффективностью (A. Schmitt, F. Belschak, D. Hartog, N. Deanne, 2017) и др. [9; 19; 20; 22].

В отечественной психологии выделены такие позитивные психологические факторы, влияющие на состояние профессионального здоровья, как эмоциональная компетентность (Р. А. Березовская, А. А. Кириллова, 2013); стилевые и эмоциональные особенности юмора (А. Г. Буенок, Р. А. Березовская, 2013); экзистенциальная исполненность (Л. Р. Правдина, О. С. Васильева, Э. В. Гаус, 2015) и др. Описаны критерии профессионального здоровья: адаптивность копинг-стратегий, зрелость механизмов психологической защиты (А. Л. Катков, 2002); эмоциональная и поведенческая гибкость, внутренний локус контроля, синергия, компетентность во времени, креативность (Т. Г. Глухова, 2003); работоспособность (Г. С. Никифоров, В. И. Шостак, Л. А. Яньшина, 2006); рефлексивная саморегуляция (Г. Г. Вербина, 2011); психологическая безопасность (Н. В. Козлова, А. С. Гуляев, 2012); высокий уровень развития самосознания (С. Д. Цыдыпова, 2013); личностная мобиль-

ность как предиктор профессионального здоровья (Т. Б. Сергеева, 2019); профессиональное здоровье людей пожилого возраста (А. А. Печеркина, Г. И. Борисов, 2021) и др. [5–8; 11].

Однако остается проблемной областью выделение личностных факторов и детерминант профессионального здоровья, в том числе менеджеров по продажам. Большинство исследований сосредоточены на конкретных профессиональных группах, исследования чаще посвящены изучению влияния стрессовых факторов и поведенческих аспектов. В нашем исследовании мы предприняли попытку разработать модель профессионального здоровья с учетом экзистенциальных ценностей и детерминант личности, используя объективный метод моделирования структурными уравнениями (SEM).

Материалы и методы исследования

Цель исследования: изучить и выявить личностные детерминанты профессионального здоровья менеджеров по продажам.

Объект исследования — менеджеры по продажам, работающие в различных коммерческих организациях Республики Хакасия ($N = 244$).

Предметом данного исследования являются индивидуально-психологические детерминанты личности, влияющие на профессиональное здоровье менеджеров по продажам.

Основная гипотеза исследования — существуют личностные детерминанты, позитивно влияющие на уровень и состояние профессионального здоровья менеджеров по продажам: гибкость, самоконтроль, чувство благополучия, проницательность, синергия, контактность, самопринятие, определяющие общий уровень развития самоактуализации и личной зрелости;

– личностные детерминанты, оказывающие негативное влияние на профессиональное здоровье менеджеров по продажам: высокий уровень ригидности, низкий уровень развития креативности, конформность.

Эмпирические методики: самоактуализационный тест Э. Шострома в адаптации Л. Я. Гозмана, Ю. Е. Алешинной, М. В. Загикой и М. В. Кроз; мотивационный тест Х. Хекхаузена, в адаптации Л. Н. Собчик; Калифорнийский личностный опросник Г. Гоуха в адаптации Н. А. Графининой и Н. В. Тарабриной; анкета профессионального здоровья, разработанная Г. С. Никифоровым, Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой, Р. А. Березовской; опросник SF-36; опросник ригидности-флексibilityности Г. В. Залевского.

Методы математической статистики: SEM (Structural Equation Modeling) — моделирование структурными уравнениями; вычисления проводились с помощью статистической программы IBM AMOS SPSS.

Результаты и их обсуждение

Для построения модели нами было использовано структурное моделирование, или SEM. Структурное моделирование опирается на ряд предварительных математических процедур для построения структурной модели: корреляционный анализ, множественный регрессионный анализ, конфирматорный факторный анализ и др.

Модель признается состоятельной (подтверждающей исходные гипотезы), если она по принятым критериям (критерии согласия) соответствует исходным данным [10].

Модель представляет собой блок-схему, которая преобразуется компьютерной программой в систему линейных уравнений. Основные элементы модели — переменные (явные, латентные, ошибки измерения) и связи между ними (направленные и ненаправленные).

Мы применяли следующие индексы согласия и их допустимые значения для признания модели соответствующей данным: Хи-квадрат / $df < 2$; $p > 0,05$; GFI $> 0,95$; AGFI $> 0,9$; CFI $> 0,95$; RMSEA $< 0,05$ (2). Как мы видим, из рис. 1, все индексы согласия имеют допустимые значения, и, следовательно, полученная модель может быть интерпретирована.

Первым шагом моделирования структурными уравнениями нами была разработана априорная модель, отражающая гипотетические положения о взаимосвязи явных и латентных переменных.

Были выдвинуты следующие гипотетические предположения: на интегративный показатель профессионального здоровья влияют экзогенные факторы — пол и национальность; уровень развития личностной зрелости и самоактуализации личности; мотивационные факторы, представленные деятельностью, направленной на избегание неудач.

Наши предположения были основаны на предварительно проведенном конфирматорном факторном анализе с использованием программы моделирования структурными уравнениями IBM SPSS AMOS. Нами были вычислены «вторичные факторы» и сохранены как новые переменные для редукции данных и приведения количества изучаемых переменных к статистическим требованиям. Выборка является приемлемой по численности (n), если выполняется соотношение $n > 5T$ (где T — число оцениваемых параметров). В нашем случае после редукции переменных выборку можно признать приемлемой ($N = 244$, $T = 47$). Имена сокращенных переменных представлены в табл. 1.

После построения априорной измерительной модели нами была построена структурная модель влияния, включающая два вторичных фактора (латентные переменные F_1 и F_2).

Индикаторами первого фактора «Самоактуализация» (F_1) являются такие явные переменные, как самопринятие, синергия, контактность, познание, интеллектуальная эффективность. Почти все явные переменные (индикаторы) являются шкалами теста САТ Э. Шострома, этим и обусловлено название первого фактора. С точки зрения К. Роджерса высокий уровень развития самопринятия предполагает аутентичность и принятие себя со всеми достоинствами и недостатками,

Таблица 1
Table 1

Расшифровка сокращенных имен переменных модели
Explanation of abbreviated names of model variables

№ п/п	Переменная	Расшифровка
1	Ie	Интеллектуальная эффективность
2	So	Социализация
3	Sc	Самоконтроль
4	Ai	Достижение через независимость
5	To	Толерантность
6	ПМР	Преморбидная ригидность
7	ИИН	Инструментальная деятельность для избегания неудач
8	Интегративпок	Интегративный показатель профессионального здоровья

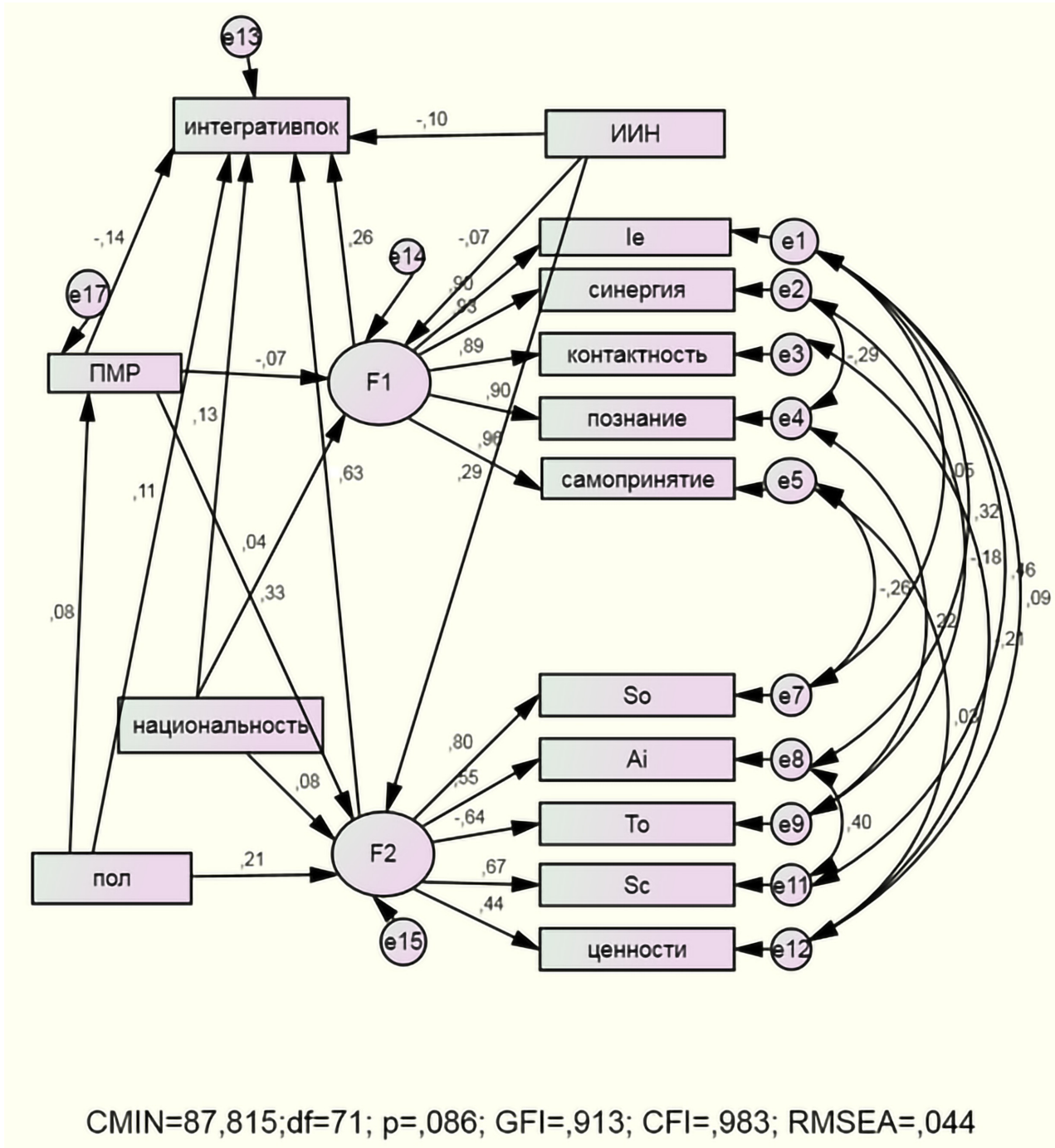

Рис. 1. Структурная модель влияния личностных качеств на профессиональное здоровье менеджеров по продажам

Fig. 1. Structural model of the influence of personal qualities on the professional health of sales managers

определенный уровень личностной зрелости. Полученные нами данные согласуются с взаимосвязью самоактуализации и психологического здоровья, которое рассматривается в нашем исследовании как один из структурных компонентов профессионального здоровья.

Для психологически здоровых людей характерно проявлять интерес к жизни, быть инициативными и включенными в деятельность и професси-

ональную среду (work engagement), соответственно контактность и познание отражают высокий уровень психологического здоровья.

Э. Фромм описывает еще одну характеристику самоактуализированного человека — продуктивность, которая рассматривается как условие полноценного бытия во взаимосвязи с удовлетворенностью от деятельности и успешности как объективного фактора [14].

Во второй фактор «Личностная зрелость» (F_2) входят такие индикаторы, как социализация, самоконтроль, толерантность, достижение через независимость и ценности. Переменная ценности относится к шкалам теста САТ Э. Шострома и определяет, в какой степени испытуемый разделяет ценности самоактуализирующейся личности. Достижение через независимость описывает людей, способных продуктивно работать самостоятельно и принимать эффективные решения в кризисных ситуациях. Переменные социализация, толерантность и самоконтроль образуют класс шкал, отражающих зрелость личности, соответственно, второй фактор получил название «Личностная зрелость» [10]. Почти все полученные регрессионные веса имеют статистическую достоверность ($p < 0,001$).

Как видно из рис. 1, наибольшее влияние на интегративный показатель профессионального здоровья имеет второй фактор, объясняющий 63 % дисперсии. Первый фактор «Самоактуализация» имеет второе по значимости влияние на профессиональное здоровье и объясняет 26 % дисперсии. Следующим по значимости влияния на профессиональное здоровье можно выделить преморбидную ригидность, данный индикатор имеет отрицательный регрессионный вес и, соответственно, негативное влияние на профессиональное здоровье менеджеров по продажам. Под преморбидной ригидностью Г. В. Залевский понимает личностные особенности, мешающие проявлять гибкость и толерантность в ситуациях социального взаимодействия и в стрессовых обстоятельствах «застревать» на негативных переживаниях [3]. Преморбидная ригидность также имеет влияние на факторы «Самоактуализация» и «Личностная зрелость», причем на последний фактор оказывает наибольшее влияние.

Также значимыми детерминантами профессионального здоровья является национальность, объясняет 13 % дисперсии, пол — 11 % и инструментальная деятельность, направленная на избежание неудач — 10 %, причем последний индикатор имеет отрицательный регрессионный вес и, со-

ответственно, негативное влияние на профессиональное здоровье.

Выводы

Итак, мы можем констатировать, что наши гипотетические предположения подтвердились, действительно, на интегративный показатель профессионального здоровья влияют выделенные нами личностные качества, с помощью апостериорной модели мы конкретизировали меру влияния каждого индикатора. Модель влияния личностных качеств на профессиональное здоровье можно описать последовательно, в зависимости от наибольшего полученного регрессионного веса:

1) фактор «Личностная зрелость», содержащий такие индикаторы, как социализация, достижение через независимость, толерантность, самоконтроль, ценности;

2) фактор «Самоактуализация», включающий такие индикаторы, как интеллектуальная эффективность, синергия, контактность, познание, самопринятие;

3) личностные качества, представленные дихотомией ригидность—гибкость, а именно, преморбидные личностные особенности;

4) экзогенные факторы: национальность и пол;

5) мотивация, связанная с деятельностью, направленной на избежание неудач.

Следовательно, модель влияния личностных детерминант на профессиональное здоровье имеет иерархическую структуру. С помощью моделирования структурными уравнениями были выделены два детерминирующих фактора: фактор «Личностная зрелость» (индикаторы: социализация, самоконтроль, толерантность, независимость, ценности) и фактор «Самоактуализация» (индикаторы: интеллектуальная эффективность, синергия, контактность, познание, самопринятие). Также в качестве детерминант профессионального здоровья были выделены преморбидная ригидность, национальность, пол и мотивация избежания неудач.

Список источников

1. Вербина Г. Г. Психолого-акмеологическая концепция развития профессионального врача-специалиста : дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.13. Тамбов, 2011. 523 с.
2. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Роль ресурсно-инвестиционного копинга в эмоциональном переживании экстремальных ситуаций и развитии индивидуальной стрессоустойчивости // Вестник СПбГУ. 2009. Серия 12. Социология. № 3 (2). С. 13–21.
3. Залевский Г. В. Томский опросник ригидности Г. В. Залевского // Сибирский психологический журнал. 2000. № 12. С. 129–137.

4. Козлова Н. В., Гуляев А. С. Психологическая безопасность как критерий профессионального здоровья студентов старших курсов инновационных вузов // *Медицинская психология в России*. 2012. № 4 (15).
5. Печеркина А. А. Структура профессионального здоровья людей пожилого возраста // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2021. Т. 9, № 6.
6. Правдина Л. Р., Васильева О. С., Гаус Е. В. Экзистенциальная самореализация как фактор профессионального здоровья // *Инженерный вестник Дона*. 2015. № 3. С. 46–51.
7. Цыдипова С. Д. Регулятивная функция продуктивной самооценки профессионального здоровья преподавателя высшей школы // *Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена*. 2013. № 160. С. 257–262.
8. Шостак В. И. Профессиональное здоровье // *Психология гигиены труда* / под ред. Г. С. Никифорова. СПб. : Питер, 2006. 480 с.
9. Becker G. S. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. N. Y. Columbia University Press, 1964.
10. Bentler P. M. Can Scientifically Useful Hypotheses Be Tested With Correlations? // *American Psychologist*. 2007. Vol. 62, № 8. P. 769–782.
11. Berezovskaya R. A., Kirillova A. A. To the question of the formation of the psychology of occupational health in Russia // *Psychological Journal (Minsk)*. 2012. No. 1-2 (31-32). P. 18–23.
12. Buruck G., Dörfel D., Kugler J., Brom S. Enhancing well-being at work: The role of emotion regulation skills as personal resources // *Journal of Occupational Health Psychology*. 2016. Vol. 21, № 4. P. 480–493.
13. Fay D., Hüttges A. Drawbacks of proactivity: Effects of daily proactivity on daily salivary cortisol and subjective well-being // *Journal of Occupational Health Psychology*. 2017. Vol. 22, № 4. P. 429–442.
14. Gough H. G. *The California Psychological Inventory*. N.Y., 1987.
15. Lazarus R. S., Folkman S. *Stress, appraisal, and coping*. N.Y. : Springer, 1984.
16. Lundberg U., Frankenhaeuser M. Stress and workload of men and women in high-ranking positions // *Journal of Occupational Health Psychology*. 1999. Vol. 2, № 4. P. 142–151.
17. Maddi S. Hardiness in health and effectiveness // *Encyclopedia of Mental Health*. 1998. № 2. P. 323–335.
18. Murphy L. R. Stress management techniques: Secondary prevention of stress // *Handbook of work and health psychology* / ed. by C. L. Cooper, J. C. Quick, M. J. Schabracq. New Jersey : Wiley-Blackwell Inc., 2009. P. 427–442.
19. Schmitt A., Belschak F., Hartog D., Deanne N. Feeling vital after a good night's sleep: The interplay of energetic resources and self-efficacy for daily proactivity // *Journal of Occupational Health Psychology*. 2017. Vol. 22, № 4. P. 443–454.
20. Turnage J., Spielberger C. Job stress in managers, professionals, and clerical workers // *Work and Stress*. 2007. Vol. 3, № 5. P. 165–176.
21. Useem J., Useem R. Social stresses and resources among middle management men // *Patients, physicians and illness, sourcebook in behavioral science and medicine* / ed. by E. G. Yaco. Glencoe, 1958. P. 74–79.
22. Wilbur C. S., Hartwell T. D., Piserchia P. V. The Johnson and Johnson life to life program: its organization and evaluation plan // *Health and industry: a behavioral medicine perspective*. New York, 1986. P. 338–350.

References

1. Verbina GG. Psihologo-akmeologicheskaya koncepciya razvitiya professional'nogo vracha-specialista [Psychological and acmeological concept of the development of professional doctor-specialist. Thesis]. Tambov; 2011. 523 p. (In Russ.).
2. Vodopyanova NE, Starchenkova ES. The role of resource-investment coping in the emotional experience of extreme situations and the development of individual stress resistance. *Vestnik SPbGU* [Bulletin of St. Petersburg State University]. 2009;3(2):13-21. (In Russ.).
3. Zalevsky GV. Tomsk questionnaire of rigidity GV Zalevsky. *Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal* [Siberian Psychological Journal]. 2000;(12):129-137. (In Russ.).
4. Kozlova NV, Gulyaev AS. Psychological safety as a criterion of professional health of senior students of innovative universities. *Medicinskaya psihologiya v Rossii* [Medical Psychology in Russia]. 2012;4(15). (In Russ.).

5. Pecherkina AA. The structure of professional health of elderly people. *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya* [World of Science. Pedagogy and psychology]. 2021;6(9). (In Russ.).
6. Pravdina LR, Vasilieva OS, Gaus EV. Existential self-realization as a factor of professional health. *Inzhenernyy vestnik Dona* [Engineering Bulletin of Don]. 2015;(3):46-51. (In Russ.).
7. Tsydipova SD. Regulatory function of productive self-assessment of professional health of higher school teachers. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gercen* [News of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen]. 2013;(160):257-262. (In Russ.).
8. Shostak VI. Professional health. Opinion. In: Nikiforova GS. (eds) *Psihologiya gigeny truda: Uchebnik. posobie* [Psychology of occupational hygiene]. St. Petersburg, Peter; 2006. 480 p. (In Russ.).
9. Becker GS. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. N. Y. Columbia University Press.; 1964.
10. Bentler PM. Can Scientifically Useful Hypotheses Be Tested With Correlations? *American Psychologist*. 2007;8(62):769-782.
11. Berezovskaya RA, Kirillova AA. To the question of the formation of the psychology of occupational health in Russia. *Psychological Journal (Minsk)*. 2012;1-2(31-32):18-23.
12. Buruck G, Dörfel D, Kugler J, Brom S. Enhancing well-being at work: The role of emotion regulation skills as personal resources. *Journal of Occupational Health Psychology*. 2016;21(4):480-493.
13. Fay D, Hüttges A. Drawbacks of proactivity: Effects of daily proactivity on daily salivary cortisol and subjective well-being. *Journal of Occupational Health Psychology*. 2017;22(4):429-442.
14. Gough HG. The California Psychological Inventory. N.Y.; 1987.
15. Lazarus RS, Folkman S. Stress, appraisal, and coping. N.Y., Springer; 1984.
16. Lundberg U, Frankenhaeuser M. Stress and workload of men and women in high-ranking positions. *Journal of Occupational Health Psychology*. 1999;4(2):142-151.
17. Maddi S. Hardiness in health and effectiveness. *Encyclopedia of Mental Health*. 1998;(2):323-335.
18. Murphy LR. Stress management techniques: Secondary prevention of stress. Opinion. In: Cooper CL, Quick JC, Schabracq MJ. *Handbook of work and health psychology*. New Jersey, Wiley-Blackwell Inc.; 2009. Pp. 427–442.
19. Schmitt A, Belschak F, Hartog D, Deanne N. Feeling vital after a good night's sleep: The interplay of energetic resources and self-efficacy for daily proactivity. *Journal of Occupational Health Psychology*. 2017;22(4):443–454.
20. Turnage J, Spielberger C. Job stress in managers, professionals, and clerical workers. *Work and Stress*. 2007;5(3):165-176.
21. Useem J, Useem R. Social stresses and resources among middle management men. Opinion. In: Yaco E. G. *Patients, physicians and illness, sourcebook in behavioral science and medicine*. Glencoe; 1958. Pp. 74–79.
22. Wilbur CS, Hartwell TD, Piserchia PV. The Johnson and Johnson life to life program: its organization and evaluation plan. In: *Health and industry: a behavioral medicine perspective*. New York; 1986. Pp. 338–350.

Информация об авторах

А. В. Корниенко — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогической психологии.

Е. С. Старченкова — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологического обеспечения профессиональной деятельности.

Information about the authors

A. V. Kornienko — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogical Psychology.

E. S. Starchenkova — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Psychological Support of Professional Activity.

Статья поступила в редакцию 30.10.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 30.10.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Вклад авторов: А. В. Корниенко внесла 2/3 объема публикуемого материала.

A. V. Kornienko contributed 2/3 of the volume of published material.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 159.91

doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-81-89

МЕТАКОГНИТИВНЫЕ КОРРЕЛЯТЫ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Алина Эсеналиевна Кочкорбаева¹✉, Екатерина Геннадьевна Денисова²,
Ирина Владимировна Абакумова³

¹ Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия, kochkorbaeva01@gmail.com, ORCID 0009-0008-4836-0167

² Донской государственный технический университет, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, keithdenisova@gmail.com, ORCID 0000-0003-0240-8176

³ Донской государственный технический университет, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, abakira@mail.ru, ORCID 0000-0003-2202-2588

Аннотация. Целью исследования выступило теоретическое обоснование и эмпирическое подтверждение связи метакогнитивных характеристик с уровнем субъективного благополучия у жителей Донецкой и Луганской областей в условиях СВО. Выборку исследования составили 705 человек (196 мужчин, 509 женщин) — преподаватели высших учебных заведений приграничных регионов (Донецкая и Луганская области). Для исследования характеристик метапознания и благополучия были использованы следующие методики: методика диагностики субъективного благополучия (Р. М. Шамионов и Т. В. Бескова), опросник «МСQ-30» А. Уэллса, методика «Дифференциальный тип рефлексии», анкета самооценки метакогнитивного поведения Е. Г. Денисовой. По результатам проведенного корреляционного анализа выявлено наличие взаимосвязи компонентов субъективного благополучия с характеристиками метапознания. Установлено, что уровень субъективного благополучия жителей приграничных регионов в современных условиях значительно выше при высоком уровне развития метакогнитивных навыков, системной рефлексии, поддерживающих метакогнитивных схем. Выявлены показатели, снижающие уровень субъективного благополучия. В частности, показано, что отрицательные метакогнитивные схемы наиболее тесно связаны с низким уровнем субъективного благополучия. Делается вывод о значимой роли метакогниций в формировании и поддержании субъективного благополучия жителей приграничных регионов в современных условиях.

Ключевые слова: благополучие, субъективное благополучие, метакогнитивные убеждения, рефлексия, метакогнитивные навыки

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00848, <https://rscf.ru/project/23-18-00848/> в Южном федеральном университете.

Для цитирования: Кочкорбаева А. Э., Денисова Е. Г., Абакумова И. В. Метакогнитивные корреляты субъективного благополучия преподавателей вузов приграничных регионов в современных условиях // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 4 (24). С. 81–89. doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-81-89.

Original article

METACOGNITIVE CORRELATES OF SUBJECTIVE WELL-BEING OF UNIVERSITY TEACHERS IN BORDER REGIONS IN MODERN CONDITIONS

Alina E. Kochkorbaeva¹✉, Ekaterina G. Denisova², Irina V. Abakumova³

¹ Don State Technical University, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, kochkorbaeva01@gmail.com, ORCID 0009-0008-4836-0167

² Don State Technical University, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, keithdenisova@gmail.com, ORCID 0000-0003-0240-8176

³ Don State Technical University, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, abakira@mail.ru, ORCID 0000-0003-2202-2588.

Abstract. The article explores the relationship of metacognition characteristics with the components of subjective well-being of university teachers in border regions in modern conditions. In the introduction, the main theoretical concepts of metacognition and factors of subjective well-being are considered, the purpose of the study and the hypothesis are formulated. The sample of the study was 705 people (72% women) — teachers of higher educational institutions of the border regions (Donetsk and Lugansk regions). To study the characteristics of metacognition and well-being, the following methods were used: Shamionov R.M., Beskova T.V. Methods of diagnostics of subjective well-being of the person, the questionnaire “MCQ-30” by A.Wells, the method “Differential type of reflection”, the questionnaire of self-assessment of metacognitive behavior by E.G. Denisova. According to the results of the correlation analysis, the presence of the relationship of the components of subjective well-being with the characteristics of metacognition was revealed. It is shown that the level of subjective well-being of residents of border regions in modern conditions is significantly higher with a high level of development of metacognitive skills, systemic reflection, supporting metacognitive schemes. Indicators that reduce the level of subjective well-being have been identified. In particular, it was found that negative metacognitive patterns are most closely associated with a low level of subjective well-being. In conclusion, the conclusion is made about the significant role of metacognitions in the formation and maintenance of the subjective well-being of residents of border regions in modern conditions.

Keywords: well-being, subjective well-being, metacognitive beliefs, reflection, metacognitive skills

Funding: the research was carried out at the Southern Federal University with the financial support of the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/23-18-00848/>

For citation: Kochkorbaeva AE, Denisova EG, Abakumova IV. Metacognitive Correlates of Subjective Well-being of University Teachers in Border Regions in Modern Conditions. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare*. 2023;(4(24):81-89. doi: 10.47475/2409-4102-2023-24-4-81-89. (In Russ.).

Введение

С прошлого столетия субъективное благополучие стало феноменом, привлекающим интерес многих российских и зарубежных психологов и социологов: Дж.-Э. Де Неве, Купер, П. Коста, Р. МакКрей, Брикман, Р. М. Шамионов, Э. Динер, Б. А. Классов и др. Пристальное внимание обусловлено тем, что субъективное благополучие личности влияет на многие аспекты жизни [3–6; 11].

Сам термин «благополучие», в силу своей широкой распространенности, неоднозначен. В классических зарубежных работах благополучие определяется как удовлетворенность жизнью или глобальная оценка человеком качества своей жизни в соответствии со своими собственными критериями [18; 22]. Р. М. Шамионов предлагает под субъективным благополучием понимать собственное отношение человека к своей личности, жизни и процессам, имеющим важное значение для личности с точки зрения усвоенных нормативных представлений о внешней и внутренней среде, которое характеризуется ощущением удовлетворенности [14].

По данным Всемирного доклада о счастье 2022 г.¹, Россия занимает 70-е место из 146 в рейтинге стран. Внешние факторы, такие как функциональная социальная поддержка, социально-демографические переменные, сильные стороны ха-

рактера, тесно связаны с психическим здоровьем, благополучием [15]. При этом в современных работах всё больший интерес прослеживается к поиску индивидуально-психологических характеристик, которые оказывают влияние на субъективное благополучие личности в трудных жизненных ситуациях [1; 3–5; 11; 12]. Для поддержания более высокого уровня субъективного благополучия и сохранения психологического здоровья важным представляется конструктивно справляться с разнообразными обстоятельствами. Многочисленными работами отмечена связь между благополучием, стрессоустойчивостью, саморегуляцией и копинг-стратегиями [2; 13]. Однако исследования совладания как таковые часто не отвечают на вопрос о механизмах формирования предпочитаемых копинг-стратегий, а также не дают эффективного инструмента, который мог бы помочь в работе по формированию конструктивного копинга. Таким инструментом, на наш взгляд, может выступить метапознание.

Метапознание в научной литературе понимается как деятельность мониторинга и контроля своего познания [17; 21]. А. Браун характеризует метапознание как знание о своем собственном знании [16]. Основной функцией метапознания является регуляция познания или работы с информацией посредством применения знаний о протекании собственных когнитивных процессов и общей логике познания [19]. Как одну из значимых характеристик метапознания авторы выделяют метакогнитивную включенность, которая раскрыва-

¹ Хелливелл Дж. Ф., Лэйард Р., Сакс Дж. Д., Де Неве Дж.-Э., Акнин Л. Б., Ван С. Всемирный доклад о счастье 2022 года. Нью-Йорк : Сеть решений в области устойчивого развития.

ется через способность планировать, отслеживать и корректировать процесс познания и способствует развитию автономии личности [20]. Несомненно, для преподавателей метакогнитивные навыки создают основу для гибкости в решении проблем в педагогической деятельности. Так, на выборке педагогов показана значимость эмоциональной и когнитивной составляющей в особенностях реагирования на трудности и ресурсах саморегуляции [9]. Показано, что характеристики метапознания играют важную роль в предотвращении эмоционального выгорания у преподавателей [7]. В целом, в достижении целей, самореализации и решении тех или иных жизненных трудностей важную роль играет осознанная саморегуляция, которая выступает метаресурсом [8]. В образовательной деятельности на студенческой выборке показано, что психическая саморегуляция также тесно связана с метакогнитивными знаниями [10].

Таким образом, современная и классическая научная литература во многом свидетельствуют о том, что негативные события могут сильно сказаться на уровне субъективного благополучия личности, однако в литературе отмечена и обратная зависимость, где само благополучие может сказываться на всей жизнедеятельности человека, здоровье, взаимоотношения с другими людьми, собственной продуктивности и т. д. Проблема изучения характеристик метапознания, а также их взаимосвязи с компонентами субъективного благополучия является актуальной вследствие недостатка исследований взаимосвязи характеристик метапознания с компонентами субъективного благополучия на выборках педагогов, особенно в условиях военного конфликта и повышенной социальной напряженности.

Цель исследования — изучение взаимосвязи характеристик метапознания с компонентами субъективного благополучия.

Гипотеза исследования была сформулирована следующим образом: вероятно, существует связь характеристик метапознания с компонентами субъективного благополучия преподавателей вузов приграничных регионов в современных условиях. В частности, предполагается, что положительные связи будут обнаружены между позитивными характеристиками метакогнитивных процессов и уровнем субъективного благополучия.

Материалы и методы исследования

В исследовании приняли участие 705 человек в возрасте от 20 до 84 лет — жители приграничных регионов (Донецкая и Луганская области), из них

196 — мужского пола, 509 — женского. Исследование проведено в сентябре 2022 г., очно, в формате электронного тестирования. Все респонденты добровольно соглашались на участие в исследовании с гарантией анонимности и могли в любой момент отказаться от продолжения участия в исследовании.

Для исследования уровня компонентов субъективного благополучия и общего показателя была использована методика диагностики субъективного благополучия личности (Р. М. Шамионов, Т. В. Бескова, 2018). Для исследования метакогнитивных убеждений применялся опросник «МСQ-30» А. Уэллса (2004), для определения типа рефлексии респондентов была использована методика «Дифференциальный тип рефлексии» (Д. А. Леонтьев, Е. М. Лаптева, Е. Н. Осин, А. Ж. Салихова, 2009), а для исследования метакогнитивных навыков — анкета самооценки метакогнитивного поведения «Метакогнитивные навыки в структуре учебно-профессиональной деятельности» (Е. Г. Денисова, 2022).

Методы статистической обработки данных: критерий Шапиро — Уилка, критерий ранговой корреляции Спирмена.

Статистическая обработка полученных результатов осуществлялась с применением свободно распространяемого программного пакета JASP Computer software (Version 0.16, 2021).

Результаты исследования и их обсуждение

Предварительная проверка распределения на нормальность по основным диагностическим шкалам заявленных методик показала, что распределение не соответствует нормальному, однако не наблюдаются экстремальные (максимальные или минимальные) значения.

Рассмотрим результаты корреляционного анализа компонентов субъективного благополучия с метакогнитивными убеждениями (рис. 1).

Выявлено наличие взаимосвязи компонентов субъективного благополучия с метакогнитивными убеждениями. Положительная связь наблюдается только по показателю внимательности к собственным мыслительным процессам в отношении с социально-нормативным ($R_s = 0,111$ при $p < 0,003$), экзистенциально-деятельностным ($R_s = 0,149$ при $p < 0,001$), субъективным благополучием ($R_s = 0,103$ при $p < 0,006$). Отрицательная связь наблюдается по показателю контроля мыслей с эго-благополучием ($R_s = -0,127$ при $p < 0,001$), эмоциональным ($R_s = -0,177$ при $p < 0,001$) и субъективным благополучием ($R_s = -0,115$ при $p < 0,002$).

Рис. 1. Результаты корреляционного анализа компонентов субъективного благополучия с метакогнитивными убеждениями

Fig. 1. Results of correlation analysis of components of subjective well-being with metacognitive beliefs

Отрицательная связь выявлена также по показателю положительных убеждений, касающихся беспокойства, с эго-благополучием ($R_s = -0,113$ при $p < 0,003$), эмоциональным ($R_s = -0,133$ при $p < 0,001$), социально-нормативным ($R_s = -0,109$ при $p < 0,004$), экзистенциально-деятельностным ($R_s = -0,082$ при $p < 0,029$), субъективным благополучием ($R_s = -0,105$ при $p < 0,005$). Следует отметить, что между данными показателями не наблюдается тесных связей. Исключением являются негативные убеждения, связанные с неуправляемостью и опасностью беспокойства, а также когнитивная несостоятельность, которые имеют тесную обратную связь с эмоциональным благополучием ($R_s = -0,435$ при $p < 0,001$; $R_s = -0,316$ при $p < 0,001$), экзистенциально-деятельностным благополучием ($R_s = -0,318$ при $p < 0,001$; $R_s = -0,357$ при $p < 0,001$), эго-благополучием ($R_s = -0,408$ при $p < 0,001$; $R_s = -0,351$ при $p < 0,001$), субъективным благополучием ($R_s = -0,382$ при $p < 0,001$; $R_s = -0,346$ при $p < 0,001$).

Далее рассмотрим результаты корреляционного анализа компонентов субъективного благополучия с типом рефлексии (рис. 2).

Выявлено наличие взаимосвязи компонентов субъективного благополучия с рефлексией. Положительная связь наблюдается только по показателю системная рефлексия в отношении с эмоциональным ($R_s = 0,100$ при $p < 0,008$), социально-нормативным ($R_s = 0,177$ при $p < 0,001$), экзистен-

циально-деятельностным ($R_s = 0,177$ при $p < 0,001$), субъективным благополучием ($R_s = 0,093$ при $p < 0,014$). Отрицательная связь выявлена по показателю квазирефлексии с эго-благополучием ($R_s = -0,142$ при $p < 0,001$), социально-нормативным ($R_s = -0,107$ при $p < 0,004$), гедонистическим ($R_s = -0,116$ при $p < 0,002$), экзистенциально-деятельностным ($R_s = -0,080$ при $p < 0,034$), субъективным благополучием ($R_s = -0,123$ при $p < 0,001$). Наиболее тесные связи ($R_s > 0,3$) выявлены по показателю интроспекции в отношении с показателями эмоционального благополучия ($R_s = -0,416$ при $p < 0,001$), экзистенциально-деятельностного благополучия ($R_s = -0,328$ при $p < 0,001$), эго-благополучия ($R_s = -0,471$ при $p < 0,001$) и субъективного благополучия ($R_s = -0,412$ при $p < 0,001$).

Далее рассмотрим результаты корреляционного анализа компонентов субъективного благополучия с метакогнитивными навыками (рис. 3).

Выявлено наличие взаимосвязи компонентов субъективного благополучия с метакогнитивными навыками. Отрицательная связь наблюдается только по показателю снижения рефлексии над когнитивными операциями с эмоциональным благополучием ($R_s = -0,089$ при $p < 0,019$), эго-благополучием ($R_s = -0,080$ при $p < 0,035$), социально-нормативным ($R_s = -0,094$ при $p < 0,012$), гедонистическим ($R_s = -0,096$ при $p < 0,011$), экзистенциально-деятельностным ($R_s = -0,118$ при $p < 0,002$) и субъективным благополучием ($R_s = -0,105$ при

Рис. 2. Результаты корреляционного анализа компонентов субъективного благополучия с рефлексией

Fig. 2. Results of correlation analysis of components of subjective well-being with reflection

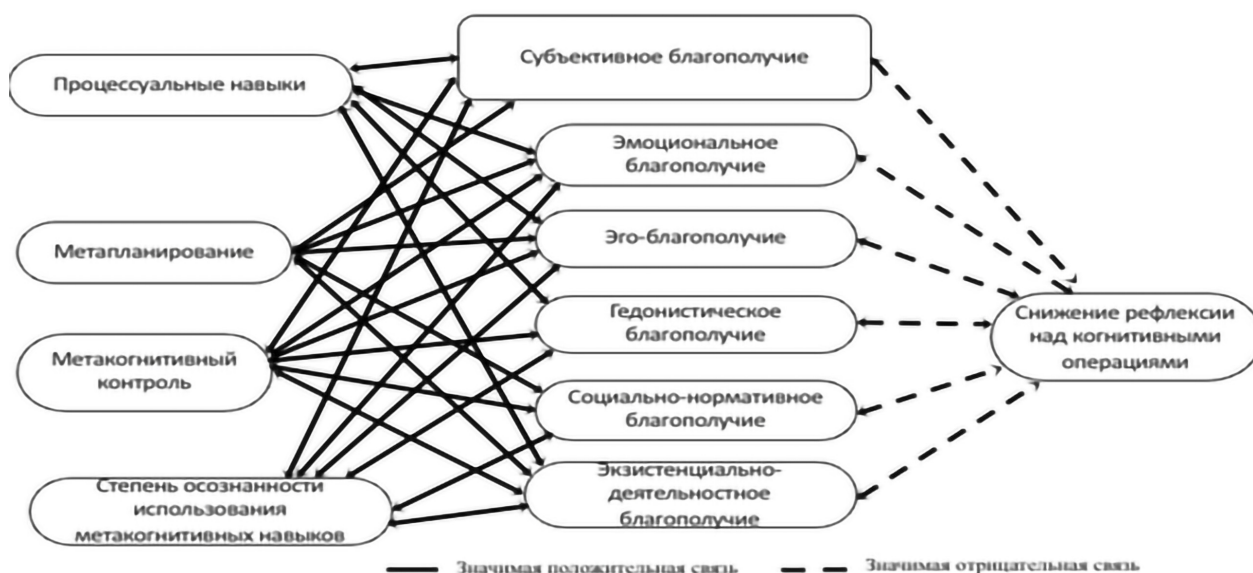

Рис. 3. Результаты корреляционного анализа компонентов субъективного благополучия с метакогнитивными навыками

Fig. 3. Results of correlation analysis of components of subjective well-being with metacognitive skills

$p < 0,005$). По показателю процессуальных навыков наблюдается положительная связь с эго-благополучием ($R_s = 0,112$ при $p < 0,003$), эмоциональным ($R_s = 0,093$ при $p < 0,013$), экзистенциально-деятельностным ($R_s = 0,181$ при $p < 0,001$), гедонистическим ($R_s = 0,077$ при $p < 0,040$), субъективным благополучием ($R_s = 0,143$ при $p < 0,001$). Метакогнитивный контроль и степень осознанности использования метакогнитивных навыков положительно коррелируют с эго-благополучием ($R_s = 0,136$ при $p < 0,001$; $R_s = 0,128$ при $p < 0,001$), эмоциональным ($R_s = 0,152$ при $p < 0,001$; $R_s = 0,117$

при $p < 0,002$), гедонистическим ($R_s = 0,086$ при $p < 0,023$; $R_s = 0,081$ при $p < 0,031$), социально-нормативным ($R_s = 0,187$ при $p < 0,001$; $R_s = 0,222$ при $p < 0,001$), экзистенциально-деятельностным ($R_s = 0,211$ при $p < 0,001$; $R_s = 0,187$ при $p < 0,001$) и субъективным благополучием ($R_s = 0,178$ при $p < 0,001$; $R_s = 0,168$ при $p < 0,001$). Метапланирование также положительно коррелирует с эго-благополучием ($R_s = 0,135$ при $p < 0,001$), эмоциональным ($R_s = 0,126$ при $p < 0,001$), социально-нормативным ($R_s = 0,215$ при $p < 0,001$), экзистенциально-деятельностным ($R_s = 0,191$ при $p < 0,001$), субъективным

благополучием ($R_s = 0,171$ при $p < 0,001$). Следует отметить, что тесных связей между метакогнитивными навыками и компонентами субъективного благополучия не было выявлено.

В целом наличие значимой корреляционной связи между уровнем субъективного благополучия и уровнем наличия характеристик метапознания в целом согласуется с данными предыдущих исследований, выполненных преимущественно на студенческих выборках [1; 8; 13; 10]. В работах О. И. Даниленко саморегуляция, дисциплинированность, а также антипационная состоятельность положительно коррелируют с субъективным благополучием [2]. Иными словами, на удовлетворенность своей жизнью влияют навыки саморегуляции, склонность к соблюдению правил на работе и в быту. В работах Р. Аразмохамдулы и М. С. Тилеубаевой также подтверждена взаимосвязь между эмоциональным интеллектом и уровнем регуляции психоэмоциональных состояний и субъективного благополучия [1].

Следует отметить, что по результатам настоящего исследования было обнаружено, что при высоком уровне значимости выявленных корреляций наиболее тесные связи с благополучием имеют скорее негативные, нежели позитивные, характеристики метапознания. В таком случае можно сделать вывод лишь о частичном подтверждении выдвинутой гипотезы. Однако, учитывая, что в предыдущих наших работах эта тенденция прослеживается [3; 4], можно предположить, что высокий уровень метакогнитивных навыков и поддерживающих схем будет не совсем самостоятельно, не напрямую, а возможно, и опосредованно связан с другими факторами. Также, пред-

положительно, это может объясняться спецификой самой выборки и тем фактом, что в современных условиях внешние негативные факторы будут иметь более выраженное влияние на уровень благополучия, чем внутренние позитивные.

В качестве ограничений и одновременно перспективы дальнейшей разработки темы можно обозначить необходимость расширения предмета исследования и учет характеристик пола и возраста.

Заключение

На основании проведенного корреляционного анализа можно сделать вывод о наличии взаимосвязи компонентов субъективного благополучия с метакогнитивными убеждениями, рефлексией, метакогнитивными навыками: негативные убеждения, связанные с неуправляемостью и опасностью беспокойства, а уровень выраженности убеждений о невозможности контроля беспокойства, негативных убеждений о собственной мнестической деятельности, самокопания, обратную связь с эмоциональным благополучием, экзистенциально-деятельностным благополучием, эго-благополучием и субъективным благополучием. Другими словами, чем выше уровень этих негативных характеристик метапознания, тем ниже будут показатели эмоционального самочувствия, способности прилагать усилия для достижения благополучия, принятия себя, общего отношения респондентов к своей жизни и к профессии. Следовательно, данные метакогнитивные схемы могут выступать факторами, снижающими уровень субъективного благополучия.

Список источников

1. Аразмохамдулы Р., Тилеубаева М. С. Эмоциональный интеллект как важный фактор психологического благополучия современной молодежи // Стольпинский вестник. 2023. Т. 3, № 5. С. 1272–1280.
2. Даниленко О. И. Антипационная состоятельность как предиктор субъективного благополучия студентов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. № 3 (24). С. 264–268.
3. Денисова Е. Г. Психологическое благополучие людей, переживших трудную жизненную ситуацию: аффективно-когнитивный аспект // Cognitive Neuroscience. 2021: материалы международного форума (Екатеринбург, 2–3 декабря 2021 г.). Екатеринбург : Изд-во Урал. университета, 2022. С. 127–131.
4. Денисова Е. Г., Ермаков П. Н., Абакумова И. В., Сылка Н. В. Эмоционально-личностные и метакогнитивные предикторы психологического благополучия студентов в современных условиях // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27, № 5. С. 85–96. DOI: 10.17759/pse.2022270507
5. Звездина Г. П., Елагина М. Ю., Хачатурян Н. Н. Психологическое благополучие как фактор личностной и профессиональной продуктивности менеджеров образования // Сборник научных трудов научно-практической конференции с международным участием «Социокультурные проблемы развития образования в условиях проектного управления» / под ред. И. В. Абакумовой, М. Ю. Елагиной, И. В. Чумак. М., 2018. С. 36–43.

6. Матюшина М. Г. Основные подходы к раскрытию понятия «Субъективное благополучие» в отечественной и зарубежной психологии // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2016. № 182. С. 127–131.
7. Молчанова Л. Н., Кузнецова А. А. Рефлексивно-смысловая регуляция состояния психического выгорания у педагогов специального коррекционного образовательного учреждения и оценивание ее эффективности // Перспективы науки и образования. 2019. № 2 (38). С. 212–228. DOI: 10.32744/pse.2019.2.16
8. Моросанова В. И. Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2021. № 1. С. 4–37.
9. Никифорова Т. Ю. Особенности взаимосвязи фрустрационных реакций учителей в профессиональных и житейских ситуациях // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2021. № 1. С. 65–72. DOI:10.18323/2221-5662-2021-1-65-72
10. Перикова Е. И., Бызова В. М. Метапознание учебной деятельности студентов с разным уровнем психической саморегуляции // Science for Education Today. № 10 (5). С. 104–118. DOI: 10.15293/2658–6762.2005.06
11. Скрынникова А. А., Гришина А. В. Компоненты психологического благополучия личности // Актуальные проблемы науки и техники – 2020 : материалы национальной научно-практической конференции / отв. редактор Н. А. Шевченко. Ростов н/Д., 2020. С. 1247–1248.
12. Татьяна Л. Г., Вахнин Н. А., Сазонова Н. Н., Сорокин С. И. Копинг-стратегии студентов-спортсменов с разным уровнем эмоционального выгорания // Теория и практика физической культуры. 2023. № 3. С. 30–32.
13. Шадрин А. А. Социально-психологические предикторы субъективного благополучия курсантов военных вузов // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2014. № 4. С. 54–58.
14. Шамионов Р. М. Психология субъективного благополучия личности. Саратов : Саратов. гос. университет, 2004. 180 с.
15. Azañedo C. M., Artola T, Sastre S., Alvarado J. M. Character Strengths Predict Subjective Well-Being, Psychological Well-Being, and Psychopathological Symptoms, Over and Above Functional Social Support // Frontiers in Psychology. 2021. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.661278
16. Brown A. L. Metacognition, executive control, self-regulation and other more mysterious Mechanisms // Metacognition, Motivation, and Understanding. New Jersey, 1987. P. 3.
17. Dann R. Assessment as learning: Blurring the boundaries of assessment and learning for theory, policy and practice // Assessment in Education: Principles, Policy and Practice. 2014. № 21 (2). P. 149–166. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/0969594X.2014.898128>
18. Diener E., Suh E. M., Lucas R. E., Smith H. L. Subjective Well-Being: Three Decades of Progress // Psychological Bulletin. 1999. Vol. 125, № 2. P. 276–302.
19. Flavell J. H. Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive developmental inquiry // American Psychologist. 1979. № 34. P. 906–911.
20. Kornell N. If it is stored in my memory I will surely retrieve it: anatomy of a metacognitive belief // Metacognition and Learning. 2015. № 10. P. 279–292. DOI: 10.1007/s11409-014-9125-z
21. Martinez S., Davalos D. Investigating metacognition, cognition, and behavioral deficits of college students with acute traumatic brain injuries // Journal of American College Health. 2016. № 64 (5). P. 390–396. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/07448481.2016.1167057>
22. Shin D., Johnson D. Avowed Happiness As an Overall Assessment of the Quality of Life // Social Indicators Research. 1978. № 5 (1). P. 475–492.

References

1. Arazmohamaduly R, Tileubaeva MS. Emotional intelligence as a critical factor in the psychological development of modern evolution. *Stolypinskiy vestnik* [Stolypinsky Bulletin]. 2023;(3)5:1272–1280. (In Russ.).
2. Danilenko OI. Anticipatory competence as a predictor of students' selective mood. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya* [Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology]. 2018;3(24):264–268. (In Russ.).
3. Denisova EG. Psychological well-being of people who have experienced a difficult life situation: affective-cognitive aspect. In: *Kognitivnaya neyronauka* [Cognitive neuroscience]. Materials of the international forum

(Yekaterinburg, December 2–3, 2021). Yekaterinburg, Ural University Publishing House; 2022. Pp. 127–131. (In Russ.).

4. Denisova EG, Ermakov PN, Abakumova IV, Sylka NV. Emotional-personal and metacognitive predictors of psychological well-being of students in modern conditions. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye* [Psychological Science and Education]. 2022;5(27):85-96. DOI: 10.17759/pse.2022270507. (In Russ.).

5. Zvezdina GP, Elagina MYu, Khachaturyan NN. Psychological well-being as a factor in the personal and professional productivity of education managers. In: Sbornik nauchnykh trudov nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem “Sotsiokul’turnyye problemy razvitiya obrazovaniya v usloviyakh proyektного upravleniya” [Collection of scientific papers of the scientific-practical conference with international participation “Sociocultural problems of education development in the conditions of project management”. Ed. IV Abakumova, MYu Elagina, IV. Chumak. Moscow; 2018. Pp. 36–43. (In Russ.).

6. Matyushina MG. Basic approaches to revealing the concept of “Subjective well-being” in domestic and foreign psychology. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena* [News of the Russian State Pedagogical University named after AI Herzen]. 2016;(182):127-131. (In Russ.).

7. Molchanova LN, Kuznetsova AA. Reflective-semantic regulation of the state of mental burnout among teachers of a special correctional educational institution and assessment of its effectiveness. *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [Perspectives of science and education]. 2019;2(38):212-228. DOI: 10.32744/pse.2019.2.16. (In Russ.).

8. Morosanova VI. Conscious self-regulation as a meta-resource for achieving goals and solving life problems. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University. Episode 14. Psychology]. 2021;(1):4-37. (In Russ.).

9. Nikiforova TYu. Features of the relationship between teachers’ frustration reactions in professional and everyday situations. *Vektor nauki Tol’yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya* [Vector of science of Tolyatti State University. Series: Pedagogy, psychology]. 2021;(1):65-72. DOI: 10.18323/2221-5662-2021-1-65-72. (In Russ.).

10. Perikova EI, Byzova VM. Metacognition of educational activities of students with different levels of mental self-regulation. *Science for Education Today* [Science for Education Today]. 2005;10(5):104-118. DOI: 10.15293/2658-6762.2005.06. (In Russ.).

11. Skrynnikova AA, Grishina AV. Components of psychological well-being of the individual. *Aktual’nyye problemy nauki i tekhniki 2020. Materialy natsional’noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Current problems of science and technology. 2020. Materials of the national scientific and practical conference]. Ed. NA Shevchenko. Rostov on Don; 2020. Pp. 1247–1248. (In Russ.).

12. Tatyana LG, Vakhnin NA, Sazonova NN, Sorokin SI. Coping strategies of student-athletes with different levels of emotional burnout. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul’tury* [Theory and practice of physical culture]. 2023;(3):30-32. (In Russ.).

13. Shadrin AA. Socio-psychological predictors of subjective well-being of cadets of military universities. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika* [Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics]. 2014;(4):54-58. (In Russ.).

14. Shamionov RM. Psikhologiya sub’yektivnogo blagopoluchiya lichnosti [Psychology of subjective well-being of the individual]. Saratov; 2004. 180 p. (In Russ.).

15. Azañedo CM, Artola T, Sastre S, Alvarado JM. Character Strengths Predict Subjective Well-Being, Psychological Well-Being, and Psychopathological Symptoms, Over and Above Functional Social Support. *Granitsy v psikhologii* [Frontiers in Psychology]. 2021. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.661278

16. Brown AL. Metacognition, executive control, self-regulation and other more mysterious Mechanisms. *Metapoznaniye, motivatsiya i ponimaniye* [Metacognition, Motivation, and Understanding]. New Jersey, 1987.

17. Dann R. Assessment as learning: Blurring the boundaries of assessment and learning for theory, policy and practice. *Otsenka v obrazovanii: printsipy, politika i praktika* [Assessment in Education: Principles, Policy and Practice]. 2014;21(2):149-166. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/0969594X.2014.898128>

18. Diener ESu EM, Lucas RE, Smith HL. Subjective well-being: three decades of progress. *Psikhologicheskyy vestnik* [Psychological Bulletin]. 1999;2(125):276-302.

19. Flavell JH. Metacognition and cognitive monitoring: a new area of cognitive development research. *Amerikanskiy psikholog* [American Psychologist]. 1979;(34):906-911.

20. Cornell N. If it remains in my memory, I will definitely retrieve it: the anatomy of metacognitive belief. *Metapoznaniye i obucheniye* [Metacognition and learning]. 2015;(10):279-292. DOI: 10.1007/s11409-014-9125-z.

21. Martinez S, Davalos D. Investigating metacognition, cognition, and behavioral deficits of college students with acute traumatic brain injuries. *Zhurnal American College Health* [Journal of American College Health]. 2016;64(5):390-396. DOI: 10.1080/07448481.2016.1167057

22. Shin D, Johnson D. Avowed Happiness As an Overall Assessment of the Quality of Life. *Issledovaniya sotsial'nykh indikatorov* [Social Indicators Research]. 1978;5(1):475-492.

Информация об авторах

А. Э. Кочкорбаева — студент.

Е. Г. Денисова — кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психофизиология и клиническая психология», старший научный сотрудник РНЦ РАО ЮФУ.

И. В. Абакумова — доктор психологических наук, профессор, академик РАО, декан факультета «Психология, педагогика и дефектология», главный научный сотрудник РНЦ РАО ЮФУ.

Information about the authors

A. E. Kochkorbaeva — Student.

E. G. Denisova — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Psychophysiology and Clinical Psychology, Senior Researcher at the Russian Scientific Center RAO Southern Federal University.

I. V. Abakumova — Doctor of Psychology Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Dean of the Faculty of Psychology, Pedagogy and Defectology, Chief Researcher of the Russian Research Center of the Russian Academy of Education Southern Federal University.

Статья поступила в редакцию 04.11.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 04.11.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

MONTIBVSELSIN
IOIACIABATCORI
CRVDELISLEXINI
CARMINLNOSTRI
REFORMA.F.DN.VN
MONTIBVSELSIN
IOIACIABATCORI
CRVDELISLEXINI
CARMINLNOSTRI